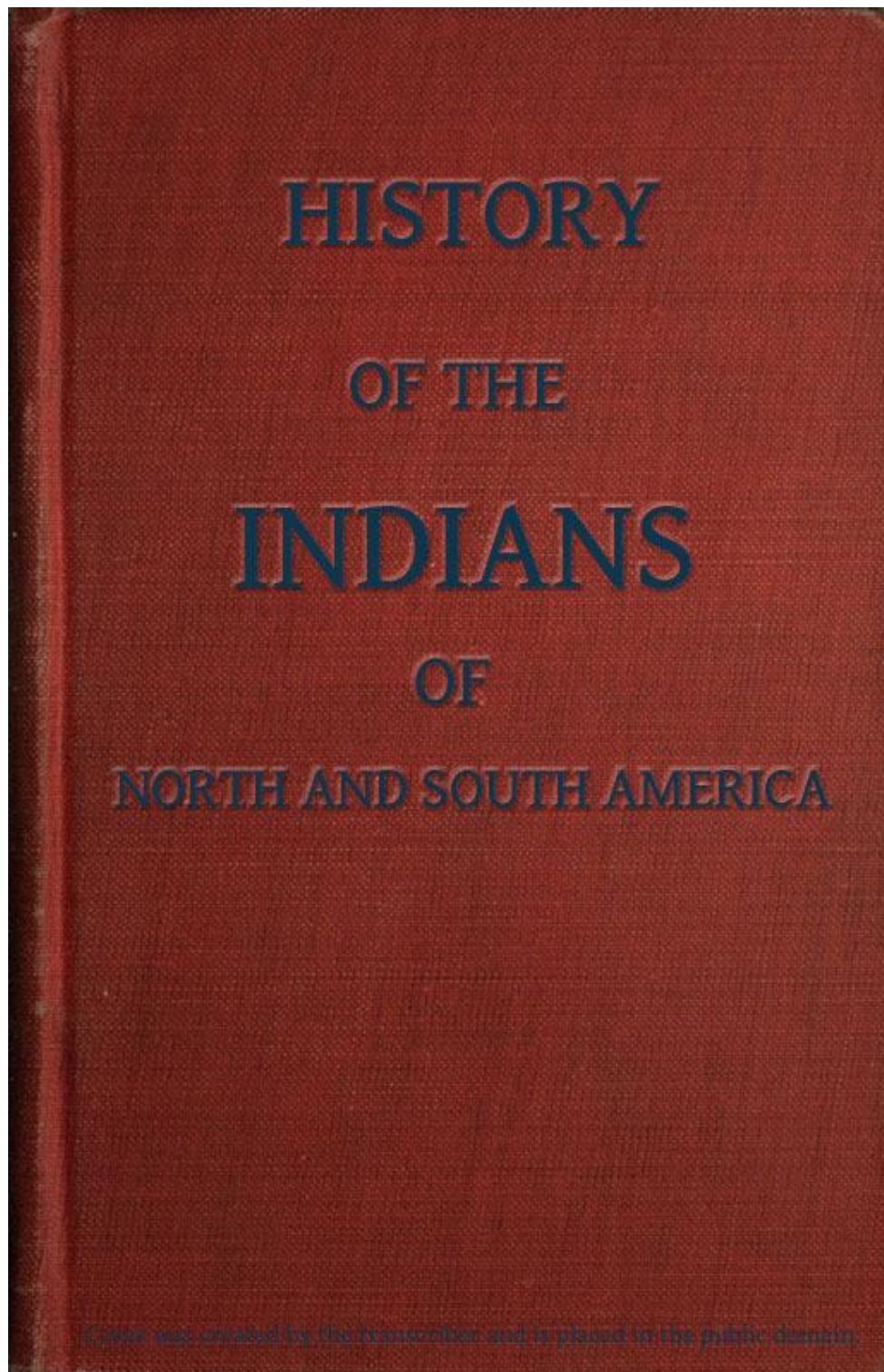

История индейцев Северной и Южной Америки

Сэмюэл Г. Гудрич

Электронная книга проекта Гутенберга по истории индейцев Северной и Южной Америки

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История индейцев Северной и Южной Америки

Автор: Сэмюэл Г. Гудрич

Дата выхода: 1 марта 2017 г. [Электронная книга № 54266]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Синди Хортон, WebRover, Адрианом Мастронарди и командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ ИНДЕЙЦЕВ СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ АМЕРИКИ" ***

Электронная книга проекта Гутенберга "История индейцев Северной и Южной Америки"
Сэмюэля Г. (Samuel Griswold) Гудрич

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через интернет-архив.
Посмотреть <https://archive.org/details/histindiansnorth00goodrich>

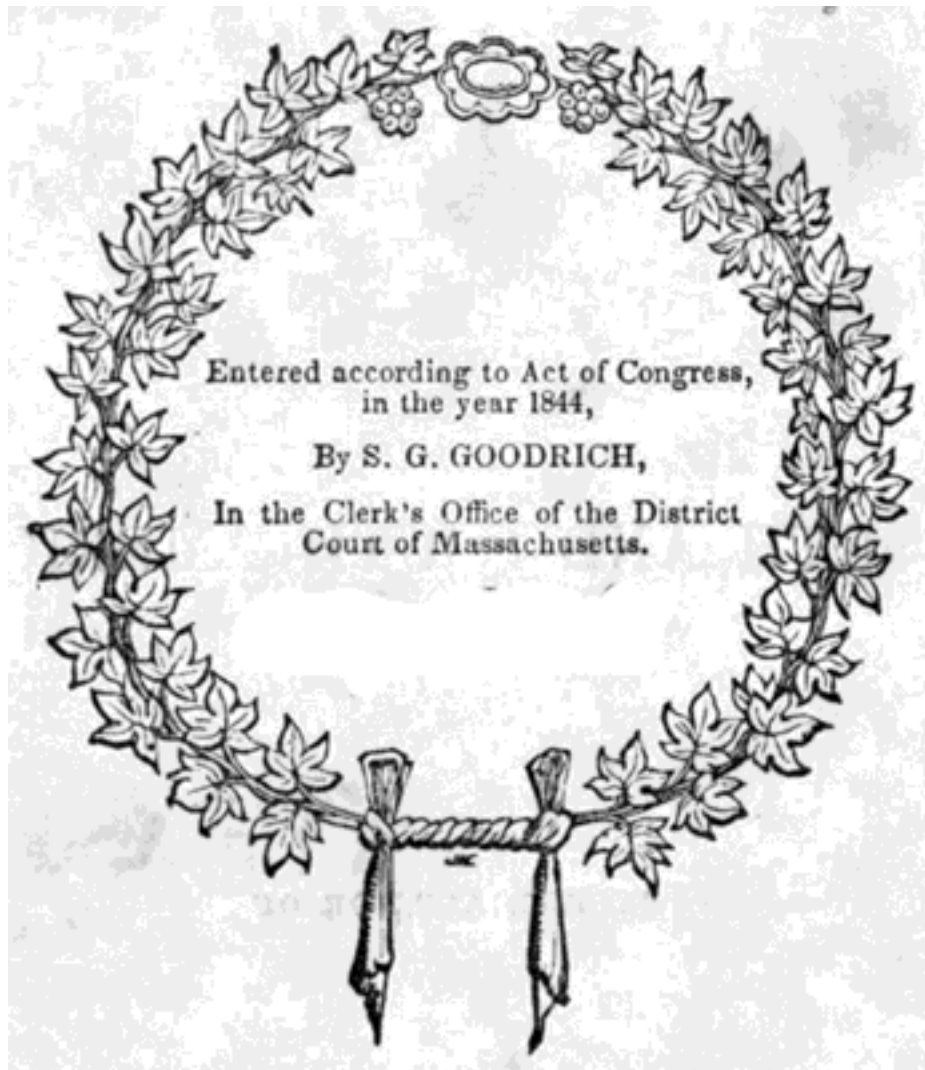
ИСТОРИЯ ИНДЕЙЦЕВ СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ АМЕРИКИ.

АВТОР КНИГИ "РАССКАЗЫ ПИТЕРА ПАРЛИ".

БОСТОН:

БРЭДБЕРИ, СОДЕН И КО.

M DCCC XLIV.

Введен в соответствии с Актом Конгресса в 1844 году

С. Г. ГУДРИЧЕМ,

в канцелярии окружного суда Массачусетса.

СОСТАВЛЕНО КОМПАНИЕЙ METCALF, KEITH & NICHOLS,
КЕМБРИДЖ.

WM. A. HALL & CO., ПРИНТЕРЫ,
Уотер-стрит, 12.

Содержание.

	СТРАНИЦА
Введения	5
Происхождение аборигенов	10
Классификация индейцев	16
Аборигены Вест-Индии	22
Карибы	34
Ранняя история Мексики	41
Мексика от прибытия Кортеса	54
Империя инков	80
Арауканцы	98
Южные индейцы Южной Америки	112
Индейцы Бразилии	121
Индейцы Флориды	129
Индейцы Вирджинии	147
Южные индейцы	160
Индейцы Новой Англии	170
Пять наций и др.	192
Шесть наций	205
Западные индейцы к востоку от Миссисипи	219
Западные и южные индейцы	233
Различные племена северных и западных индейцев	241
Индейцы к западу от Миссисипи	256
Современное состояние западных индейцев в Соединенных Штатах	287
Перспективы западных племен	297

ИСТОРИЯ АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ

Введение.

Когда Америка была впервые открыта, оказалось, что она населена расой людей, отличной от любой из уже известных. Их называли индейцами из Вест-Индии, где их впервые увидели и которую Колумб, согласно общепринятому мнению того времени, считал частью Ост-Индии. Исследуя побережья и внутренние районы огромного континента, повсюду были обнаружены одни и те же необычные люди, в разных вариантах. Их общее телосложение и черты, характер, привычки и обычаи были слишком очевидно схожи, чтобы не считать уместным классифицировать их под одним общим названием; и все же в этих отношениях существовало достаточное разнообразие, позволяющее объединить их в более мелкие подразделения, как семьи или племена. Они часто брали свои названия по названию тех частей страны, где они жили.

Только что упомянутые различия были, действительно, не большими, чем можно было ожидать, исходя из разнообразия климата, образа жизни и степени благоустройства, существовавших между ними. Иногда индейцев находили собранными в большом количестве по берегам рек или озер или в густых лесах, служивших их охотничьими угодьями; и нередко также небольшими группами они были разбросаны по обширной территории страны. Поскольку они часто были вовлечены в войны друг с другом, могущественное племя иногда подчиняло своему влиянию множество других, более мелких племен, которых оно держало в качестве своих вассалов.

Невозможно дать точный отчет об их количестве. Некоторые оценивают всю сумму в Северной и Южной Америке на момент открытия континента даже в сто или сто пятьдесят миллионов. Эта оценка, несомненно, завышена. Более вероятным было бы от пятнадцати или двадцати до двадцати пяти миллионов. Но их число значительно уменьшилось, и от всей древней расы сейчас осталось не более четырех или пяти миллионов, если не так много. Эпидемии, войны, лишения и страдания различного рода были их уделом на протяжении почти четырехсот лет; и они растаяли при приближении белого человека; так что даже одинокого индейца теперь едва можно встретить рядом с могилой его отцов, где когда-то боевой клич мог бы призвать тысячу

или более доблестных мужчин выйти и вступить всмертельную битву. Вместе с ними погибли, во многих случаях, их древние традиции; и поскольку у них не было других средств передачи записей о своих деяниях, их история утеряна, за исключением отдельных фрагментов, которые были собраны каким-нибудь белым человеком, более любопытным, чем его собратья, в изучении их настоящей или прошлой судьбы. Памятники, действительно, существуют, широко разбросанные по странам, которые они когда-то занимали; некоторые грубые и неискusstvenные, не отличающиеся мастерством или вкусом; а другие, очевидно, возведены с немалыми затратами времени и труда и характеризуются всеми признаками народа, намного опередившего своих соседей в искусстве и цивилизации.

Кем они были воспитаны, когда и по какой причине? Как долго они пребывали в таком безмятежном покое и рассыпались в безмолвных руинах? вот вопросы, которые возникают в сознании размышляющего путешественника, когда он стоит рядом с их странными формами или среди них и разглядывает то, что кажется гробницами погребенных эпох. Но язык истории нем, и те, кто мог бы ответить на его вопросы, давно ушли из жизни.

Таким образом, дать исторический отчет об американских индейцах - задача, сопряженная с немалыми трудностями. Источники информации должны быть почти полностью получены от их победителей и врагов; и хотя описанные инциденты могут быть в основном верными, а причины, лежащие на поверхности, легко известны, все же более скрытые, тайные пружины действия находятся вне нашей досягаемости. У нас нет самого индейца, записывающего для нас мотивы, которые побуждали его суровый дух, тщательно скрывающего свои замыслы ото всех, питающего темные намерения и вынашивающего свои планы. Нас не допускают на совет воинов или мудрецов и не разрешают слушать их рассказы о зле, реальном или воображаемом, которому они подверглись, или видеть, как один за другим вожди или советники высказывают свое мнение, и закладывается глубокий заговор, который должен закончиться страшной местью, вплоть до уничтожения, ненавистным незванным гостям.

Все эти различные стимулы к действию почти или совсем выходят за рамки нашего рассмотрения. И все же только созерцая их, можно по-настоящему оценить историю Индии; ибо все эти подробности бросают свой свет и тени на портрет этого самого необычного народа. Едва ли можно было ожидать, что они, пострадавшие от страшной мести краснокожего, видевшие, так сказать, нож для снятия скальпеля, сверкавший вокруг головы любимой жены, или ребенка, или друга, или почувствовавшие, как стрела вонзилась в их собственное тело, или услышавшие боевой клич, ужасающим эхом разносящийся по домашней тишине их жилища, - действительно, едва ли можно было ожидать, что такие люди будут столь правдивы или беспристрастны, как если бы их призвали запечатлеть сцены более мирного и благодарного характера. Поэтому, не поступая несправедливо по отношению к ранним авторам, предполагая, что они намеревались исказить факты, — все же, просматривая их описания вероломства, заговоров, убийств, жестокости и мести, мы должны помнить, что у красного человека не было никого из его расы, кто мог бы записать для него его историю, и быть искренними и справедливыми в наших суждениях, где часто может быть немало поводов для смягчения, если не для полного снятия вины.

Давайте также помнить об одном примечательном факте, а именно о том, что при их первом знакомстве прием, оказанный европейцам американцами, был доверительным и

гостеприимным, и что за это доверие и гостеприимство обычно расплачивались предательством, грабежом и убийствами. Такова была история событий первого столетия, пока, наконец, краснокожие люди по всему континенту научились считать европейцев своими врагами, расхитителями их богатств, разорителями их деревень, жадными узурпаторами их свободы и земель. Нам рассказывают о племенах птиц во внутренних районах Африки, которые сначала позволяли путешественникам приближаться к ним, еще не усвоив урок страха; но после того, как птицелов посеял среди них смерть, они обнаружили, что человека следует бояться, и при его приближении разбежались. Коренным жителям Америки предстояло усвоить аналогичный урок; и хотя они не всегда убегали при приближении своего европейского врага, это было не потому, что они ожидали милосердия от его рук.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АБОРИГЕНОВ.

Происхождение аборигенов Америки окутано тайной. Ученые и способные люди потворствовали многим спекуляциям и написали множество томов, чтобы обосновать, каждый из них, свою любимую теорию. Предположение, благодаря череде остроумных рассуждений и сравнений, переросло в вероятность и, наконец, почти превратилось в уверенность. На какое-то время, как и в случае со знаменитыми “Письмами Юния”, вопрос казался решенным; доказательства казались настолько правдоподобными, что опровергать их было бы сочтено почти недоверием. Но было выдвинуто другое предположение, более вероятное, и оно вытеснило первое; каждое, в свою очередь, ушло в прошлое, и мы, возможно, не ближе к истине, чем раньше. Мы обратим внимание на несколько наиболее ярких из этих мнений.

1. Некоторые авторы предполагали, что индейцы имеют *еврейское* происхождение; они произошли либо от части десяти колен, либо от евреев более позднего времени. Этой точки зрения придерживались Будино и многие другие; и Кэтлин в своих “Письмах” недавно отстаивал ее, особенно в отношении индейцев к западу от Миссисипи. В доказательство этого мнения, делается ссылка на сходство, более или менее поразительное, во многих их обычаях, обрядах и церемониях, жертвоприношениях и традициях. Таким образом, он обнаружил, что многие из их способов поклонения чрезвычайно похожи на методы моисеевых учреждений. Он упоминает множество деталей, касающихся отделения, очищения, праздников и постов,

которые кажутся ему очень важными. “Это, ” говорит он, “ на мой взгляд, является убедительным доказательством того, что в жилах этих людей течет еврейская кровь”. Также были предприняты попытки, но без особого успеха, обнаружить сходство слов в их языке с ивритом, и некоторые очень способные авторы придерживаются мнения, что этот факт установлен. То, что могут существовать такие сходства, которые предполагаются, весьма вероятно, однако они, возможно, случайны или только такие, которые можно найти среди всех языков. Кроме того, необходимо учитывать состояние ума наблюдателя и его желание найти аналогии, а также его незнание корней индийского языка и его склонность смешивать их традиции со своими собственными фантазиями. Более того, многие из этих сходств относятся скорее к общим характеристикам патриархальной эпохи, чем к особенностям еврейской экономики. Даже допуская аналогии в манерах и обычаях, упомянутые Кэтлином и другими, они не столь поразительны, как аналогии греков, описанные Гомером, с аналогиями евреев, описанными в Библии. Между идеями и обычаями наших американских индейцев и многих восточных народов есть поразительное сходство, которое показывает их азиатское происхождение, но все же они отождествляют их не больше с евреями, чем с татарами, египтянами или даже персами.

2. Некоторые предполагали, что древние *финикийцы* или *карфагеняне* своих плаваний по океану проникли на этот Западный континент и основали колонии. Поскольку это всего лишь предположение, не подкрепленное никакими историческими доказательствами, хотя и здесь были обнаружены мнимые сходства в языке и некоторых второстепенных вещах, оно может быть отклонено как недостойное серьезного рассмотрения.

3. Другие снова вообразили, что *Восточный и Западный континенты когда-то были объединены* сушей, занимавшей пространство, которое сейчас заполнено Атлантическим океаном; и что до великого разрушения имела место эмиграция. Что касается этой точки зрения, то она сталкивается с большими трудностями, чем первая. В истории не сохранилось ни малейшего следа подобного события. Следовательно, только это имеет право рассматриваться как *возможный* способ заселения Западного континента.

4. Претензии *валлийцев* выдвигались с немалым рвением, и некоторые сочли их более правдоподобными. Они утверждают, что примерно в 1170 году, после смерти Оуэна Гвинета, между его сыновьями возникла борьба за престолонаследие; что один из них, недовольный этой ссорой, сел на десять кораблей с несколькими людьми и плыл на запад, пока не открыл неизвестную землю; что, оставив часть своего народа в качестве колонии, он вернулся в Уэльс, а через некоторое время снова отплыл с новыми рекрутами, и с тех пор о нем никогда не слышали. Саути построил на этой традиции свою прекрасную поэму “Мэдок” - имя воображаемого вождя, стоявшего во главе предприятия. Однако утверждается, что автор, которым рассказ был впервые опубликован, прожил по меньшей мере 400 лет после описываемых событий, и таким образом дискредитируется все в целом. М-р Кэтлин в приложении к своему второму тому, очевидно, забыв, что он уже приписывал еврейскому происхождению определенные обряды и обрядности того же народа, по-видимому, предполагает, что манданы, несомненно, являются потомками Мэдока и его валлийцев, которые, как он думает, вошли в Мексиканский залив и поплыли вверх по Миссисипи вплоть до реки Огайо, откуда впоследствии эмигрировали на Дальний Запад. Он приводит несколько слов

манданского языка, которые он сравнивает с валлийским и которые, следует признать, имеют значительное сходство друг с другом для обозначения одних и тех же идей. Тем не менее, эту теорию следует рассматривать как совершенно фантастическую.

5. Предположение, более правдоподобное, чем любое другое, состоит в том, что Америка была заселена выходцами из *северо-восточной части Азии*. Это, по-видимому, соответствует общему мнению самих индейцев, которые представляют своих предков как некогда проживавших на Северо-Западе Америки. Это соответствует истории и в другом отношении. Путем последовательных эмиграций Азия обеспечила Европу и Африку своим населением, и почему не Америка? Если она могла обеспечить другие части земного шара миллионами людей с различными физическими и моральными качествами, почему бы также не обеспечить Америку ее первыми жителями? Идентичность аборигенов с народами Северо-Восточной Азии, действительно, не может быть полностью установлена; но, хотя многие причины, возможно, способствовали уничтожению этого сходства, показано достаточно других фактов, чтобы эта теория превалировала над всеми другими.

Если это предположение верно, то не следует предполагать, что вся эмиграция на этот континент произошла одновременно. Несомненно, люди прибывали последовательно из разных частей Азии; и таким образом, индийские предания, которые относят Северо-запад к стране их предков, а также к разделяющим их периодам и промежуткам, в течение которых люди с различным характером появлялись один за другим и оставляли некоторые следы своего проживания, могут быть объяснены.

Североамериканские индейцы в Совете.

КЛАССИФИКАЦИЯ ИНДЕЙЦЕВ.

Что касается общего сходства индейцев, то талантливый писатель недавнего времени, рассматривая этот вопрос, говорит: “Свидетельства всех путешественников доказывают, что коренные американцы обладают определенными физическими характеристиками, которые позволяют идентифицировать их в самых отдаленных местах, в то время как их моральный облик не менее схож с ними. В их многочисленных языках также есть некоторые следы общего происхождения; и можно принять как факт, что ни одна другая раса людей не сохраняет столь поразительной аналогии во всех своих подразделениях и среди всего разнообразия физических обстоятельств, — в то время как, в то же время, она отличается от всех других рас внешними особенностями формы, но еще больше внутренними качествами ума и интеллекта”.

Г-н Бори де Сент-Винсент пытался показать, что американская раса включает в себя четыре вида, помимо эскимосов; но ему, по-видимому, не удалось обосновать свою теорию.

Доктор Мортон уделил этому вопросу большое внимание. Он проводил свои исследования путем сравнения черепов огромного числа различных племен, результаты которых он представил публике в своей книге “Crania Americana”. Он считает наиболее естественным разделение на *толтеков* и *американцев*; первые являются полукцивилизованными и включают перуанцев и мексиканцев; вторые охватывают все варварские народы, за исключением эскимосов, которых он считает монгольского происхождения.

Он делит каждую из них на подчиненные группы, представители американского класса называются *аппалачскими, бразильскими, патагонскими и огненными*.

Аппалачи включают в себя все аппалачи Северной Америки, за исключением мексиканцев, вместе с аппалачами Южной Америки к северу от Амазонки и к востоку от Анд. Они описаны следующим образом. “Голова округлая, нос большой, выступающий и орлиный, глаза темно-карие, с небольшим наклоном или вообще без него, рот большой и прямой, зубы почти вертикальные, а все лицо треугольное. Шея длинная, грудь широкая, но редко глубокая, тело и конечности мускулистые, редко склонные к полноте.” По характеру они “воинственны, жестоки и неумолимы”, питают отвращение к ограничениям цивилизованной жизни и “достигли лишь небольшого прогресса в умственной культуре или механическом искусстве”.

О бразильцах говорится, что они распространены по большей части Южной Америки к востоку от Анд, включая всю Бразилию и Парагвай между рекой Амазонка и 35 градусами южной широты. По физическим характеристикам они напоминают аппалачей; их нос крупнее и расширенное, рот и губы тоже большие. Их глаза маленькие, более или менее раскосые и более широко расставленные, шея короткая и толстая, тело и конечности крепкие и полные, до неуклюжести. Что касается ментального характера, то, как говорят, ни один представитель американской расы не менее восприимчив к цивилизации, и то, чему их учат по принуждению, редко превосходит самые скромные элементы знаний.

Патагонская ветвь включает народы к югу от реки Ла-Плата до Магелланова пролива, а также горные племена Чили. Они отличаются главным образом высоким ростом, красивыми формами и непобедимым мужеством.

Жители Огненной земли, которые называют себя *яканнакунни*, бродят по бесплодным пустошам Огненной Земли. Их численность, по подсчетам Форстера, составляет всего около 2000 человек. Их физический облик наиболее отталкивающий. Они невысокого роста, с большими головами, широкими лицами и маленькими глазами, полной грудью, неуклюжими телами, большими коленями и ногами неправильной формы. Волосы у них прямые, черные и жесткие, а цвет лица ярко-коричневый, как у более северных племен. У них рассеянное выражение лица, они крайне глупы и медлительны в своих умственных действиях, лишены любопытства и мало заботятся о том, что не соответствует их нынешним потребностям.

Длинные черные волосы, действительно, характерны для всех американских племен. Их настоящий цвет не медный, а коричневый, больше всего напоминающий корицу. Доктор Мортон и доктор Маккаллох согласны, что ни один эпитет не является столь подходящим, как *длякоричневой* расы.

Разнообразие цвета лица не может быть объяснено главным образом климатом; многие люди вблизи экватора не темнее, чем в горных частях регионов с умеренным климатом. Пуэлчи и другие магеллановы племена за 35 градусом южной широты темнее других, расположенных на много градусов ближе к экватору; ботекудо, но немного дальше от тропиков, почти белые; гуаяки, находящиеся ниже линии, светлые, в то время как чарруа, расположенные на 50 градусе южной широты, почти черные, а калифорнийцы, расположенные на 25 градусе северной широты, почти белые.

Цвет, по-видимому, также не зависит от местных условий, и у одного и того же человека покрытые участки не более светлые, чем те, которые подвергались воздействию тепла и влаги.

Там, где различия незначительны, причина, возможно, кроется в частичной эмиграции из других стран. Говорят, что характерный коричневый оттенок обусловлен пигментом под нижней частью кожи, характерным для представителей африканского семейства, но отсутствующим у европейцев.

Было предложено другое разделение американской расы на три больших класса в соответствии с занятиями, от которых зависит их существование, а именно: *охотой, рыболовством и сельским хозяйством*. Далее говорится, что американская раса интеллектуально уступает кавказской и монгольской расам. Они кажутся неспособными к длительному процессу рассуждений на абстрактные темы. Они легко и жадно схватывают простые истины, но отвергают те, которые требуют анализа или исследования. Их изобретательские способности невелики, и они, как правило, не имеют вкуса к искусствам и наукам. Наиболее примечательным недостатком является трудность, с которой они сталкиваются при понимании числовых соотношений. Мистер Скулкрафт заверил доктора Мортонна, что это было причиной большинства недоразумений в отношении договоров между англичанами и местными племенами.

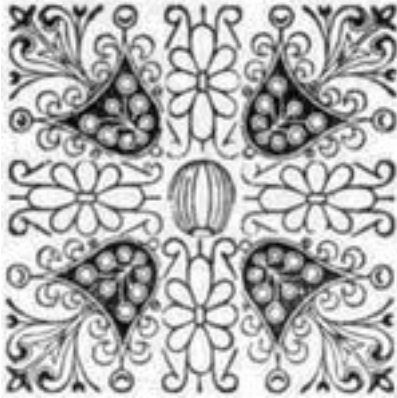
Считается, что семья *толтеков* охватывает все полукцивилизованные нации Мексики, Перу и Боготы, простираясь от Рио-Хила, на 33 градусах северной широты, вдоль западного побережья континента, до границ Чили и на восточном побережье Мексиканского залива. Однако в Южной Америке они в основном занимали узкую полосу земли между Андами и Тихим океаном. Боготцы на Новой Гренаде по уровню цивилизации находились между перуанцами и мексиканцами. Толтекцы были не единственными владельцами этих регионов, а доминирующей расой, в то время как американская раса составляла основную массу народа.

Огромное различие между толтекской и американской расами заключалось в интеллектуальных способностях, которые проявлялись в их искусствах и науках, архитектурных памятниках, пирамидах, храмах, гротах, барельефах и арабесках; их дорогах, акведуках, укреплениях и добыче полезных ископаемых.

Что касается американских языков, то, как говорят, между ними существует замечательное сходство. От мыса Горн до Северного Ледовитого океана у всех народов есть языки, обладающие особым характером, но все же явно отличающиеся от всех языков Старого Света. Говорят, что это сходство также не носит неопределенного характера. Обычно оно заключается в особых способах спряжения глаголов путем вставки слогов. Ватер, выдающийся немецкий писатель по этому вопросу, говорит, что это удивительное единообразие странным образом благоприятствует предположению о существовании первобытного народа, который составлял общую основу коренных народов Америки. По словам М. Бальби, существует более 438 различных языков, охватывающих более 2000 диалектов. Он оценивает индейцев коричневой расы в 10 000 000 человек, а расы, возникшие в результате смешения чистых рас, - в 7 000 000.

Таким образом, мы дали общую классификацию великой американской семьи и основные моменты, касающиеся вопроса об их происхождении. Мы должны признать нашу полную неспособность приподнять завесу неизвестности, в которую погружена их ранняя история, или дать окончательный ответ на вопрос, откуда они пришли или когда Америка была впервые заселена. Мы можем предложить только то, что мы уже изложили, как наиболее

правдоподобную теорию, а именно, что много веков назад великая нация Азии в разное время проходила через Берингов пролив на Американский континент и в течение столетий расселялась по его поверхности. Здесь мы предполагаем, что они разделились под медленным влиянием климата и других обстоятельств на несколько разновидностей, которые они демонстрируют.

АБОРИГЕНЫ ВЕСТ-ИНДИИ.

Подлинная история этой замечательной и своеобразной расы людей начинается утром 12 октября 1492 года. Колумб, первооткрыватель Нового Света, в ту памятную дату высадился на американской земле, и, как будто его первое действие должно было стать прообразом последствий, которые вот-вот последуют в отношении изумленных туземцев, которые увидели его и его спутников, *он высадился с обнаженным мечом в руке*. Если бы филантропический дух великого первооткрывателя мог повлиять на ход событий, судьба аборигенов нового континента была бы совершенно иной; но кто, читая их историю, не может не видеть, что христиане Восточного полушария принесли американской расе не что иное, как меч?

И первые действия туземцев при виде этого появления существ, которые казались им небесного происхождения, не были менее значительными для их характера и судьбы. Сначала они были полны удивления и благоговения, а затем, в соответствии со своей доверчивой натурой, вышли вперед и робко поприветствовали незнакомцев. Ниже приводится живописное описание этой сцены Ирвингом.

“Туземцы острова, когда на рассвете увидели корабли, стоявшие у берега, приняли их за каких-то чудовищ, вышедших ночью из глубины. Когда они увидели, что лодки приближаются к берегу и множество странных существ, одетых в сверкающую сталь или одежды различных цветов, высаживаются на берег, они в ужасе убежали в лес.

Обнаружив, однако, что никто не пытался преследовать их или приставать к ним, они постепенно оправились от своего ужаса и приближались к испанцам с большим благоговением,

часто падая ниц и делая знаки обожания. Во время церемонии вступления во владение они с робким восхищением смотрели на цвет лица, бороды, сверкающие доспехи и великолепную одежду испанцев.

“Адмирал особенно привлек их внимание своим командирским ростом, властным видом, алой одеждой и уважением, оказанным ему товарищами; все это указывало на то, что он командир.

Когда они еще больше оправились от своих страхов, они подошли к испанцам, дотронулись до их бород и осмотрели их руки и лица, восхищаясь их белизной. Колумб был доволен их простотой, мягкостью и доверием, которое они питали к существам, которые, должно быть, казались такими странными и грозными, и он подчинился их пристальному изучению с совершенным молчаливым согласием.

“Удивленные дикари были покорены этим великодушием. Теперь они предположили, что корабли приплыли с хрустального небосвода, который ограничивал их горизонт, или что они спустились сверху на своих широких крыльях и что эти удивительные существа были обитателями небес.

“Туземцы острова были не меньшими объектами любопытства испанцев, отличаясь от любой расы людей, которую они когда-либо видели. Они были полностью обнажены и раскрашены множеством цветов и приспособлений, чтобы придать им дикий и фантастический вид. Их естественный цвет лица был рыжевато-коричневого или медного оттенка, и у них не было бород. Волосы у них были прямые и жесткие; черты лица, хотя и обезображенные краской, были приятными; у них были высокие лбы и удивительно красивые глаза.

“Они были среднего роста и хорошей формы. Они казались простыми и бесхитростными людьми с мягким и дружелюбным характером. Их единственным оружием были копья, закаленные на конце огнем или заостренные кремнем или рыбьей костью. У них не было железа, и они не знали его свойств, потому что, когда им протягивали обнаженный меч, они неосторожно брали его за лезвие.

Колумб раздавал им цветные колпачки, стеклянные бусы, ястребиные колокольчики и другие безделушки, которые они получали в качестве бесценных подарков и, украшая себя ими, приходили в неопишуемый восторг от своего наряда. Взамен они приносили лепешки из разновидности хлеба под названием маниока, приготовленные из корня юки, который составлял основную часть их пищи”.

Так доброжелательно начались сношения между Старым и Новым Миром; но демон алчности вскоре нарушил их покой. Испанцы заметили маленькие золотые украшения в носах некоторых туземцев. Когда их спросили, где добывают этот драгоценный металл, они ответили знаками, указывая на юг, и Колумб понял, что в этом квартале жил король, обладавший таким богатством, что ему подавали большие золотые сосуды.

Колумб взял с собой семерых индейцев в качестве переводчиков и проводников и отправился на поиски золотой страны. Он путешествовал среди прекрасных островов и остановился на трех из них. Они были зелеными, плодородными и изобиловали видами и ароматными деревьями. Жители повсюду казались одинаковыми — простыми, безобидными, счастливыми и совершенно незнакомыми с цивилизованным человеком.

Колумб разочаровался в своих надеждах найти золото или пряности на этих островах; но туземцы продолжали указывать на юг, а затем заговорили об острове в том направлении, называемом Куба, который, как поняли испанцы, изобилует золотом, жемчугом и пряностями. Люди часто верят в то, чего они искренне желают; и Колумб отправился на поиски Кубы, полностью уверенный, что найдет страну богатств. Он появился в поле зрения 28 октября 1492 года.

Здесь он нашел самую прекрасную страну, и дома индейцев, аккуратно построенные из пальмовых ветвей в форме павильонов, были разбросаны под деревьями, как палатки в лагере. Но, услышав о провинции в центре острова, где, как он понял из слов индейцев, правил великий принц, Колумб решил послать ему подарок и одно из своих рекомендательных писем от короля и королевы Испании.

Для этой цели он выбрал двух испанцев, один из которых был обращенным евреем и знал иврит, халдейский и арабский языки. Колумб подумал, что принц, должно быть, понимает один из этих языков. С ними отправили двух индейцев в качестве проводников. Их снабдили нитками бус и разными безделушками на дорожные расходы; и им было предписано выяснить положение провинций и рек Азии, поскольку Колумб считал Восток—Индию частью Восточного континента.

Еврей обнаружил, что его знания иврита, халдейского и арабского бесполезны, и индийскому переводчику пришлось выступить в роли оратора. Он произнес обычную речь на индейский манер, превознося силу, богатство и великодушие белых людей. Когда он закончил, индейцы столпились вокруг испанцев, трогали и разглядывали их кожу и одежду, целовали их руки и ноги в знак обожания. Но у них не было золота, чтобы дать им его.

Именно здесь был впервые обнаружен *табак*. Когда послы возвращались, они увидели нескольких туземцев, ходивших с головнями в руках и какими-то сушеными травами, которые они скручивали в лист и, поджигая один конец, засовывали другой в рот и продолжали вдыхать и выдыхать дым. Самокрутку такого рода они называли *табаком*. Испанцы были поражены таким курением.

Когда Колумб убедился, что на Кубе нельзя найти сколько-нибудь ценного золота, он отправился в плавание в поисках более богатых земель и вскоре открыл остров Эспаньола, или Хайти. Это был прекрасный остров. Высокие горы спускались к роскошным равнинам и зеленым саваннам, в то время как вид возделанных полей с многочисленными пожарами по ночам и клубы дыма, поднимавшиеся в различных частях города днем, свидетельствовали о том, что он был густонаселенным. Колумб немедленно направился к берегу, к великому ужасу своих индейских проводников, которые знаками заверили его, что у местных жителей всего один глаз и они свирепые каннибалы.

Вечером 6 декабря Колумб вошел в гавань на западной оконечности острова Хайти. Он дал гавани имя Святого Николая, которое она носит по сей день. Жители были напуганы приближением кораблей, и все они бежали в горы. Прошло некоторое время, прежде чем удалось найти кого-либо из туземцев. Наконец трем морякам удалось догнать молодую и красивую женщину, которую они отнесли на корабли.

К ней отнеслись с величайшей добротой, отпустили нарядной и нагруженной подарками в виде бус, ястребиных колокольчиков и других милых безделушек. Колумб надеялся таким поведением примирить индейцев, и ему это удалось. На следующий день, когда испанцы

высадились на берег, туземцы позволили им войти в свои дома и самым добрым и гостеприимным образом поставили перед ними хлеб, рыбу, корни и фрукты различных сортов.

Колумб плыл вдоль побережья, продолжая сношения с туземцами, у некоторых из которых были золотые украшения, которые они охотно обменивали на самые незначительные безделушки европейского производства. Эти бедные, простые люди вряд ли думали, что ради получения золота эти *христиане* уничтожат всех индейцев на островах. Нет, они верили, что испанцы не просто смертны, и что страна, из которой они пришли, должна существовать где—то в небесах.

Щедрые и добрые чувства туземцев проявились с большой пользой, когда Колумб был огорчен потерей своего корабля. Он плыл навестить великого касика или вождя по имени Гуаканагари, который жил на восточном побережье, когда его корабль сел на мель, и, поскольку о него бились волны, он полностью потерпел крушение. Он немедленно послал гонцов сообщить Гуаканагари об этом несчастье.

Когда касик услышал о бедственном положении своего гостя, он был так огорчен, что прослезился; и ни в одной цивилизованной стране хваленые обряды гостеприимства не соблюдались так скрупулезно, как этим необразованным дикарем. Он собрал своих людей и отправил все свои каноэ на помощь Колумбу, заверив его в то же время, что все, что у него есть, к его услугам. Пожитки были извлечены из затонувшего судна и сложены возле жилища касика, а за ними приставлена охрана до тех пор, пока не будут подготовлены дома, в которых их можно было бы хранить.

Однако, по-видимому, у туземцев не было намерения воспользоваться несчастьем чужеземцев или разграбить сокровища, выброшенные таким образом на их берега, хотя в их глазах они, должно быть, были неоценимы. Напротив, они проявили такую глубокую озабоченность катастрофой испанцев, как если бы это случилось с ними самими, и их единственным занятием было, как они могли оказать помощь и утешение.

Колумб был очень тронут этой неожиданной добротой. “Эти люди, - писал он в своем дневнике, - любят своих ближних, как самих себя; их разговоры всегда приятны и кротки и сопровождаются улыбкой. В мире нет лучшей нации или лучшей земли”.

Когда касик впервые встретился с Колумбом, последний казался удрученным; и добрый индеец, очень тронутый, снова предложил Колумбу все, что у него было, что могло быть ему полезно. Он пригласил его на берег, где для его развлечения был приготовлен пир, состоящий из различных видов рыбы и фруктов. После пира Колумба провели в красивые рощи, окружавшие жилище касика, где собралось более тысячи туземцев, все совершенно обнаженные, которые исполнили несколько своих национальных игр и танцев.

Таким образом, этот великодушный индеец старался всеми доступными ему средствами развеселить меланхолию своего гостя, проявляя теплоту сочувствия, деликатность внимания и врожденное достоинство и утонченность, которых нельзя было ожидать от человека в его диком состоянии. Его подданные относились к нему с большим почтением, и он вел себя по отношению к ним с милостивым величием принца.

Потерпевшим кораблекрушение членам экипажа для проживания были предоставлены три дома. Здесь, живя на берегу и свободно общаясь с туземцами, они были очарованы их легким и праздным образом жизни. Ими управляли касики с абсолютным, но патриархальным и легким

правлением, и они существовали в том состоянии примитивной и дикой простоты, которое некоторые философы наивно изображали как самое завидное на земле.

Вот мнение старого Питера Мученика: “Несомненно, что земля среди этих людей (индейцев) так же обычна, как солнце и вода, и что ‘моему и твоему’, семенам всякого зла, нет места среди них. Они довольствуются таким малым, что в такой большой стране у них скорее избыток, чем дефицит; так что кажется, что они живут в золотом мире, без тяжелого труда, в открытых садах, не огороженных и не закрытых стенами или изгородями. Они по-настоящему общаются друг с другом, без законов, книг и судей”.

На самом деле эти индейцы, казалось, были совершенно довольны; их немногочисленные поля, возделываемые почти без труда, давали корнеплоды и овощи; их рощи были усыпаны вкусными фруктами; а побережье и реки изобиловали рыбой. Смягченные снисходительностью природы, они провели большую часть дня в ленивом отдыхе. Вечером они танцевали в своих благоухающих рощах под свои национальные песни или грубый звук своих серебряных барабанов.

Таков был характер туземцев многих островов Вест-Индии, когда они были впервые открыты. Они были простыми и невежественными, а также ленивыми, но зато они были добросердечными, щедрыми и счастливыми. И их чувство справедливости и обязанности человека поступать правильно прекрасно изложены в следующей истории.

У Колумба был обычай устанавливать кресты во всех примечательных местах, чтобы обозначить открытие страны и ее подчинение католической вере. Однажды он провел эту церемонию на берегу реки на Кубе. Это было воскресным утром. Присутствовал касик, а также его любимец, почтенный индеец восьмидесяти лет от роду.

Пока в величественной роще служили мессу, местные жители смотрели на это с благоговением. Когда все было закончено, старик обратился к Колумбу с речью на индейский манер. “Мне говорили, - сказал он, - что ты недавно пришел в эти земли с могучим войском и покорил многие страны, сея великий страх среди людей; но не будь тщеславен.

“Согласно нашей вере, душам людей предстоит совершить два путешествия после того, как они покинут тело: одно - в мрачное, грязное и покрытое мраком место, уготованное для таких людей, которые были несправедливы и жестоки к своим братьям; другое, полное радости, для тех, кто способствовал миру на земле. Итак, если ты смертный и ожидаешь смерти, остерегайся никому не причинять вреда несправедливо и не причиняй вреда тем, кто не причинил вреда тебе”.

Когда переводчик объяснил Колумбу эту речь, он был очень тронут и обрадовался, услышав это учение о будущем состоянии души, предположив, что среди жителей этих стран не существовало верований подобного рода. Он заверил старика, что был послан своими монархами, чтобы научить их истинной религии, защитить их от зла и покорить их врагов, карибов.

Увы простым индейцам, которые верили в подобные профессии! Колумб, без сомнения, был искренен; но авантюристы, которые сопровождали его, и тираны, которые последовали за ним, заботились только о богатстве для себя. Они подавляли бедных, безобидных краснокожих жестокой системой труда, заставляя их месяц за месяцем добывать столько-то золота. Это

золото было найдено в виде мелких зерен, и искать сверкающую пыль среди горной гальки и песков равнин было непростой задачей.

Затем острова, после того как они были захвачены христианами, были поделены между вождями, и индейцы были вынуждены стать их рабами. Неудивительно, что глубокое отчаяние охватило туземцев. Слабые и ленивые от природы, выросшие в беззаботности мягкого климата и плодородных рощ, они предпочитали саму смерть жизни, полной тяжелого труда и тревог.

Приятной жизни на острове пришел конец: днем они мечтали в тени, в полуденную жару дремали у фонтана или под раскидистой пальмой, а теплыми вечерами пели, танцевали и играли, когда грубый индейский барабан призывал их к своим простым развлечениям. Они говорили о тех временах, которые были в прошлом, до того, как белые люди принесли им горе, рабство и изнурительный труд; и песни их были печальными, а танцы медленными.

Какое-то время они льстили себе надеждой, что визит незнакомцев будет лишь временным и что, распустив свои широкие паруса, их корабли унесут их обратно в их небесный дом. В своей простоте они часто спрашивали испанцев, когда те намерены вернуться в Тьюри, или на небеса. Но когда всем этим надеждам пришел конец, они впали в отчаяние и прибегли к жалкой и ужасной альтернативе.

Они знали, что средства к существованию испанцев в основном зависели от припасов, добываемых на островах, и эти бедные индейцы пытались вызвать массовый голод. С этой целью они уничтожили свои кукурузные поля, оборвали плоды с деревьев, вырвали юку и другие корни, а затем бежали в горы.

Испанцы потерпели большое бедствие, но частично были спасены за счет поставок из Испании. Чтобы отомстить индейцам, они преследовали их до их горных убежищ, гоняли от одной мрачной твердыни к другой, как диких зверей, пока тысячи людей не погибли в логовах и пещерах от голода и болезней, а оставшиеся в живых, отчаявшись, подчинились ярму рабства. Но они недолго несли бремя жизни под властью своих цивилизованных хозяев. В 1504 году, всего через двенадцать лет после открытия Хайти, когда Колумб посетил его (под руководством Овандо), он написал своим суверенам следующее: “С тех пор как я покинул остров, шесть процентов из семи туземцев умерли, все из-за жестокого обращения; некоторые от меча, другие от ударов и жестокого обращения или от голода”.

Неудивительно, что эти угнетенные индейцы считали христиан воплощением всего зла. Их чувства часто выражались таким образом, который, должно быть, тронул бы сердце настоящего христианина, если бы таковой был среди их угнетателей.

Когда Веласкес отправился завоевывать Кубу, у него было всего триста человек; и их считалось достаточным, чтобы подчинить остров длиной более семисот миль, населенный жителями. Из этого обстоятельства мы можем понять, насколько мягким и не воинственным от природы был характер индейцев. Действительно, они не оказывали сопротивления испанцам, за исключением одного района. Хатуэй, касик, бежавший из Хайти, овладел восточной оконечностью Кубы. Он занял оборонительную позицию и попытался загнать испанцев обратно на их корабли. Вскоре он был разбит и взят в плен.

Веласкес считал его рабом, поднявшим оружие против своего господина, и приговорил его к сожжению. Когда Хатуэя привязали к столбу, вперед вышел монах и сказал ему, что если он

примет христианскую веру, то должен быть немедленно, после своей смерти, допущен на небеса.

- Есть ли испанцы, - говорит Хатуэй после некоторой паузы, - в том краю блаженства, который вы описываете?

“Да, - ответил монах, - но только те, кто достоин и хорош”.

“Лучшие из них, - возразил возмущенный индеец, - не обладают ни достоинством, ни добротой; я не пойду туда, где могу встретиться с представителем этой жестокой расы”.

КАРИБЫ.

Колумб открыл острова Карибы или Харибы, ныне называемые Карибскими, во время своего второго путешествия в Америку в 1493 году. Первый остров, который он увидел, он назвал Доминикой, потому что открыл его в воскресенье. По мере того как корабли плавно продвигались вперед, перед глазами один за другим появлялись другие острова, покрытые лесами и оживленные стаями попугаев и других тропических птиц, в то время как весь воздух был напоен ароматом проносившегося над ними бриза.

Это красивое скопление островов называется Антильскими. Они простираются от восточной оконечности Порто-Рико до побережья Парии на южном континенте, образуя своего рода барьер между главным океаном и Карибским морем. Здесь была страна карибов.

Колумб слышал о карибах во время своего пребывания в Хайти и на Кубе, во время своего первого путешествия. Робкая и ленивая раса индейцев на этих приятных островах боялась карибов и неоднократно умоляла Колумба помочь им одолеть этих свирепых врагов. Карибы изображались как ужасные воины и жестокие каннибалы, которые поджаривали и поедали своих пленников. Кроткие хайтийцы действительно считали это хорошим предлогом для предупреждения христиан о таких врагах. Поначалу Колумб и представить себе не мог, что прекрасный рай, который он увидел, плывя дальше среди этих зеленых и пряных островов, может быть резиденцией жестоких людей; но, высадившись в Гваделупе, он вскоре убедился, что действительно попал на Голгофу, место черепов. Там он увидел человеческие конечности, развешанные в домах, словно для заготовки провизии, а некоторые даже поджаривались на огне для еды. Тогда он понял, что находится в стране карибов.

При высадке на остров Монтсеррат Колумбу сообщили, что карибы съели всех жителей. Если это было правдой, кажется странным, как он получил эту информацию.

Вероятно, многие из этих историй были преувеличениями. Карибы были воинственным народом, во многих отношениях существенно отличавшимся по характеру от уроженцев других островов Вест-Индии. Они были предприимчивы и свирепы и часто совершали кочевые экспедиции на своих каноэ на расстояние в сто пятьдесят лиг, вторгаясь на острова, разоряя деревни, обращая в рабство самых молодых и красивых женщин и уводя мужчин на убой и съедение.

Эти вещи были достаточно плохими, и нет ничего странного в том, что репортаж должен был сделать их более ужасными, чем реальность. Карибы также доставляли испанцам больше хлопот, чем женоподобные уроженцы других островов. Они отчаянно сражались со своими захватчиками. В некоторых случаях женщины проявляли такую же храбрость, как и мужчины. В Санта-Кресе женщины стреляли из луков с такой силой, что одна из них пустила стрелу в испанский щит и ранила солдата, который держал ее.

Было много предположений относительно происхождения карибов. Общеизвестно, что они были расой, отличной от жителей других островов. Они также отличались от индейцев Мексики и Перу; хотя некоторые авторы полагают, что они были преступниками, изгнанными либо с континента, либо с больших островов, и, таким образом, разница в положении могла привести к различию в манерах. Другие думают, что они произошли от какого-нибудь цивилизованного народа Европы или Африки, и воображают, что нетрудно поверить в то, что карфагенское или финикийское судно могло быть застигнуто бурей и носилось по ветру, пока не вошло в пассатное течение, после чего его легко отнесло бы в Вест-Индию.

Карибы владели таким количеством искусств, какое было необходимо для спокойной жизни в том роскошном климате. Некоторые из них вызвали восхищение европейцев.^[1] В своих последующих контактах с европейцами они в некоторых случаях проявили вероломство. В 1708 году англичане заключили соглашение с карибами на Сент-Винсенте о нападении на французские колонии в Мартинике. Французский губернатор услышал об этом договоре и послал майора Куле, который был большим любимцем дикарей, убедить их разорвать договор. Куле взял с собой несколько офицеров и слуг, а также хороший запас провизии и спиртных напитков. Он добрался до Сент-Винсента, устроил грандиозный прием для главных карибов и, после того как беспрепятственно распространил бренди, выкрасился в красный цвет и произнес перед ними пламенную речь. Он убеждал их разорвать связь с англичанами. Как они могли отказать человеку, который угощал их бренди и был таким же красным, как они сами? Они бросили своих английских друзей, сожгли весь лес, который англичане нарубали на острове, и перебили первых прибывших англичан. Но их преступления были не хуже преступлений их христианских советников, которые с обеих сторон подстрекали этих дикарей к войне.

Но все карибы ушли, исчезли с лица земли. Их расы больше нет, и их имя - всего лишь воспоминание. Англичане и французы, в основном последние, уничтожили их. Однако есть одно приятное обстоятельство, связанное с их судьбой. Хотя они и были уничтожены, они никогда не были порабощены. Никто из их завоевателей не мог заставить их трудиться. Даже те, кто пытался нанять карибов в качестве слуг, обнаружили невозможность извлечь из них какую-либо выгоду; ими не будут командовать или выговаривать.

Их завоеватели называли эту независимость гордостью, ленью и упрямством. Если бы у карибов были историки, которые могли бы описать их проступки и их сопротивление подавляющей тирании, они бы представили дело в совершенно ином свете. Они выразили бы чувство, которое так неуклонно демонстрировало поведение их соотечественников, — что лучше умереть свободным, чем жить рабами.

Их сопротивление всем видам власти было настолько решительным, что среди европейцев вошло в пословицу, что выразить неудовольствие карибу - все равно что избить его, а избить его - все равно что убить. Если они что-то и делали, то только то, что они выбирали, как они

выбирали и когда они выбирали; и когда в них больше всего нуждались, часто случалось, что они не делали ни того, что требовалось, ни чего-либо еще.

Французские миссионеры предпринимали множество попыток обратить карибов в христианство, но безуспешно. Это правда, что некоторые, по-видимому, были обращены; они выучили катехизис и молитвы и были крещены; но они всегда возвращались к своим старым привычкам.

Человек из богатой семьи по имени Шато Дюбуа поселился в Гваделупе и посвятил большую часть своей жизни обращению карибов, особенно жителей Доминики. Он постоянно принимал у себя некоторых из них и сам учил их. Он умер, выполняя эти благочестивые и благотворительные обязанности, не утешившись тем, что обратил в свою веру ни одного человека.

Как мы уже говорили, некоторые из них были крещены, и, как он и надеялся, они были хорошо обучены и, по-видимому, прочно укоренились в христианской религии; но после того, как они вернулись к своему народу, они вскоре вернулись ко всем индийским обычаям и своему естественному безразличию ко всем религиям.

Через несколько лет после смерти Дюбуа один из этих карибских отступников находился в Мартинике. Он правильно говорил по-французски, умел читать и писать, был крещен, и ему было тогда больше пятидесяти лет. Когда ему напомнили об истинах, которым его учили, и упрекнули в его отступничестве, он ответил, “что если бы он родился от родителей-христиан или если бы он продолжал жить среди французов, он все равно исповедовал бы христианство; но что, вернувшись в свою страну и к своему народу, он не мог решиться вести образ жизни, отличный от их образа жизни, и тем самым навлечь на себя ненависть и презрение своих родственников”. Увы! неудивительно, что карибы считали христианскую религию всего лишь *исповеданием*. Если бы те, кто носил это имя, всегда были на самом деле христианами и относились к бедным невежественным дикарям со справедливостью, правдивостью и милосердием, которые предписывает Евангелие, насколько иной была бы история заселения Нового Света!

Карибы, расселившиеся по материковой части, прилегающей к их островам, были сходны по своим характеристикам с жителями Вест-Индии, от которых они, как предполагается, произошли изначально. Они заключили союз с англичанами под предводительством сэра Уолтера Рэли во время одной из его романтических экспедиций на это побережье в 1595 году и долгое время сохраняли английские цвета, которые были подарены им по этому случаю. Говорят, что карибы континента были разделены на морские и средиземноморские. Первые жили на равнинах и на побережье Атлантического океана и, как говорят, были самыми враждебными из всех индейцев, населявших поселения миссий на реке Ориноко, и их иногда называли галиби. Средиземноморцы населяли южную сторону истока реки Карони и, по описанию, имели более миролюбивый характер, а в 1738 году начали принимать миссионеров-иезуитов и приняли христианскую веру.

РАННЯЯ ИСТОРИЯ МЕКСИКИ.

Согласно летописям, сохранившимся у мексиканцев, страна, расположенная в долине Мехико, раньше называлась Анауак. Остальная территория включала королевства Мексика, Аколуакан, Тлакопан, Мичуакан и республики Тласкаллан или Тлашкала, Чололлан и Уексоцинко. Люди, заселившие страну, пришли с севера. Первых жителей называли тольтеками или тольтекас, которые пришли из далекой страны на северо-западе в 472 году. Они мигрировали медленно, занимаясь земледелием и расселяясь по ходу дела, так что прошло 104 года, прежде чем они достигли места в пятидесяти милях к востоку от того места, где впоследствии была основана Мексика; там они оставались двадцать лет и построили город под названием Толланцинко. Оттуда они отошли на сорок миль к западу и построили другой город, названный Толлан, или Тула.

Когда они только начали свою миграцию, у них было несколько вождей, которых к тому времени, как они достигли Толланцинко, сократилось до семи. Впоследствии эта форма правления была изменена на монархию; почему, мы не знаем, но, вероятно, какой-то из вождей был более доблестным или хитрым, чем его товарищи, и вытеснил их. Эта монархия началась в 607 году нашей эры и просуществовала 384 года, за это время, как говорят, у них было всего восемь принцев. Этот факт, однако, объясняется господствовавшим обычаем сохранять имя каждого короля в течение пятидесяти двух лет.

Они оставались процветающими в течение 400 лет, когда на смену им пришел голод, вызванный сильной засухой, за которой последовала эпидемия, уничтожившая многих из них. Предание гласит, что однажды на праздничном балу появился демон и гигантскими руками обнял людей и задушил их; что он снова появился в образе ребенка с гнилой головой и принес чуму; и что по его убеждению они покинули Тулу и рассеялись среди разных народов, которые хорошо их приняли.

Сто лет спустя на смену им пришел более варварский народ из Амаквемекана. Кем или чем они были, неизвестно, поскольку от них не осталось и следа среди американских народов; также не приводится никаких причин, по которым они покинули свою собственную страну. Говорят, что они были в пути восемь месяцев под предводительством сына их монарха по имени Шолотль,

который послал своего сына осмотреть страну, которой тот завладел, пустив четыре стрелы на все четыре стороны. Он выбрал своей столицей Тенаюку, расположенную в шести милях к северу от территории Мексики; в этом направлении поселилось большинство людей. Утверждается, что их численность составляла 1 000 000 человек, что подтверждается двенадцатью грудями камней, которые были брошены во время народного смотра; но это, вероятно, преувеличение.

Этот варварский народ заключил союз с остатками толтекской расы, и их принц Нопальцин женился на потомке королевской семьи толтеков. Влияние этих смешанных браков на них было счастливым, поскольку они были цивилизованы толтеками, которые намного превосходили их в знании искусств. До сих пор они питались только кореньями и плодами, а также охотой, высасывая кровь убитых ими животных и используя их шкуры для одежды; но теперь они начали вскапывать и засеивать землю, обрабатывать металлы и заниматься другими полезными искусствами. Примерно через восемнадцать лет после их прибытия шесть человек явились в качестве посольства от народа, живущего близ Амаквемекана; им было выделено место, и через несколько лет прибыли три принца с большой армией аколунанов, которые получили в жены трех принцесс. Два народа постепенно слились в один и получили название новоприбывших; название чечемекас было оставлено за более грубыми и варварскими племенами, которые жили охотой и питались корнеплодами. Эти последние присоединились к отомии, варварскому народу, жившему дальше на север, в горах.

Шолотль разделил свои владения на три штата, а именно: Аскапосалько, в восемнадцати милях к западу от Тецкоко, Ксалтокан и Коатличан, которые он передал в собственность трем своим зятям. Как и следовало ожидать, впоследствии, во время правления монархов, сменивших Шолотля, произошли различные гражданские войны. Нопальцин правил тридцать два года и, как говорят, умер в преклонном возрасте девяноста двух лет. После него пришел Тлоцин, который правил тридцать шесть лет и был хорошим принцем. Ему наследовал Квинацин, роскошный тиран, который после переезда своего двора из Тенаюки в Тецкоко приказал четверем лордам перенести себя туда на носилках, в то время как пятый держал над ним зонтик, защищающий от солнца; говорят, что он правил шестьдесят лет. В его правление было много восстаний, и после его смерти ему наследовал принц по имени Техотлала.

В 1160 году появились мексиканцы, ацтеки, или ацтекки. Говорят, что они пришли из региона к северу от Калифорнийского залива и были вынуждены мигрировать из страны, где они жили, по убеждению Уицитона, человека, пользующегося среди них большим влиянием. Говорят, что он наблюдал маленькую певчую птичку, звуки которой звучали как *Тихуи*, что на их языке означало: *Отпусти нас*. Он привел другого человека, тоже влиятельного, понаблюдать за этим, и они убедили людей подчиниться внушению, как они сказали, тайного божества. В частично цивилизованном и суеверном сообществе это было несложно. Согласно их преданию, они направились к реке Гила, где остановились на некоторое время и где, как утверждается, останки были найдены сравнительно недавно.

Затем они переехали в место примерно в 250 милях от Чиуауа, к северо-северо-западу, ныне называемое по-испански *Касас Грандес*, из-за найденного там большого здания, по плану тех, что есть в Нью-Мексико, в три этажа с террасой над ними, входная дверь открывалась на втором этаже, подняться на который можно было по лестнице. Там были найдены и другие остатки крепости, а также различная утварь. Отсюда они двинулись на юг, пересекли горы и

остановились в Кульякане, местечке на берегу Калифорнийского залива под 24° северной широты. Здесь они сделали деревянное изваяние, называемое Уицилопочтли, которое они несли на троне из тростника, и назначили священников для его обслуживания. Когда они покинули свою страну во время миграции, они состояли из семи различных племен; но здесь мексиканцев оставили с их богом другие племена, называемые хочимилька, тепанека, чалхезе, колхуа, тлауика и тлашкаланцы, которые двинулись дальше. Причина этого разделения не упоминается, за исключением того, что это было по приказу бога, из чего можно предположить, что возникла какая-то ссора по поводу его поклонения.

По пути в Тулу мексиканцы разделились на две фракции; тем не менее они держались вместе ради бога, пока строили алтари и оставляли своих больных в разных местах. Они оставались в Туле девять лет и еще одиннадцать провели в соседних странах. В 1216 году они достигли Цомпанко, города в долине Мехико, и были гостеприимно приняты правителем округа; его сын по имени Ильуиткатль женился среди них. От него произошли все мексиканские монархи. Люди продолжали мигрировать вдоль озера Тецкоко во время правления Шолотля, но в правление Нопальцина они подверглись преследованиям и были вынуждены в 1245 году отправиться в Чаполтепек, гору в двух милях от Мексики. Затем они нашли убежище на небольших островах Акоколко, расположенных на южной оконечности Мексиканского озера. Здесь они жили в нищете 52 года, до 1314 года, когда они были обращены в рабство мелким королем Колхуакана, который вероломно заманил их в ловушку и жестоко угнетал.

Несколько лет спустя, по случаю войны между колхуа и хочимилька, в которой последние одержали победу, колхуа были вынуждены освободить своих рабов, которые сражались с большой храбростью, отрезая уши убитых ими врагов, которые они предъявили после того, как их упрекнули в трусости. Результатом этого было возбуждение к ним такого отвращения, что им пожелали покинуть страну. Они так и сделали и пошли на север, пока не пришли в место под названием Акацицинтлан, а затем Мехикальцинко; но им это не понравилось, и они направились в Истакалько, еще ближе к месту нахождения Мексики. Здесь они оставались два года, а затем отправились к месту на озере, где нашли *нопал*, растущий на камне, а над ним орлиную лапу; это было место, указанное оракулом. Здесь они закончили свои скитания и воздвигли алтарь своему богу; один из них отправился за жертвой и нашел колхуана, которого они убили и принесли в жертву идолу. Здесь они также построили свои тростниковые хижины и основали город, который называли Теночтитланом, а впоследствии Мехико, или местом поклонения Мехитли, их богу войны.

Это было в 1325 году; город располагался на маленьком острове посреди большого озера, без земли, достаточной для возделывания или даже для строительства. Следовательно, было необходимо расширить его; и для этой цели они вбили сваи и частокол и с помощью камней, дерна и т. Д. Соединили таким образом другие маленькие острова с большим. Чтобы добывать камень и дерево, они обменивались рыбой и водоплавающей птицей с некоторыми другими народами и с невероятным усердием строили плавучие сады, на которых выращивали растительные продукты. Здесь они прожили тринадцать лет в мире, но впоследствии начались ссоры, и фракции разделились; одна из них отправилась на небольшой остров немного севернее, названный Ксальтилолько, впоследствии Тлателолко.

Они разделили свой город на четыре части, каждая из которых имела свое божество-покровителя. В центре города Мекситли поклонялись с помощью ужасных обрядов и принесения в жертву пленников. Под предлогом посвящения ее в матери своего бога они добивались присутствия колхуанской принцессы на своих обрядах; и когда просьба была удовлетворена, они предали ее смерти, содрали с ее тела кожу и одели в нее одного из своих храбрецов. Отец был приглашен присутствовать и совершать богослужение в качестве священника. Все было погружено во тьму, пока, зажегши копал в своей кадилънице, чтобы начать обряд поклонения, он не увидел ужасное зрелище своей принесенной в жертву дочери.

В 1352 году мексиканцы сменили свою аристократию из двадцати лордов на монархию и избрали своим королем Акамапицина, который женился на дочери лорда Коатличана. Тлателолькос также выбрали короля, который был сыном короля тепанеков. Они убедили короля тепанеков удвоить дань мексиканцам и притеснять их. Им было приказано перевезти в его столицу, Аскапосалько, большой плавучий сад, выращивающий все виды овощей, известные в Анауаке; когда это было сделано, на следующий год потребовался еще один сад, в котором утка и лебедь сидели на яйцах, готовые вылупиться по прибытии в Аскапосалько; и затем от них снова потребовали сад с живым оленем, на которого они были обязаны охотиться в горах, среди своих врагов.

Акамапицин, король Мексики, правил тридцать семь лет и умер в 1389 году, и после четырехмесячного междуцарствия ему наследовал его сын Уицилиуитль. Он попросил в жены одну из дочерей короля Аскапосалько, по этому поводу послы, как говорят, произнесли следующую речь: “Мы умоляем вас с глубочайшим уважением сжалиться над нашим господином и вашим слугой Уицилиуитлем. Он без жены, а мы без королевы. Соболаговолите, сир, расстаться с одним из ваших украшений или самыми драгоценными перьями. Отдай нам одну из своих дочерей, которая могла бы приехать и править нами в стране, которая принадлежит тебе”. Эта просьба была удовлетворена.

Следует помнить, что аколхуаны находились под властью Техотлалы, сына Квинацина. После тридцатилетнего мира восстание было начато принцем по имени Цомпан, потомком одного из трех первоначальных принцев Аколхуана. Мятежник был побежден и казнен. Мексиканцы в этой войне были союзниками Техотлалы и проявили великую доблесть.

Сын короля тепанек, Макстлатон, опасаясь, что сын его сестры от мексиканского короля может получить тепанеканскую корону, начал притеснять мексиканцев и послал наемных убийц убить своего племянника. Мексиканцы, однако, были слишком слабы, чтобы возмутиться такой низостью.

Соперничавшие мексиканцы и Тлателолькос вместе преуспевали в богатстве и власти. Техотлалу, короля Аколхуана, сменил Икстлильшочитль в 1406 году. Король Аскапосалько, его вассал, пытался поднять восстание, но потерпел поражение и был вынужден просить мира. В тот же год, когда это произошло, мексиканский король умер, и его преемником был избран его сын Чимальпопока.

Упомянутый выше король аколхуанов был изгнан из своего королевства, и оба - он и один из его внуков - были отрезаны из-за предательства тепанеков. Повстанцы, возглавляемые своим королем Тезозомоком, хлынули в Аколхуакан и захватили его. Затем Тезозомок подарил Теццоко

мексиканскому королю Чимальпопоке, а другие части - королю Тлателолко и провозгласил свою собственную столицу Аскапосалько столицей всех королевств Аколуакана. Он был великим тираном, и его мучили сны о том, что сын убитого короля аколуанов, Несауалькойотль, превратившись в орла, съел его сердце или, приняв облик льва, высосал его кровь. Поэтому он повелел своим сыновьям предать смерти принца, о котором он мечтал. Он пережил свои мечты всего на год и умер в 1422 году.

Ему наследовал его сын Таяцин, но трон сразу же узурпировал другой сын, Макстлатон, и Таяцин нашел убежище у Чимальпопоки, который посоветовал ему пригласить своего брата на пир и убить его. Когда это было подслушано и рассказано Макстлатону, он притворился, что не верит в это, но воспользовался тем же средством, чтобы избавиться от Таяцина. Король Мексики отклонил приглашение и на время сбежал; но после того, как Макстлатон изнасиловал его жену, он решил не переживать своего бесчестия, а принести себя в жертву своему богу Уицилопочтли. В разгар церемонии ворвался Макстлатон, схватил его, унес и посадил в клетку, как преступника.

Этот успех вновь пробудил в Макстлатоне желание заполучить аколхуанского принца Несауалькойотля под свою власть. Он, разгадав замыслы тирана, смело пошел к нему и сказал, что, как он слышал, тот тоже желает его жизни и поэтому пришел предложить ее. Макстлатон, пораженный его поведением, заверил его, что у него нет никаких замыслов против него, и в его намерения не входило предавать смерти короля Мексики. Затем он распорядился, чтобы его гостеприимно приняли, и даже разрешил ему навестить Чимальпопоку в тюрьме. Однако вскоре после этого мексиканский король повесился на своем поясе, а Несауалькойотль, заподозрив искренность заявлений Макстлатона, покинул двор. После некоторого скитания, подвергаясь различным опасностям со стороны своего заклятого врага, он, наконец, нашел убежище у чолуанов, которые согласились помочь ему армией с целью свержения Макстлатона и восстановления его на троне, узурпированном отцом тирана.

После смерти своего короля мексиканцы возвели на трон Ицкоатля, сына своего первого монарха Акамапицина, храброго, благоразумного и справедливого принца. Этот выбор был оскорбителен для Макстлатона, но Несауалькойотлю, напротив, он доставил наивысшее удовлетворение. Новый монарх, сразу же после своего восшествия на трон, решил объединить все свои силы с этим принцем против тирана Макстлатона. Однажды он отправил посла к Несауалькойотлю по имени Монтесума, который вместе с другим дворянином был взят в плен по дороге и доставлен в Чалко. Затем их отправили в уэшоцинкас для принесения в жертву. Однако эти люди отвергли варварское предложение. Затем Макстлатону сообщили об их поимке, но он приказал лорду Чалко, которого назвал двуличным предателем, отпустить их обоих на свободу. Однако перед этим они сбежали при попустительстве человека, которому их доверили, и вернулись в Мексику. Затем Макстлатон начал войну против Мексики. Монтесума предложил бросить ему вызов, что он и сделал, подарив ему определенное защитное оружие, помазав его голову и прикрепив к ней перья. Макстлатон, в свою очередь, поручил ему таким же образом передать вызов от себя королю Мексики. Последовала ужасная битва; тиран был побежден, его город взят, а сам он убит, будучи забитым до смерти при попытке к бегству. Его народ, тепанеки, был полностью покорен.

Теперь мексиканский король сменил принца Аколхуана на троне своих предков и продолжил свои завоевания под руководством своего полководца Монтесумы. После его смерти в 1436 году

ему наследовал Монтесума Первый. Этот монарх был величайшим из когда-либо сидевших на троне Мексики. Он вступил в войну с Чалко, королем этого города, который захватил трех мексиканских лордов и двух сыновей короля Тецкоко, казнил их, засолил и высушил их тела и поместил их в своем зале в качестве подставок для факелов! Монтесума взял город и осуществил месть варварскому народу. Затем он сверг Тлателолко, король которого участвовал в заговоре против покойного короля Мексики. Он также подчинил себе миштеков и таким образом расширил свои владения.

В 1457 году он отправил экспедицию против котастезе и захватил 6200 пленных, которых принес в жертву своему богу. Он также снова отомстил халхесцам, которые взбунтовались и пытались сделать одного из своих братьев королем вместо себя. Брат сделал вид, что подчиняется; но, взойдя на эшафот, который он приказал воздвигнуть, и, взяв в руку букет цветов, затем призвав сопровождавших его мексиканцев быть верными своему королю, он бросился с эшафота. Это так разъярило чалкезов, что они предали мексиканцев смерти, за что Монтесума развязал против них войну, пока почти не истребил их. Однако в конце концов он провозгласил всеобщую амнистию. Он построил дамбу длиной девять миль и шириной одиннадцать локтей, чтобы предотвратить повторение наводнения, которое произошло и за которым последовал голод. Он умер в 1464 году.

Монтесуме Первому наследовал Аксаякатль, который продолжил завоевания, столь успешно начатые покойным королем. Между мексиканцами и Тлателолькосом вспыхнула война, которая закончилась окончательным подчинением последнего. Их король был убит и доставлен мексиканскому монарху, который собственной рукой вспорол ему грудь и вырвал сердце. Он также сражался с отоми и одержал полную победу, взяв в плен 11 060 человек, среди которых были три вождя. Он умер в 1477 году, и ему наследовал его старший брат Тизок, который, вероятно, был отравлен. Тизоку наследовал другой брат, по имени Ауицотль, который достроил великий храм, начатый его предшественником, и, сохранив для этой цели пленных, взятых в его войнах, он принес в жертву при его освящении, как утверждает Торквемада, 72 344; другие говорят, 64 060. Это было в 1486 году. Он продолжил свои завоевания даже в Гватемале, в 900 милях к югу от Мексики. Он потерпел поражение только однажды; это было в 1496 году от Толтекатля, вождя племени Уэхоцинкан. Он умер в 1502 году в результате удара головой о дверь. За два года до его смерти там произошло наводнение, за которым последовал голод, вызванный, как говорят, гниением зерна.

Ахуицотлю наследовал Монтесума Второй, человек большой храбрости, а также священник, но чрезмерно надменный. На его коронации присутствовали с величайшей помпой. Он жил в необычайном великолепии; лорды были его слугами, и никому не разрешалось входить в его дворец, не сняв башмаков и чулок. Даже самая убогая утварь в его сервировке состояла из золотой посуды и морских раковин. 300 или 400 молодых вельмож приносили ему обед, и он указывал жезлом на те блюда, которые выбирал сам. Четыре самые красивые женщины приносили ему воду для умывания. Огромные расходы, необходимые для поддержания такой роскоши, вызывали недовольство его подданных. Однако он был щедр в награждении своих генералов, благодаря чему сохранил их службу и еще больше укрепил армию, открыв госпиталь для инвалидов. Некоторое время потерпев неудачу в войне с тласкаланцами, он, наконец, взял в плен храброго тласкаланского генерала по имени Тлауиколь и посадил его в клетку. Однако, когда он разрешил ему вернуться домой, Тлахуикол пожелал пожертвовать собой и погиб в гладиаторском бою, убив восемь человек и ранив еще двадцать.

Во время его правления Кортес осуществил завоевание Мексики. До прибытия испанцев смутное предчувствие, по-видимому, тревожило умы Монтесумы и его народа относительно падения их империи - события, которое, как предполагалось, также было предвещено кометой. Но историю этой катастрофы следует приберечь для другой главы.

МЕКСИКА, С МОМЕНТА ПРИБЫТИЯ КОРТЕСА.

Мексика была впервые открыта Хуаном де Грихальвой. Однако он, по-видимому, не предпринимал попыток проникнуть во внутренние районы страны с морского побережья. Говорят, что в 1518 году, когда Кортес предпринял ее завоевание, мексиканская империя простиралась на 230 лиг с востока на запад и на 140 с севера на юг. Организовав свою экспедицию, 10 февраля 1519 года Кортес отплыл из Гаваны на Кубе и высадился на острове Косумель, на побережье Юкатана. Вся его армия состояла всего из 553 солдат, 16 всадников и 110 механиков, пилотов и моряков. Освободив нескольких найденных там испанских пленников, он направился в Табаско. Здесь он подвергся нападению туземцев, но разбил их, а затем продолжил свой путь на северо-запад к Сан-Хуан-де-Улуа, куда прибыл 20 апреля.

Едва испанцы бросили якорь, как увидели, что от берега отчалили две каноэ, наполненные индейцами, и направились прямо к кораблю генерала. Кортес учтиво принял своих гостей и в обмен на подарки в виде фруктов, цветов и маленьких золотых украшений, которые они принесли, подарил им несколько безделушек из европейской ткани, которые, по-видимому, им очень понравились. Через переводчицу, которую он случайно взял с собой на борт, мексиканскую рабыню, знаменитую Марину, он узнал от индейцев, что они принадлежат к соседней провинции, подвластной императору Мексики, могущественному монарху, живущему далеко в глубине страны, по имени Монтесума; и что они были посланы выяснить, кто такие чужеземцы и чего они хотят. Кортес ответил, что прибыл только с самыми дружескими целями, и выразил желание побеседовать с губернатором их провинции. Удовлетворив их запросы, его гости вскоре после этого откланялись и вернулись на берег.

На следующее утро Кортес высадился на берег со всеми своими войсками и военным снаряжением и немедленно приступил с помощью туземцев к возведению казарм. Читая рассказ о готовности, с которой простые индийцы взялись за это дело, невольно вспоминаешь о фатальной быстроте, с которой, как говорят, троянцы приняли в своих стенах деревянного коня, который так скоро стал причиной их гибели.

Оказавшись на берегу, Кортес сообщил губернатору Теутлиле, что ему необходимо отправиться в столицу. Он сказал, что прибыл как посол великого монарха и должен лично увидеть Монтесуму. На это губернатор ответил, что он пошлет курьеров в столицу, чтобы передать его просьбу императору, и как только он узнает волю Монтесумы, он сообщит ее ему. Затем он приказал своим слугам принести несколько приготовленных им подарков, богатство и великолепие которых только укрепили Кортеса в решимости осуществить свои планы. Тем временем несколько мексиканских художников, сопровождавших губернатора, были наняты для изображения внешнего вида испанцев, их кораблей и лошадей; и Кортес, чтобы сделать

известие, которое таким образом будет передано императору, более впечатляющим, выстроил своих всадников, приказал затрубить в трубы и пустить в ход пушки, что произвело на мексиканцев глубокое впечатление идеей величия испанцев.

Курьеры, рассредоточенные по всей дистанции, через день или два сообщили Монтесуме об этих событиях, хотя до столицы было 180 миль. Монарх, который, несмотря на свои страхи, похоже, собрался с духом, приказал Кортесу покинуть свои владения. Он также прислал ему еще больше подарков: тонкие хлопчатобумажные ткани, напоминающие шелк, картины, золотые и серебряные тарелки с изображением солнца и луны, браслеты и другие дорогие вещи. Кортес, однако, все еще настаивал на своем намерении; услышав об этом, мексиканские послы с удивлением и негодованием отвернулись, и все туземцы покинули лагерь испанцев и больше не приходили торговать с ними. Кортес, которому уже угрожал мятеж среди его солдат, очевидно, чувствовал, что его положение критическое, но, тем не менее, он продолжил основывать город и создавать правительство для своей колонии.

На этом этапе его дел его посетили несколько человек из Семпоаллы и Чиауицтлы, двух небольших городов или деревень, притоков Монтесумы. С касиками этих мест он заключил союзный договор и согласился защищать их от Монтесумы. Воодушевленные его обещаниями, они зашли так далеко, что оскорбили мексиканскую державу, перед которой прежде испытывали величайший страх. Добившись их покорности, Кортес, чтобы лишить своих солдат всякой надежды на возвращение на Кубу и вдохновить их отчаянной храбростью, сжег свой флот; и, оставив гарнизон в своем новом городе, называемом Вера-Крус, он отправился в столицу мексиканской империи с 400 пехотинцами, 15 всадниками и семью полевыми орудиями, также получив от семпоальцев 1300 воинов и 1000 *таманес*, или вьючных людей, для перевозки багажа.

На пути в Мексику лежала маленькая республика Тласкала, и между этими двумя державами долгое время существовала неугасимая вражда. Поэтому, приблизившись к границам республики, Кортес отправил вперед посольство семпоалланцев, приглашая тлашкальцев к союзу и прося, по крайней мере, разрешить ему проехать через их территорию. Сенат был немедленно созван для принятия решения по этому заявлению. Максикатзин, один из старейших сенаторов, сослался на традицию, касающуюся прихода белых людей, и одобрил просьбу. Ему противостоял Ксикотенкатль, который пытался доказать, что испанцы были магами, и утверждал, что после того, как они снесли статуи в Семпоалле, боги будут против них. Поэтому они решились на войну; схватили послов и заключили их в темницу.

Их планы были хорошо продуманы. Они подготовили засаду, позволили Кортесу перейти границу, а затем, после небольшой стычки, внезапно обрушились на него с превосходящими силами, которые, на удивленный взгляд испанцев, насчитывали 100 000 человек. Несмотря на огромное превосходство противника, испанцы храбро удерживали свои позиции; и, наконец, после отчаянного сражения тлашкальцы, обескураженные лошадьми и огнестрельным оружием испанцев, к которым они были непривычны, и обескураженные опустошением, причиненным ими в этом новом для них виде войны, отступили. Среди убитых было восемь их главных вождей. На стороне испанцев потери были незначительными.

Полагая, что этот опыт доблести испанцев, возможно, изменил отношение к нему тлашкальцев, Кортес теперь решил направить в их лагерь посольство с предложениями мира. Предложения были немедленно отклонены, и от тлашкальского генерала было возвращено послание с

выражением неповиновения. На следующий день последовало еще одно сражение, шансы были даже больше, чем в предыдущем; но доблесть испанцев, подкрепленная разногласиями в лагере тлашкаланцев, снова оказалась победоносной.

Отброшенные таким образом тлашкальцы были заверены своими жрецами, что их враги, будучи детьми солнца, получают силу от его лучей днем и поэтому должны быть атакованы ночью; и что, будучи лишены его лучей, их энергия уменьшилась, и они поблекли и стали подобны другим людям. Однако повторный судебный процесс доказал ложность этого утверждения, и после отчаянных усилий против вторгшегося врага тлашкальцы были вынуждены просить мира. Был заключен союзный договор о взаимной защите, и Кортес и его войска были приняты как существа высшего порядка в городе Тлашкала.

После двадцатидневной вербовки в Тласкале, в течение которой Кортес пытался собрать всю возможную информацию о состоянии мексиканской империи, он приготовился возобновить свой поход. Во время его пребывания тлашкаланцы с готовностью выполняли все его просьбы и повеления, за исключением того, которым от них требовалось свергнуть своих собственных богов и заменить их объектами поклонения испанцев. Кортес, возмущенный их отказом, собирался добиться своей цели силой, если бы его не удержало благоразумие его капеллана Ольмедо, который объяснил ему опасность такой попытки. Таким образом, тлашкальцы были предоставлены своим собственным религиозным обрядам и предметам поклонения.

Кортес, сопровождаемый 6000 из них, теперь взял курс на Чолулу. Это место находилось всего в шести лигах от Тласкалы, раньше было независимым государством, а совсем недавно было подчинено Мексиканской империи. Все окружающие люди считали его особенно святым местом, святилищем или главным местопребыванием своих богов, к которому совершались паломничества и в храме которого приносили даже больше человеческих жертв, чем в храме Мексики. Монтесума заявил теперь, что готов принять Кортеса в своей столице. Однако он вынашивал глубокий план уничтожения своих врагов. Их должны были принять в Чолуле под маской дружбы, и, когда они этого не ожидали, на них должно было быть предпринято энергичное наступление со всех сторон, в то время как с помощью вырытых ям, возведенных баррикад и больших скоплений камней на вершинах храмов их отступление было бы отрезано, а разрушение завершено. Кортес был предупрежден о предательстве и принял решительные меры, чтобы сорвать проект. Он арестовал нескольких их первосвященников и таким образом добился признания в замышляемом преступлении, собрал свои войска, схватил магистратов и знатных горожан, и, по заранее условленному сигналу, как испанцы, так и тлашкальцы обрушились на толпу, которая была настолько поражена, что не могла оказать никакого сопротивления. Улицы были залиты кровью и резней. Храмы были подожжены, и многие жрецы и вожди погибли в огне. Говорят, что в этой резне погибло более 6000 чолуланов, при этом не было потеряно ни одного испанца. Затем магистраты были освобождены и им было приказано отозвать людей, которые тем временем разбежались во всех направлениях. После столь ужасного урока они не осмелились ослушаться приказа того, кто казался им человеком более чем человеческого характера, и вскоре город снова наполнился теми, кто отдал свою службу тем самым людям, которые так безжалостно убивали их друзей и родственников.

Чолула находилась всего в двадцати лигах от Мексики, и Кортеса во время его похода повсюду приветствовали как освободителя, пришедшего освободить народ от гнета мексиканского ига.

На Монтесуму и его губернаторов посыпались жалобы, и Кортес воодушевился верой в конечный успех своего предприятия против столь могущественной монархии. Не вдаваясь в подробности его похода, достаточно сказать, что при пересечении СьеррыАхуаль-ко внизу расстиралась долина Мехико, и город, объект его замыслов, с его храмами, стенами и дворцами, был как на ладони перед ним.

В то время как испанский авантюрист становился все более смелым по мере того, как продвигался вперед, мексиканский монарх, с другой стороны, кажется, стал более нерешительным и робким. Быстрое наступление нового врага, успех, увенчавший его армию, его проницательность в раскрытии планов своего поражения, — все это в сочетании с традициями, на которые делались ссылки, по-видимому, удержало Монтесуму от того мудрого и доблестного поступка, которого можно было ожидать от потомка длинного рода храбрецов. Будь на его месте Монтесума Первый в качестве противника, с которым предстояло сразиться Кортесу, результат мог бы быть иным.

Когда испанцы приблизились к Мексике, их встретили 1000 высокопоставленных лиц, украшенных плюмажами и одетых в тонкие хлопчатобумажные мантии. Они приветствовали Кортеса по обычаю своей страны и возвестили о приближении Монтесумы. Затем появились двести человек, одетых одинаково, с большими плюмажами, маршировавших по двое, в глубоком молчании, босиком, с устремленными в землю глазами. Затем прибыла компания еще более высокого ранга в своих самых дорогих и великолепных одеяниях, посреди которой был Монтесума, которого несли на плечах четверо его главных фаворитов, в то время как другие поддерживали балдахин причудливой работы над его головой. Перед ним маршировали три офицера, неся золотые жезлы, которые они высоко поднимали через определенные промежутки времени, как сигнал народу кланяться и прятать лица, как недостойному смотреть на столь славного монарха. Когда он приблизился, Кортес спешил и почтительно выступил ему навстречу. Монтесума тоже вышел, устелив землю хлопчатобумажными тканями, и, опираясь на руку слуги, медленно двинулся дальше. Впервые захватчик и монарх стояли лицом к лицу. Они поприветствовали друг друга, Кортес - по европейскому обычаю, а мексиканец - коснувшись земли рукой и поцеловав ее. Эта снисходительность столь могущественного монарха только укрепляла его народ в вере, что испанцы принадлежат к высшей расе; и, проходя мимо, эти последние часто слышали, как их называли *Teules*, или богами.

ДРЕВНЯЯ СКУЛЬПТУРА ИЗ ПАЛЕНКЕ.

Это интервью не дало решающих результатов. Монтесума проводил Кортеса в апартаменты, которые он приготовил для него, - дворец, построенный его отцом; затем он оставил его, сказав:

“Теперь ты со своими братьями, в своем собственном доме; отдохни после усталости и будь счастлив, пока я не вернусь”. Вечером он вернулся, нагруженный богатыми подарками для всех. Теперь Кортесу сообщили, что мексиканцы были убеждены из того, что они видели и слышали, что испанцы были именно теми людьми, которые были предсказаны мексиканскими традициями, и поэтому их приняли не как незнакомцев, а как родственников той же крови и происхождения. Монтесума также признал за ним право командовать и заверил его, что он и его подданные будут готовы подчиняться его воле и предвосхищать его желания. Это впечатление Кортес стремился еще больше подтвердить, в то же время относясь к нему с уважением, подобающим достоинству государя. У него также была публичная аудиенция с монархом, а затем он провел три дня, осматривая город.

Город Мехико был расположен на большой равнине, окруженной горами, влага которых собиралась в нескольких озерах. Два самых больших из них имели шестьдесят или семьдесят миль в окружности и сообщались друг с другом. Мексика была построена, как уже говорилось, на нескольких небольших островах в одном из этих озер. Доступ к нему осуществлялся по дамбам из камня и земли шириной в сорок футов. Поскольку вода разливалась по равнинной местности, эти дамбы были довольно длинными. Город Такуба на западе простирался на полторы мили; Тепеакак на севере - на три мили; и Истапалапан на юге - на семь миль. К восточной стороне города можно было добраться только на каноэ. В каждой дамбе были отверстия для прохода по воде, через которые были переброшены мосты из дерева и земли. Многие здания, такие как храмы, дворцы и дома богатых и знати, были большими; но было также большое количество бедных хижин. Большая площадь, или рынок Тлателолко, была огромной и вмещала 40 000 или 50 000 человек. В городе проживало по меньшей мере 300 000 человек, и некоторые авторы утверждают, что их было намного больше.

Испанцы вскоре начали испытывать беспокойство и ожидать предательства со стороны Монтесумы; эти подозрения, казалось, подтверждались информацией о том, что два солдата, принадлежавшие к гарнизону в Вера-Крус, были предательски убиты Квоупокой, мексиканским вождем, губернатором соседней провинции, подстрекаемым, как полагали, Монтесумой; и что в экспедиции, предпринятой впоследствии комендантом гарнизона с целью отомстить за этот акт, этот офицер с семьей или восемью солдатами был убит. Один испанец также был взят в плен, ему отрубили голову и с триумфом пронесли по разным городам, чтобы показать, что захватчики не были непобедимы. Теперь очарование было разрушено, и Кортес почувствовал, что ничто, кроме самых отчаянных мер, не спасет его предприятие от краха. Поэтому он схватил Монтесуму в его дворце и поспешно увез в испанские покои.

Способ, которым это было осуществлено, показывает, какую власть он приобрел над монархом и его народом. Допущенный к нему, когда мексиканцы перестали его уважать, Кортес упрекнул монарха в поведении Квоупоки и потребовал, чтобы сам Монтесума стал заложником для выполнения приказа о его аресте. Надменный мексиканец, как ни был он удивлен, с негодованием ответил, что это противоречит всем обычаям и что его подданные никогда не потерпели бы такого оскорбления в адрес своего государя; но, охваченный ужасом от угрожающих речей и жестов одного из кавалеров, сопровождавших Кортеса, он в конце концов уступил дерзкому захватчику его королевства и власти. Проведенный в испанские покои, он, как обычно, принял своих офицеров и отдал приказы, но при этом находился под пристальным наблюдением испанцев.

Квоупопока, его сын и пятнадцать его главных офицеров были доставлены в столицу и переданы испанцам, и, не отрицая своей вины, они были приговорены к сожжению заживо. Мексиканцы молча взирали на эти оскорбления, нанесенные их монарху, который, как говорят, был даже закован Кортесом в кандалы в наказание за его предательство. Отважный авантюрист теперь настолько подавил дух Монтесумы, что сам стал фактическим властелином королевства. Он смещал и назначал офицеров по своему выбору; посылал испанцев исследовать страну, выбирал места для колоний и различными средствами стремился подготовить умы этого несчастного народа к испанскому игу.

Чтобы обеспечить себе господство на озере, он возбудил любопытство Монтесумы посмотреть на некоторые из этих движущихся дворцов, которые могли перемещаться по воде без весел. Военно-морское оборудование было доставлено из Вера-Крус с помощью мексиканцев, и другие из них были задействованы в вырубке древесины для строительства двух бригантин. Кортес еще больше убедил Монтесуму признать себя вассалом короля Кастилии и выплачивать ему ежегодную дань. Со слезами и стонами, сломленный духом, мексиканский монарх подчинился унижительному требованию, в то время как возмущенный народ своим ропотом показывал, как глубоко он переживает унижение, нанесенное империи. Испанцам были расточены огромные сокровища, и, когда Монтесума наотрез отказался сменить свою религию, они, наконец, осмелели настолько, что попытались силой сбросить идолов с большого храма. Когда священники собрались, чтобы защитить их, Кортес благоразумно отказался от своего предприятия.

Это оскорбление их божеств пробудило, наконец, дух народа, который до сих пор подчинялся притеснениям своих завоевателей и унижениям, которым подвергались они сами и их монарх. Они решили либо изгнать, либо уничтожить испанцев, и только состояние их монарха в плену и опасность, грозившая ему, предотвратили вспышку восстания. После долгих консультаций между Монтесумой, его жрецами и офицерами Кортесу было решительно сказано, что, когда он завершил свое посольство, боги выразили свое желание, чтобы он и его группа покинули королевство, иначе на них обрушится внезапное разрушение. Выжидая и делая вид, что подчиняется, хитрый испанец сообщил Монтесуме, что у него должно быть время восстановить свои корабли. На столь разумную просьбу возражений не последовало, и мексиканцы были отправлены в Вера-Крус для оказания помощи в выполнении этих работ, в то время как испанские плотники должны были руководить работами.

Вследствие прибытия против него вооружения с Кубы Кортес был вынужден оставить офицера со 150 солдатами в Мексике и поспешить к Вера-Крус. Он встретил наступающего врага и разбил его, принял побежденных таким образом солдат в свои ряды и снова поспешил обратно в столицу Мексики. Во время его отсутствия, взбешенные бессмысленной резней, учиненной над их знатью испанским комендантом Альварадо, мексиканцы восстали, напали на гарнизон, убили и ранили нескольких человек и сожгли бригантины, так что испанцам, теперь плотно укрывшимся в своих кварталах, угрожал голод или ярость народа, который постоянно нападал на них. Вернувшись, Кортес обнаружил, что недовольство широко распространилось, и ни в одном из городов на его пути его не приветствовали, кроме Тлашкалы.

По прибытии в Мексику Монтесума, который все еще оставался пленником в испанских кварталах, пришел поприветствовать его; но Кортес принял его так холодно, что император вскоре удалился. Однако, искренне желая оправдать себя от обвинения в соучастии в

нападении на гарнизон, он вскоре после этого послал нескольких своих приближенных добиться беседы с испанским генералом. Раздраженный продолжающимися проявлениями враждебности со стороны народа, Кортес теперь отбросил всякую сдержанность и отнесся к посланию с предельным пренебрежением, воскликнув: “Какое мне дело до этого королевского пса?” Знать, раздувшись от негодования, удалилась.

Тем временем жители города были заняты подготовкой к энергичному штурму испанских кварталов. Кортес только что отправил гонца в Вера-Крус, чтобы сообщить о своем благополучном прибытии в столицу и о своем уверенном ожидании скорой покорности со стороны мятежников, как он их называл, когда внезапно в воздухе поднялся шум войны, и его гонец, отсутствовавший не более получаса, вернулся, запыхавшись, с известием, что весь город вооружен. Ужасающая весть быстро подтвердилась появлением разъяренного населения, устремившегося по всем улицам к крепости, как будто решив взять ее штурмом. Конфликт был жестоким и упорным. Ничуть не смутившись ураганом железного града, обрушившегося на их незащищенные тела из-за испанских снарядов, которые сотнями растягивали их на земле, они прижались к самым дулам орудий. Отброшенные с одной стороны, они с неослабевающей яростью переходили к другой, стремясь то взобраться на парапет, то взломать ворота, то подорвать или пробить брешь в стенах, и, наконец, попытались поджечь здание, пуская в него горящие стрелы. В этом последнем они частично преуспели, но наконец наступление ночи заставило их удалиться.

На следующий день мексиканцы приготовились возобновить атаку, но Кортес решил предотвратить ее вылазкой. Соответственно, он совершил вылазку во главе своей кавалерии при поддержке пехоты и своих тлашкальских союзников. Мексиканцы в беспорядке бежали; но вскоре, сплотившись за баррикадой, которую они воздвигли поперек улицы, они начали поливать испанцев метательными снарядами, что в некоторой степени положило конец их карьере. Однако с помощью своих полевых орудий Кортес быстро расчистил баррикаду, когда мексиканцы снова повернули и обратились в бегство. Но теперь, когда испанцы продолжали наступать, враг прибегнул к новому способу раздражения. Взобравшись на крыши домов, они швыряли большие камни на головы всадников с такой силой, что часто выбивали их из седел. Не имея возможности защититься от этого вида снарядов, Кортес приказал поджечь здания, и таким образом было разрушено несколько сотен домов. Испанцы теперь одерживали победы на каждом рубеже; наконец, насытившись резней и видя, что день клонится к закату, Кортес отвел свои войска на их позиции.

Мексиканцы, однако, были полны решимости не давать ненавистным чужакам покоя. Хотя, в соответствии с обычаями своего народа, они не предпринимали попыток возобновить бой ночью, они, тем не менее, расположились бивуаками вокруг крепости и потревожили сон своего врага оскорбительными насмешками и угрозами, которые слишком ясно указывали на то, что их свирепость ни в какой степени не была подавлена ужасным опустошением, причиненным им в течение двух предыдущих дней.

В надежде повлиять на мексиканцев, Кортес теперь вызвал Монтесуму, чтобы тот приказал им прекратить военные действия. При виде своего почитаемого государя в его королевских одеждах они побросали оружие и молча склонили головы в земном поклоне. Повинуясь указаниям Кортеса, он обратился к ним с речью и привел аргументы, призывающие их к миру. Когда он умолк, угрюмый ропот и негодующие упреки пробежали по рядам, и в ярости, считая

своего государя всего лишь податливым орудием своего врага, на крепостные стены, где он стоял, посыпались полеты стрел и залпы камней, так что, прежде чем его успели защитить, Монтесума пал, раненный рукой одного из своих собственных подданных. Охваченные ужасом, мексиканцы бежали, а Монтесума, презревший жизнь после такого унижения, умер в испанских кварталах.

Кортес, зная, что дело дошло до крайности, приготовился к отступлению, которое, однако, ему не позволили осуществить до тех пор, пока после долгих и кровавых столкновений, в одном из которых его собственная жизнь подверглась опасности из-за преданности двух молодых мексиканцев, которые схватили его и потащили к краю платформы храма, намереваясь сбросить его и самих себя вниз, чтобы всех их разорвало на куски. Многие из его солдат были загнаны в озеро и там погибли; другие были убиты, а третьи все еще находились в плену. Говорят, он потерял более половины своей армии, спасшись бегством всего с 400 пехотинцами и двадцатью всадниками, с помощью которых он прорвался сквозь толпу, окружавшую его повсюду. Он потерял также свою артиллерию, обоз и боеприпасы; помимо 4000 тлашкаланцев, которые были убиты и взяты в плен, которых мексиканцы принесли в жертву своим богам.

Отступление продолжалось шесть дней, в течение которых Кортес и его солдаты были вынуждены питаться ягодами, корнями и стеблями зеленой кукурузы. На седьмой день они достигли Отумбы на пути из Мексики в Тласкалу, точки, к которой он направлялся своим курсом. Мексиканцы, когда он приближался, повисли у него за спиной, ликуяще восклицая: “Вперед, разбойники! идите туда, где вас быстро постигнет возмездие за ваши преступления!” Достигнув вершины горного хребта, они слишком хорошо поняли значение этой угрозы, ибо вся широкая равнина под ними была покрыта огромной армией, выстроенной в боевой порядок. Мексиканцы, оставив меньшую часть своих сил преследовать бегущего врага на одном берегу озера, собрали основные силы своей армии на другом берегу и, двинувшись вперед, разместили их на равнине Отумба.

Кортес, ни минуты не колеблясь, чтобы вид такого огромного количества людей не поверг его войска в смятение, повел их в атаку; и, несмотря на стойкость мексиканцев, ему удалось прорваться сквозь плотные ряды их батальонов. Но когда одна четверть отступила, мексиканцы сплотились на другой и продолжали обрушиваться на врага в таком количестве, что, если бы не счастливый случай, переломивший ход сражения, испанцы, должно быть, пали бы от изнеможения. Кортес, воспользовавшись знаниями, которые ему дало пребывание в Мексике, направил свои усилия против квартала, где мексиканский генерал нес знамя, уверенный, что, захватив его, он сможет привести в замешательство всю мексиканскую армию.

Событие оправдало его ожидания, ибо, когда, несмотря на сопротивление знати, он убил мексиканского генерала и захватил знамя, вся мексиканская армия, охваченная паникой, побросала оружие и бежала в горы. Боевые трофеи в какой-то степени компенсировали испанцам потери, которые они понесли при отступлении из столицы. Продолжая свой поход без дальнейших помех со стороны врага, они вскоре после этого достигли Тлашкалы, где были приняты с величайшей добротой своими верными союзниками. Здесь остался Кортес, набирая рекрутов и строя новые планы по покорению империи.

Мексиканцы после смерти Монтесумы возвели на трон его брата Куитлауа, который показал себя достойным этого выбора. Изгнав Кортеса из столицы, он отремонтировал укрепления, снабдил склады, приказал изготовить длинные копья, вооружился мечами и кинжалами, взятыми у испанцев, собрал людей из провинций и призвал их проявить верность. Он также отправил посольства в Тласкалу, чтобы убедить этот народ разорвать свой союз с людьми, которые были явными врагами богов и которые, несомненно, наложат на них ярмо рабства. Кортесу было нелегко противостоять влиянию таких разумных предложений на умы тлашкальцев; и если бы он не оказался на месте, их верность, возможно, поколебалась бы.

Но пока Куитлауа таким образом планировал защиту своего королевства и разыгрывал роль мудрого и доблестного принца, на него напала оспа, болезнь, занесенная, как говорят, испанцами, и он пал жертвой этого бедствия туземцев Нового Света. Ему наследовал его племянник Куаутемозин, молодой человек с большими способностями и доблестью.

Тем временем Кортес был занят подготовкой к возобновлению операций против Мексики. С разных сторон поступали подкрепления в виде войск, оружия и боеприпасов. Опорные пункты на мексиканской границе были захвачены, а население прилегающей страны, проявлявшее враждебность, было без промедления наказано и усмирено. Кортес также отдал приказ о строительстве в Тласкале тринадцати бригадин, которые по окончании строительства можно было разобрать на части и перевезти в Мексику для использования при осаде города.

Теперь, когда приготовления были завершены, 24 декабря 1520 года Кортес выступил в поход. Вернувшись на мексиканские территории, он обнаружил, что были предприняты различные приготовления, чтобы противостоять ему. Однако он пробил себе дорогу и овладел Тецкоко, вторым городом империи, расположенным на озере примерно в двадцати милях от Мексики. Устроив здесь свою штаб-квартиру, он теперь занимался покорением окрестных городов, граничащих с озером. Доброжелательно обращаясь с жителями, он привлек их к себе, и, поскольку они изначально были независимыми и были подавлены мексиканской властью, он пообещал им восстановление их прежних привилегий, подчиняющихся только власти короля Кастилии. Таким образом, мексиканский монарх и те, кто оставался ему верен, становились все более и более ограниченными в своих ресурсах, в то время как Кортес набирал дополнительную силу.

Наконец-то завершив подготовку материалов для своих бригадин, он отправил сильный конвой для их транспортировки в Тецкоко. Тлашкаланцы предоставили ему 8000 *таманес*, или носильщиков, и назначили 15 000 воинов для сопровождения испанских войск. Материалы были перевезены за шестьдесят миль через горы и, наконец, благополучно доставлены в Тецкоко.

Новое подкрепление солдат с лошадьми, боевыми пушками и боеприпасами теперь также прибыло к нему с Эспаньолы, куда он послал набирать рекрутов. Бригадины были вскоре закончены; для спуска их на воду в озере был проложен канал длиной в две мили, углубив небольшую речушку, и под крики, пушечную пальбу и религиозные церемонии они были спущены на воду.

Силы, предназначенные для этого последнего нападения на Мексику, составляли 86 всадников и 818 пехотинцев, из которых 118 были вооружены мушкетами или арбалетами; артиллерийский

эшелон из трех ударных пушек и пятнадцати полевых орудий. Каждая бригантина состояла из двадцати пяти испанцев и имела одну из небольших пушек. Этими кортесами командовали лично. Пунктами, выбранными для атаки, были Тепехакак на северной стороне озера, Такуба на западе и Кохохуакан на юге, что соответствует ранее упомянутым дамбам. Перекрыв акведуки, жители оказались в большом бедственном положении, и попытки мексиканцев уничтожить флот оказались совершенно безуспешными.

Кортес, теперь хозяин озера, продолжал атаку со всех сторон, разрушил баррикады, пробился через траншеи и стремился проникнуть в сердце города. Мексиканцы, хотя и теряли позиции с каждым днем, ночью заделывали бреши, прилагая невероятные усилия, чтобы восстановить свои позиции. Со своим небольшим отрядом испанец не осмелился занять позицию там, где он мог быть окружен численностью и, таким образом, потерпеть поражение. В конце концов, однако, его войска путем самых отчаянных атак проникли в город; успех, который вскоре обернулся катастрофическим и почти фатальным поражением из-за того, что командир одной из дивизий Хуан де Альдерете пренебрег своими инструкциями засыпать каналы и бреши в дамбах, чтобы обеспечить себе пути отступления.

Куатемозин, услышав об этом, с большим присутствием духа приказал мексиканцам отступить, тем самым увлекая вперед неосторожных испанцев; в то время как отборные отряды войск были предусмотрительно размещены в различных местах, чтобы действовать в случае необходимости. Испанцы яростно наступали, пока по сигналу - удару большого барабана в храме бога войны - мексиканцы не набросились на них с величайшей яростью и, оттеснив их к дамбе, всадники, пешие и тлашкальцы не ринулись в брешь, и Кортес не смог их сплотить. Разгром стал всеобщим, а сам он был ранен и с трудом спасен от захвата мексиканцами. Помимо тех, кто погиб в ходе конфликта, более шестидесяти испанцев попали в руки победителей. С наступлением ночи они осветили свой город и заставили своих пленников танцевать перед изображением бога войны. Затем они приносили их в жертву, и их крики достигали ушей их товарищей, которые не могли оказать им никакой помощи.

Теперь священники объявили, что их бог настолько умиловивлен жертвами, которые были принесены на его алтарь, что через восемь дней их враги будут уничтожены, а мир и процветание восстановлены. Эффект от этого уверенного предсказания был таков, что индейские союзники Кортеса покинули его, и даже тлашкаланцы, до сих пор верные ему, тоже покинули его.

В этой тяжелейшей ситуации испанцы остались верны своему командиру. Наконец, когда восемь дней, предписанные жрецами, истекли, а их предсказание оказалось ложным, суеверные союзники Кортеса, полагая, что боги, обманувшие мексиканцев, покинули их, вернулись. Теперь Кортес вел осаду с удвоенной энергией. Мексиканцы, как и прежде, с невероятной храбростью отстаивали каждую пядь земли. Тем не менее Кортес постепенно продвигал свои позиции в различных кварталах и, отказавшись от своей прежней заветной цели сохранить город, как только какая-либо часть была захвачена, ее сравнивали с землей, а материалы использовали для засыпки каналов.

Этот курс все теснее окружал мексиканцев. Голод и болезни также появились в преданном городе. Их провизия была исчерпана, а запасы воды перекрыты. Тем не менее, Куатемозин

оставался непреклонным, отвергая все попытки Кортеса и преисполненный решимости скорее умереть, чем уступить угнетателям своей страны. Наконец испанцы добрались до большой площади в центре города. Три четверти всего здания теперь лежало в руинах, а остальное было так плотно обложено, что долго продержаться не могло.

Мексиканцы в конце концов убедили Гватемалосина попытаться бежать в более отдаленные провинции, где он, возможно, все еще был в состоянии вести борьбу с захватчиками. Чтобы обмануть Кортеса, они предложили условия подчинения. Однако генерал узнал об их цели и строго приказал своим офицерам следить за каждым движением противника. Командир одной из бригадин, заметив в одно время несколько каноэ, гребущих по озеру с величайшей быстротой, подал сигнал к погоне. Когда их догнали и они увидели, что по одному из каноэ готовятся открыть огонь, все гребцы бросали весла, бросали оружие и стали умолять офицера, командовавшего бригадинной, не стрелять, так как среди них был их король.

Куаутемозин немедленно сдался, попросив лишь, чтобы его жену и детей не оскорбляли. Когда мексиканский вождь предстал перед Кортесом, он с большим достоинством сказал: “Я сделал то, что подобает монарху. Я защищал свой народ до последнего. Теперь мне ничего не остается, как умереть. Возьми этот кинжал, - он положил руку на кинжал, который носил Кортес, - вонзи его мне в грудь и положи конец жизни, которая больше не может быть полезной.

Как только стало известно о захвате Гватемалы, всякое сопротивление прекратилось, и городом, насколько это было возможно, овладели испанцы. Мексиканцы выдерживали осаду почти три месяца, в течение большей части этого времени атака и оборона велись практически непрерывно. Роковая ошибка мексиканцев заключалась в том, что они позволили Кортесу во второй раз войти в их город, когда офицер, которого он оставил командовать, был так стеснен, что он и его войска вскоре должны были погибнуть от голода. Тем не менее, окончательное завоевание, без сомнения, в значительной степени объясняется большим неравенством в вооружении и мудростью Кортеса, который привлек на свою сторону суеверие тлашкальцев и их вражду к мексиканцам и таким образом заручился их поддержкой.

Куаутемозин, находясь в плену, переносил свои страдания с достоинством, и когда его вместе с одним из его министров подвергли пыткам, чтобы заставить его открыть место, где были спрятаны его сокровища, он сказал своему товарищу по несчастью, который, охваченный болью, громко стонал: “Значит, я получаю удовольствие или наслаждаюсь ванной?” Фаворит, уязвленный упреком, страдал молча, пока не скончался. Королевская жертва была увезена Кортесом с этой сцены пыток и унижения только для того, чтобы подвергнуться дальнейшим страданиям.

Обширные провинции империи с готовностью подчинились, узнав о падении столицы. И все же испанцам не без труда удалось сохранить свое господство. Мексиканцы время от времени пытались отстоять свои права, и их угнетатели, считая их рабами, наказывали их самым позорным и жестоким образом. В Пануко, части древней империи, 400 дворян, участвовавших в восстании, были сожжены заживо. По простому подозрению в намерении сбросить ярмо и подстрекнуть своих бывших подданных к восстанию, Кортес приказал повесить Куаутемозина вместе с касиком Такубы. Бедные жители повсюду были обращены в рабство и вынуждены жить под тяжким игом своих угнетателей. Испанцы упивались роскошью и великолепием этой древней империи, в то время как потомки королей и касиков были их вассалами и рабами.

Трудности, которые пережил народ, следуя за своими завоевателями в их различных военных экспедициях, приступы болезней и другие причины привели к сокращению численности первоначального населения. После того, как была введена добыча полезных ископаемых, их загнали в шахты, чтобы добывать сокровища для своих угнетателей. С тех пор некоторые из них вступили в браки с белыми, и таким образом появилась смешанная раса. Часть из них приняла римско-католическую религию и была в долгу перед духовенством за некоторое облегчение своих страданий.

В настоящее время подсчитано, что из примерно 8 000 000 жителей, из которых состоит мексиканская республика, почти две пятых имеют чистую местную кровь. Говорят, что они серьезны и меланхоличны, имеют вкус к музыке, большой талант к рисованию, искусны в лепке из дерева или воска и питают большую страсть к цветам. Как класс, хотя и благородный, они бедны и несчастны, но доживают до глубокой старости, иногда даже до ста лет. Они все еще подвергаются сильному угнетению, и, хотя номинально обладают правами граждан, их часто держат в качестве чернорабочих в течение многих лет против их воли. Разжигая их аппетит, они влезают в долги, а затем, когда им нечем расплатиться с кредитором, он присваивает себе права хозяина. Им позволено быть магистрами своей расы, но их касики, сами опустившиеся, пользуются любой возможностью, чтобы угнетать тех, кто ниже их.

ИМПЕРИЯ ИНКОВ.

Вскоре после завоевания Мексики было предпринято аналогичное предприятие, результатом которого стало свержение и порабощение народа, напоминающего мексиканцев по их сравнительному прогрессу в цивилизации, а также по размаху и богатству их империи. Перу расположено на западном побережье Южной Америки, и империя его правителей в то время простиралась с севера на юг более чем на 1500 миль по Тихому океану. Его ширина была ограничена хребтом могучих Анд и, следовательно, различалась в разных частях своей протяженности. Эта обширная территория изначально была заселена независимыми племенами, отличавшимися нравами и формами политики. Согласно перуанским традициям, их образ жизни не превосходил образ жизни самых нецивилизованных дикарей. Они бродили голыми по лесам, без каких-либо постоянных жилищ, живя скорее как дикие звери, чем как люди.

В течение нескольких веков традиция утверждает, что они практически не продвигались к совершенствованию, перенося всевозможные трудности и лишения, пока внезапно на берегах озера Титикака не появились мужчина и женщина величественного вида, одетые в приличные одежды. Эти люди называли себя Детями Солнца и утверждали, что они были посланы этим благожелательным божеством, чтобы наставлять тех, кто был объектом его жалости, и таким образом улучшать их положение и делать их счастливее. Имена этих людей, как указано, были Манко Капак и Мама Оэлло. Мотивы, с которыми они обращались к бедным дикарям, чтобы побудить их оставить свой варварский образ жизни, по-видимому, были действенными, и, благодаря их убеждениям некоторые из этих разрозненных людей были объединены вместе, и,

повинуясь предполагаемому божественному повелению, они последовали за пришельцами в Куско, где те поселились и начали строительство города.

Таким образом, эти выдающиеся личности заложили фундамент великой империи, над которой их потомки впоследствии правили в течение нескольких поколений. Манко Капак учил мужчин возделывать землю и различным искусствам, с помощью которых можно было повысить их комфорт, в то время как мама Оэлло в то же время показывала женщинам, как ткать и прясть. Убедив таким образом их в своей заинтересованности в их благополучии и обеспечив их едой, одеждой и подходящим жильем, Манко Капак издал различные законы и ввел различные институты, с помощью которых народ мог сплотиться как нация с устоявшимся характером. Он предписал им такие правила, которые могли бы управлять ими как в общественной, так и в частной жизни; определил отношения всех, учредил такие должности и назначил таких лиц для их заполнения, что соответствовало его замыслу основать вечное и хорошо управляемое государство.

Это новое королевство называлось Империей *инков*. Поначалу территория Манко Капака не простиралась более чем на двадцать-тридцать миль вокруг Куско. Однако он пользовался абсолютной властью, которой люди охотно подчинялись. В последующие века его помнили не просто как основателя нации, но и как истинного благодетеля. Если признать, что эта традиция основана на истине, она представляет собой интересный предмет для исследования, кем были эти необычные личности и из какой части света они, вероятно, прибыли.^[2]

Преемники Манко Капака последовали его примеру, постепенно расширяя свои владения и с этим расширением территории делая свою власть еще более и более абсолютной. Со временем на них стали смотреть не только как на государей и потомков основателя империи, но и поклонялись им как божествам. Их кровь считалась священной, и, запрещая своим потомкам вступать в браки с этим народом, они продолжали сохранять свою собственную расу и отличались чистотой от всех остальных. Эта особая семья, выделенная таким образом как королевская или благородная раса, также отличалась от всей остальной нации определенной одеждой и украшениями, надевать которые низшим чинам было противозаконно. Сам монарх появлялся со знаками отличия, которые мог носить только он, и всегда был принят своими подданными с почтением, едва ли не с обожанием.

Характер этого народа сильно отличался от характера мексиканцев, ибо, в то время как эти последние, как мы видели, были воинственными и свирепыми, почти постоянно участвовали в кровопролитных войнах и соблюдали жестокие обряды, перуанцы, или кичуа, как их еще называли, были объединены мирным подчинением более мягким суевериям. Мексиканцы продвигали свои завоевания благодаря своей доблести и силой оружия усмиряли тех, кто им противостоял; но перуанские инки в качестве законодателей и благодетелей расширили свое влияние и побудили многочисленные племена подчиниться им и научиться искусствам и удобствам мира и хорошего правления. Говорят, что ни один из двенадцати монархов, потомков Манко Капака, не отличался этим характером.

Империя постепенно стала огромной, охватив не только все то, что сейчас называется Перу, но и Эквадор, который до сих пор покрыт памятниками инков. В этом обширном регионе царил совершеннейший порядок; поля были возделаны; реки использовались для орошения почвы; горы были превращены в террасы; были проложены каналы, принимались меры для сохранения воды при ее движении; и многие обширные территории, прежде бывшие просто пустынями,

таким образом стали продуктивными, если не плодородными. В качестве средства связи для удобства людей с большим трудом была построена национальная дорога от Кито до Куско протяженностью 1500 миль. Это было удивительное произведение искусства. На самом деле он предназначался не для экипажей, поскольку такие средства передвижения не были в ходу у перуанцев, а для большой дороги из одного конца империи в другой. Через глубокие овраги были переброшены многочисленные летающие мосты, которые часто создавали препятствия на пути выполнения работ, для преодоления которых требовались навыки и терпение.

Сооружения, тоже каменные, будь то храмы или дворцы, были сложены из огромных блоков, занимавших обширные пространства и разделенных на многочисленные квартиры, одна из которых в Кашамалке, как говорят, была способна вместить 5000 человек. Вместо иероглифов, с помощью которых мексиканцы сохраняли летописи своего народа и передавали друг другу знания о происходящих событиях, перуанцы использовали *кипо*, или нити, которые своими цветами, узлами и т. д. Обозначали различные части записей, которые они хотели сохранить. Инки накопили огромные сокровища на богатых серебряных рудниках в своих владениях, и когда они умерли, многие из их сосудов и другие части их богатства были похоронены вместе с ними в могиле.

Когда испанцы впервые посетили Перу в 1526 году, на троне находился двенадцатый монарх по имени Уайна Капак. Говорят, что он был великим князем, отличавшимся не только воинскими талантами, но и своей мудростью и доброжелательностью. Он покорил Кито и, таким образом, присоединил к своим владениям страну, почти такую же по площади и ресурсам, как его собственная. Этот город стал еще одной столицей его королевства, и здесь он часто проживал. Вопреки закону, запрещавшему смешанные браки инков с лицами, не принадлежащими к их расе, он женился на дочери короля Кито. Он умер в 1529 году, оставив Атауальпу, своего сына от принцессы Кито, наследником этого королевства. Остальные свои владения он оставил Уаскару, своему старшему сыну от другой жены из расы инков.

Эта процедура настолько противоречила всем законам и обычаям империи, что перуанцы, хотя и чтили в высшей степени своего умершего монарха, который придал своему правлению такой блеск, не могли удовлетворенно смириться с разделом империи. Поэтому они настаивали на том, чтобы Уаскар потребовал от своего брата отказаться от своих притязаний на правительство Кито и признать его своим сеньором. Атауальпа, однако, уже собрал большую часть перуанских войск, которые последовали за его отцом в Кито и которые были лучшей частью армии. Поэтому он не только отказался выполнить требование своего брата, но и выступил против него с отборной армией. Последовала гражданская война. Атауальпа, превосходивший его силой, одержал победу над Уаскаром, законным монархом; и, сознавая, что он лишь частично происходит от инков, он стремился утвердить себя, полностью истребив всех детей солнца, или потомков Манко Капака. Чтобы еще больше укрепить свою власть, он сохранил жизнь своему брату, от имени которого отдавал собственные приказы в различные части империи.

Последствия этой гражданской войны были самыми катастрофическими для этой доселе процветающей империи. Оно разорвало его на части в то самое время, когда коварный враг готовил его порабощение, и когда для безопасности нации потребовалась сила объединенных советов и усилий. Если бы испанцы вошли в Перу во времена правления Уайны Капака, они обнаружили бы совершенно иное положение вещей, и, возможно, Перу долгие последующие

годы наслаждалась бы процветанием под властью своих собственных благодетельных монархов, вместо того чтобы быть растоптанной ногой иностранного захватчика.

Когда Писарро вместе с Альмагро и Де Луке впервые основал колонию в устье реки Пиура в 1532 году, он уже был кое-что осведомлен о противоестественном соперничестве, в которое были вовлечены братья. В течение трех или четырех лет он постепенно продвигался от Панамы, пока не достиг самого сердца империи, причем противоборствующие стороны, по-видимому, не подозревали, что общий враг идет на их погибель. Уаскар, наконец узнав об этом событии, послал гонцов к Писарро, чтобы умолять его о помощи против своего брата-узурпатора. Хитрый испанец сразу понял, какую выгоду он мог бы извлечь из внутренних раздоров империи, и поспешил вперед, не дожидаясь подкрепления, которого он ожидал из Панамы. Он начал свой поход из своей новой колонии под названием Сент-Майкл, где оставил гарнизон всего из шестидесяти двух всадников и ста двух пехотинцев, из которых двадцать были вооружены арбалетами, а трое - мушкетами. Он двинулся на Кашамалку, небольшой городок на расстоянии двенадцатидневного перехода от Сент-Майкла. Здесь Атауальпа разбил лагерь со значительным количеством войск. Когда Писарро был в пути, его встретил гонец от этого принца, предлагавший свой союз и заверявший в дружеском приеме в Кашамальке. Писарро, воспользовавшись случаем, ответил, что прибыл от могущественного монарха с намерением предложить свою помощь Атауальпе, чтобы поддержать его в борьбе с теми, кто оспаривал его право на трон.

Перуанцы были в полной растерянности, как объяснить внезапное появление испанцев. Они считали их высшими существами, но, как и в случае с жителями Чолулы, по отношению к Кортесу они не могли решить, следует ли считать их обладателями благих или жестоких намерений. Поведение испанцев, по-видимому, не соответствовало их профессии; ибо, хотя они заявляли, что их целью было просветить туземцев в истине и сделать их более счастливыми, они часто были виновны в вопиющем бесчинстве и жестокости. Инка, однако, удовлетворенный сообщением Писарро, был готов оказать безграничное доверие ожидаемому посетителю. Испанцам было позволено пересечь пустыню, где их можно было легко остановить на марше, и безопасно пройти через горные ущелья, которые были такими узкими и труднопроходимыми, что несколько человек могли бы удержаться на своих позициях против большого отряда. Они также овладели крепостью, возведенной там для обороны страны, а затем продвинулись к Кашамалке.

Когда они приблизились, Атауальпа послал к ним гонцов с более дорогими подарками, чем раньше. Писарро вошел в город со своими войсками и овладел большим двором, по одну сторону которого располагался дворец инки, а по другую - храм солнца. Вокруг всего этого был мощный вал, или земляная стена. Атауальпа находился в своем лагере примерно в трех милях от города. Поэтому Писарро немедленно отправил к нему гонцов с теми же заявлениями и заверениями, что и раньше, с просьбой о встрече, чтобы он мог лично более полно проинформировать его о своих намерениях посетить его империю.

Эти посланцы были поражены видимостью порядка и благопристойности, царивших при перуанском дворе, и еще больше - выставлением напоказ золота и серебра, которые повсюду попадались им на глаза. Их приняли с предельным радушием и гостеприимно угощали. Когда они вернулись к Писарро, рассказ о великолепии, которым были ослеплены их глаза, привел его к вероломному решению схватить монарха, как Кортес захватил Монтесуму, в самом сердце

его империи. Он сознательно составил свой план, независимо от характера посла, который он взял на себя, или от уверенности Атауальпы в своих обещаниях, и немедленно сделал все необходимые приготовления для его выполнения. Разделив своих всадников на три небольших эскадрона или роты, он отобрал из своей пехоты двадцать человек самой испытанной храбрости, которых оставил себе в качестве телохранителей и для помощи в его попытке, в то время как разместил свою артиллерию и арбалетчиков напротив аллеи, по которой Атауальпа должен был приблизиться.

Ранним утром 16 ноября Атауальпа начал приготовления к посещению вновь прибывших. Желая внушить своим посетителям сильнейшее представление о его величии и великолепии, день был далеко за горами, прежде чем процессия начала свое шествие, и продвигалась она так медленно, что Писарро в конце концов забеспокоился, не разгадал ли монарх его коварные замыслы, и решил не находиться в пределах его досягаемости. Чтобы развеять эти опасения, если таковые существовали, испанец отправил к нему еще одно посольство, чтобы заверить его в своей дружбе и добрых намерениях. Наконец, Инка появился с помпой могущественного монарха. Его сопровождали 400 человек в форменной одежде, чтобы подготовить ему путь, и, восседая на троне, украшенном прекрасными перьями, почти покрытом золотыми и серебряными пластинами и украшенном драгоценными камнями, его несли на плечах несколько его главных приближенных. За ним следовали его старшие офицеры, которых несли таким же образом; оркестры певцов и танцоров также присоединились к процессии, и войска численностью, как говорят, в 30 000 человек.

Испанский священник Вальверде встретил его на подходе к Писарро с распятием в руке и, беседуя с ним о различных доктринах католической веры, потребовал от него признания папы и монарха Кастилии своими духовными и светскими сеньорами под страхом войны и мести. Атауальпа, даже с помощью перевода, не смог понять эту речь, столь совершенно неожиданную для него самого, и когда ознакомился с ее частью, был крайне возмущен таким посягательством на его права как независимого правителя своего королевства. Однако он спокойно ответил, что владеет своими владениями по наследству; что ни один папа или священник не может передать свои владения другому без его согласия; что у него нет желания отказываться от поклонения богу своей страны, солнцу, ради поклонения испанцам. Что же касается того, в чем заверил его священник, то он пожелал знать, где можно найти эти необычные предметы.

“В этой книге”, - ответил Вальверде, протягивая свой требник. Инка, открыв его и перевернув страницы, приложил к уху. “Это, - сказал он, - безмолвствует, мне это ни о чем не говорит”, - и презрительно швырнул его на землю. Монах, доведенный до крайнего негодования, побежал к испанцам, крича: “К оружию, к оружию, христиане, слово Божье оскорблено; отомстите за осквернение этих нечестивых языческих собак”. Писарро, который до сих пор сдерживал своих солдат, хотя и горел желанием разграбить богатства, которые попадались им на глаза, теперь подал сигнал к штурму. Звуки военной музыки, грохот пушек и мушкетной пальбы, конная атака и стремительность атаки, все вместе взятое, привели перуанцев в замешательство. Они бежали в смятении, без малейшей попытки защититься, в то время как Писарро со своим отборным отрядом немедленно устремился к королевскому трону и, пробившись сквозь толпу преданных дворян, которые пожертвовали собой, чтобы защитить его, схватил инку, повалил его на землю и увел пленником в испанские покои. Летучие отряды преследовались с самой безжалостной яростью, и они продолжали становиться жертвами своих безжалостных захватчиков до конца

дня. Говорят, что погибло более 4000 перуанцев; ни один испанец не был убит, и только один был ранен.

Пленный инка был глубоко подавлен духом, хотя Писарро делал вид, что относится к нему с добротой и уважением. Постепенно знакомясь с господствующей страстью захватчиков, он предложил, при условии своего освобождения, наполнить комнату, в которой он был заключен, которая имела двадцать два фута в длину и шестнадцать в ширину, золотыми сосудами такой высоты, до какой он мог дотянуться. Писарро согласился с этим предложением и обозначил необходимую высоту линией на стенах. Соответственно, инка разослал приказы о получении выкупа в Кито и Куско, где в храмах было скоплено наибольшее количество золота и серебра. Приказы монарха уважались и выполнялись, и люди немедленно были наняты для сбора необходимых сокровищ. Пока это продолжалось, Писарро получил информацию о приближении подкрепления. Это стало новым источником тревоги для плененного монарха, особенно после того, как он также узнал, что несколько испанцев посетили в тюрьме его брата Уаскара, который пообещал им, если они встанут на его сторону, гораздо большее богатство, чем сделал Атауальпа. Чтобы предотвратить это, он решил предать своего брата смерти, и его приказы на этот счет были выполнены соответствующим образом.

Обещанное сокровище было теперь собрано, но Писарро с беспримерным вероломством не только отказался освободить своего пленника, но и решил предать его смерти. К этому его подстрекали не только недавно прибывшие испанцы, но и индеец, его переводчик, которого он увез несколькими годами ранее из-за пределов Панама и который воспылил страстью к одной из жен Атауальпы. Он также встревожил испанца сообщениями о скоплении войск в различных частях империи и приписал эти приготовления к войне командованию плененного монарха. Сам Атауальпа, по собственной неосторожности, привел к фатальному результату. Особенно привязавшись к Фердинанду Писарро и Де Сото, людям, превосходящим самого Писарро как по происхождению, так и по образованию и относившимся к нему с добротой и вниманием, он постепенно начал относиться к Писарро с презрением. Судя по всему, он был принцем немалых талантов, и, наблюдая за способом, с помощью которого испанцы передавали друг другу свои мысли посредством письма, он очень восхищался этим искусством, но затруднялся определить, было ли оно естественным или приобретенным.

Чтобы удостовериться в этом, он попросил одного из солдат написать имя Бога на ногте своего большого пальца. Это он показал нескольким испанцам, спрашивая, что это значит, и, к его удивлению, все они сказали ему одно и то же. Наконец, когда пришел Писарро, он задал ему этот вопрос, и неграмотный авантюрист, покраснев от стыда, был вынужден признать свое невежество. С тех пор Атауальпа всегда относился к испанскому командующему с некоторой долей презрения, и сознание этого факта, терзавшее Писарро, привело к тому, что он твердо решил предать своего царственного пленника смерти.

Чтобы придать некоторую окраску его несправедливости, было возбуждено нечто вроде судебного разбирательства. Монарху было предъявлено обвинение в узурпации трона, в предании смерти своего брата и государя, в том, что он повелевал приносить человеческие жертвы, содержал множество наложниц или жен и растратил сокровища, принадлежавшие испанцам со времени его пленения. Помимо всех этих обвинений, его обвиняли в том, что он подстрекал своих подданных к восстанию против своих завоевателей. По таким обвинениям, как эти, перед самозванным трибуналом, который уже приговорил свою жертву, несчастный

Атауальпа был признан виновным и приговорен к сожжению заживо. Он умолял Писарро отправить его в Испанию, чтобы король судил его и осудил, если это необходимо. Но это не входило в план Писарро, и он отдал приказ о его немедленной казни. Чтобы спастись от жестокой смерти, которая была ему уготована, несчастная жертва вероломства и жестокости попросила принять крещение, в связи с чем его задушили на костре, вместо того чтобы сжечь заживо.

Затем Писарро провозгласил сына убитого инки монархом Перу в надежде, что таким образом он сможет управлять империей по своему усмотрению. Но жители Куско и близлежащей страны выбрали Манко Капака, брата Уаскара, инкой и законным преемником верховной власти. Сразу же последовали гражданские войны, и правительство было разорвано на куски. Узурпаторы и претенденты появились в различных частях королевства, претендуя на независимую власть; генерал покойного государя в Кито схватил брата и детей своего господина, предал их смерти и присвоил трон себе.

Эти внутренние разногласия, ослабляя мощь Перу, подготовили Писарро путь к продвижению в Куско. Было разыграно несколько сражений, но в конце концов город был взят без сопротивления. Сын Атауальпы погиб в походе, и перуанцы, по-видимому, в целом признали притязания Манко Капака на вакантный трон. Кито также вскоре попал в руки другой банды захватчиков, которую возглавлял офицер, оставленный Писарро губернатором Сент-Майкла. Однако испанцы, к своему разочарованию, обнаружили, что город был лишен своих сокровищ, а жители унесли их с собой.

Завладев Перу, Писарро посвятил себя обустройству его округов, назначению должностных лиц, установлению правил отправления правосудия, сбору доходов и эксплуатации рудников. Здесь перуанцев, бывших хозяев, заставляли как рабов трудиться на благо своих угнетателей. Толпы искателей приключений из Испании теперь стекались в завоеванную страну и, объединившись в различные небольшие отряды, каждый из которых возглавлял какой-нибудь предприимчивый офицер, они отправились на вторжение в различные провинции империи, которые еще не были покорены.

Манко Капак не был безучастным наблюдателем за этим процессом. Заметив, что в Куско, где он проживал, под ревнивым наблюдением испанцев осталось всего несколько войск, он тайно отдал приказ своим подданным собраться недалеко от столицы, где он получил разрешение отправиться на торжественное празднество. Как только он появился, развернули знамя, и началась война. Все воины были собраны, и вскоре вся страна от Кито до Чили была вооружена. Многие испанцы, рассеянные по стране и не ожидавшие такого нападения, оказались отрезанными. Армия, согласно испанским писателям, численностью 200 000 человек напала на Куско, который защищали всего 170 испанцев. В то же время новый город Писарро Лима был осажден, в то время как он был вынужден оставаться внутри. Всякое сообщение между двумя городами было прервано, и осажденные в обоих местах пребывали в полном неведении о судьбе друг друга.

Инка лично командовал войсками в Куско, и именно здесь перуанцы приложили свои наибольшие усилия. Целых девять месяцев они вели осаду, проявляя большое мастерство и извлекая пользу из своих наблюдений за дисциплиной своих врагов. Чтобы сделать свои усилия еще успешнее, они вооружили нескольких своих самых доблестных людей мечами, копьями и щитами, которые они отобрали у испанцев, которых они предавали смерти по всей стране.

Некоторые даже опробовали испанские мушкеты и атаковали своего врага верхом на лошадях под предводительством лично инки. Несмотря на самую активную оборону, Манко Капак овладел половиной своей столицы, и, вероятно, только внезапное появление войск Альмагро спасло удрученных испанцев от оставления Куско или гибели в бою.

Сила Альмагро рассматривалась обеими сторонами как арбитр состязания, и обе обратились к нему за помощью. Перуанцы знали, что он и Писарро были в ссоре, и Манко Капак сначала искал его дружбы; но в конце концов, отчаявшись добиться успеха на этом пути, он напал на него врасплох. Это решило вопрос. Перуанцы, не сумевшие достичь своей цели, потерпели сокрушительное поражение, а их армия была в основном рассеяна.

Вскоре после этого Писарро, разогнав перуанцев, которые держали его взаперти в Лиме, и получив также подкрепление из Испании, двинулся к Куско. После бесплодных переговоров между ним, его братьями и Альмагро разыгралась ужасная битва, в которой последний потерпел поражение и был предан смерти. Перуанцы, которые, по-видимому, поначалу решили воспользоваться подразделениями испанцев, вместо того чтобы обрушиться на измученные войска победителей, как им следовало бы сделать, после битвы спокойно отступили, возможно, более чем когда-либо пораженные чувством превосходства своей дисциплины. Это кровавое сражение произошло 26 апреля 1538 года.

В последующие десять или двенадцать лет произошла череда соперничества за власть между различными партиями испанцев, во время которого мы упускаем из виду Манко Капака и перуанцев, за исключением того, что мы знаем, что эти люди, под давлением тяжелой службы, быстро истощались. Заявления доброжелательного Лас Касаса, наконец, достигли испанского монарха и повлияли на него, чтобы предотвратить некоторые из зол, которыми угрожали туземцам, путем установления более твердого и справедливого правительства. Это было, наконец, достигнуто благодаря мудрости вице-короля Педро де ла Гаски после полного поражения и смерти последнего из Писарро, который восстал против назначения короля в 1549 году. Этот офицер издал правила обращения с индейцами, с помощью которых они могли быть защищены от угнетения и обучены принципам религии. Тем не менее, они были вынуждены работать на испанцев, будучи прикрепленными к самой земле и распределяясь между различными лицами, владевшими поместьями.

Как и почти у всех покоренных и поработанных народов, их численность уменьшалась, в то время как они подвергались колебаниям эпох. Сейчас говорят, что они слабы и подавлены больше, чем любой другой народ Америки, и, кажется, едва ли способны на смелые и мужественные действия. Некоторые целые районы, особенно в древнем королевстве Кито, по-прежнему почти полностью заселены индейцами. В некоторых местах они занимаются механическим искусством и принадлежат к низшему классу населения. Некоторые из них обратились к римско-католическим священникам; в то время как некоторые все еще помнят и почитают установления своих отцов, а иногда тайно собираются и совершают древние идолопоклоннические обряды.

Робертсон подсчитал, что на момент написания статьи численность коренных индейцев в Перу составляла 2 449 120 человек. Говорят, что у них “мелкие черты лица, маленькие ножки, гладкие, жесткие, черные волосы и почти нет бороды”. Их изображали погруженными в апатию и бесчувственность, но застенчивый, сдержанный и мрачный, хотя и ручной вид, который они представляют, является плодом длительного угнетения и накопленных обид. Они до сих пор

хранят самые глубокие и скорбные воспоминания об Инке и празднуют его смерть своего рода грубой драмой, сопровождаемой нежнейшими звуками музыки.

АРАУКАНЦЫ.

Арауканцы населяют южную часть Чили и получили свое название от провинции Арауко. Это нация, с энтузиазмом приверженная свободе, и они гордятся названием *Ауца*, что означает "свободный". Они мускулисты, крепки, обладают очень крепким телосложением и часто достигают возраста 90 или 100 лет. Они смелы и воинственны и всегда были самыми решительными врагами всех испанских захватчиков их родной страны; и своим воинственным нравом и пламенной отвагой они причиняли большие неприятности испанцам с тех пор, как те познакомились с ними. Все попытки подчинить их влиянию европейцев оказались безуспешными.

Их военная система значительно превосходит военную систему окружающих народов, а достигнутый ими уровень дисциплины позволил им вести длительные и кровопролитные войны с испанцами, которые захватили Чили в начале шестнадцатого века. Их государство было разделено на четыре почти равные части, которым они дали названия *приморской* страны, *равнинной* страны, страны *у подножия Анд* и страны *Анд*. Каждое из этих больших подразделений было также разделено на пять меньших, а каждое из них, в свою очередь, на девять еще меньших. Эти подразделения Араукании существовали до прихода испанцев.

Считается, что аристократическое правительство представляет собой своего рода государство, в котором существуют три сословия знати с градациями ранга, называемые *токвисами*, *ассе-ульменами* и *ульменами*, у каждого из которых есть свои вассалы. Каждый орден имеет свой значок, и тройная власть, составляющая суверенную власть, возложена на всеобщий сейм, или большой совет, который обычно проводится на какой-нибудь большой равнине, где они пируют и совещаются. Великий совет избирает главнокомандующего для руководства ими в войне, который может принадлежать к низшим чинам, если считается, что он обладает большими способностями, чем кто-либо из вышестоящих чинов. Пуэлчи, выносливая раса горцев, ранее составлявшая отдельный народ, были объединены с арауканцами подтем же правительством, и считается, что эта часть нации имеет право выбирать вице-токи из их числа.

Первое известие, которое у нас есть, которое по праву можно назвать историей этого народа, относится к началу их войн с испанцами в 1550 году. Их токи звали Айлавила, и когда европейцы вторглись в пределы Пенко, арауканцы приказали этому офицеру выступить к ним на помощь во главе 4000 человек. Соответственно, он пересек великую реку Биобио, северную границу Араукании, и смело дал бой испанцам. В отличие от других индейцев, с которыми имели дело испанцы, арауканцы не были сбиты с толку или напуганы стрельбой из огнестрельного оружия, а сразу обрушились спереди и с флангов на врага, который был повергнут в замешательство. Под Вальдивией, их генералом, была убита лошадь, и он подвергся большой опасности, когда токи получил смертельную рану, вследствие чего индейцы отступили в полном порядке, не преследуемые европейцами. Вальдивия, побывавший во многих сражениях как в Европе, так и в Америке, заявил, что ни в одном из них его жизнь не подвергалась такой большой опасности, как в этом сражении.

На следующий год арауканцев снова повел вперед их новый токи, Линкоян, и испанцы, вспомнив прежнее сражение, были охвачены таким ужасом, что, исповедавшись и приняв причастие, укрылись под пушками своих укреплений. В своей первой атаке на них Линкоян потерпел неудачу и был вынужден отступить, что испанцы приписали непосредственному вмешательству святого Иакова, их покровителя, которого, по их утверждению, видели верхом на белом коне, вооруженного пылающим мечом и наводящим ужас на своих врагов. По прошествии года губернатор, получив некоторое подкрепление из Перу, решил напасть на них; и, не встретив сопротивления Линкояна, он проник до Каутена, которым Араукания разделена на две равные части. Здесь он построил город, который назвал Империадом, а также отправил одного из своих офицеров основать другой, под названием Вилларики, на реке Лакен.

Продолжая путь, он пересек всю Арауканию с севера на юг с небольшими потерями и, наконец, прибыл на территорию кунчей. Здесь он нашел доблестный народ, союзников арауканцев, которые были готовы воспротивиться его переходу через Калакаллу. Кунчезский генерал, однако, был вынужден позволить захватчикам беспрепятственно пройти. Вальдивия основал здесь еще один город, которому дал свое собственное имя, а затем, довольный своими завоеваниями, приготовился вернуться, строя крепости и основывая города в различных частях света. Эрсилья говорит, что испанцам в этой экспедиции пришлось принять участие во многих сражениях, но подробности не приводятся.

Линкояну, сменившему Кауполикана, отчет о подвигах которого уже приводился в другом томе этой Библиотеки. Он был храбрым воином и изгнал испанцев из нескольких городов и крепостей, которые основал Вальдивия. Но за этими успехами последовал серьезный поворот, и он был на грани поражения, когда Лаутаро, подстрекаемый патриотизмом, вырвался из рядов испанцев и привел своих соотечественников к победе. Вся испанская армия была уничтожена, за исключением нескольких пленных и двух промаукийцев, их союзников-индейцев.

После смерти Вальдивии, который был предан смерти, умоляя сохранить ему жизнь, испанцы эвакуировали все города, основанные испанским губернатором, за исключением двух. Они были немедленно осаждены Кауполиканом, в то время как Лаутаро, теперь назначенный генерал-лейтенантом, или вице-токи, укрепился для защиты границ на высоких горах Маригуэны. Гора, изобилующая пропастями и расселинами и покрытая с одной стороны непроходимыми зарослями, представляла собой лишь единственную извилистую тропинку, которая вела на вершину горы. Вильягран, преемник Вальдивии, вступил в бой с молодым

Лаутаро, но после отчаянной схватки потерпел поражение и был вынужден уйти в отставку. Полагая невозможным защитить город Консепсьон, он погрузил часть жителей, состоящую из стариков, женщин и детей, на борт двух кораблей, находившихся затем в гавани, а остальных повел в Сантьяго.

Лаутаро вошел в опустевший город, где нашел большую добычу, и, разграбив ее, сжег дома, сравнял цитадель с землей и с триумфом вернулся в Арауко. Кауполикан, однако, был вынужден снять осаду Империаля и Вальдивии из-за сильных подкреплений, которые были брошены им Вильяграном. Пока он опустошал страну вокруг Империаля, появилась оспа, этот разрушительный бич местных жителей, вероятно, переданный какими-то испанскими солдатами, и произвела ужасный опустошительный эффект, так что некоторые районы почти обезлюдели. Утверждается, что в одном из них, насчитывающем 12 000 жителей, смерти избежали не более 100 человек.

Вильягран, воспользовавшись этими обстоятельствами, восстановил Консепсьон, что, однако, было сделано не раньше, чем Лаутаро переправился через Биобио и, атаковав испанцев, которых он застал на открытой равнине, обратил их в бегство. Затем он вошел в форт, убил большое количество горожан и еще раз разграбил и сжег город. Ободренный этим успехом, он решил продолжить войну еще дальше вглубь вражеской страны и прошел маршем расстояние в 500 миль до Сантьяго, недалеко от которого разбил лагерь со своими войсками. Испанский генерал застал их врасплох, напал на них и изрубил всех на куски, включая храброго Лаутаро, который пал в самом начале.

Арауканцы сражались с самой решительной храбростью до последнего, презирая любое предложение пощады; таким образом, победа была добыта дорогой ценой, с большими потерями как офицеров, так и рядовых. Эта битва произошла в 1556 году, и Лаутаро на момент его смерти было всего девятнадцать лет. Вероятно, если бы он был жив, испанцы в конце концов были бы изгнаны не только из Чили, но и из значительной части Перу. Говорят, что его имя до сих пор воспевается в их героических песнях, а его поступки служат самым славным примером для их молодежи. Результатом этой катастрофы стало то, что Кауполикан снял осаду Империаля и вернулся в свою страну.

Последовала череда сражений, в которых арауканцы, как правило, потерпели поражение, а сам Кауполикан, попав в плен, был предан жестокой смерти через посажение на кол. Испанский генерал двинулся в глубь страны и достиг того места, где Вальдивия, как рассказывалось выше, был разбит и взят в плен. Здесь он построил город, презирая арауканцев, который назвал Канете; и, считая, что война теперь окончена, он отдал приказ о повторном восстановлении Консепсьона.

В 1558 году он выступил в поход против кунчей. Когда этот народ впервые услышал о прибытии чужеземцев, они собрались, чтобы обсудить, что им лучше предпринять в этой чрезвычайной ситуации: подчиниться врагу или попытаться оказать сопротивление окрыленному победой. Арауканец, присутствовавший на их совете, которого пригласили высказать свое мнение, ответил следующим образом: “Будьте осторожны при принятии любой из этих мер; как вассалы, вы будете презираемы и вынуждены трудиться; как враги, вы будете уничтожены. Если вы хотите освободиться от этих опасных визитеров, заставьте их поверить, что вы ужасно бедны; спрячьте свое имущество, особенно золото; они не останутся там, где не надеются получить этот

единственный предмет своих желаний; пошлите им такой подарок, который произведет на них впечатление вашей бедности; тем временем удалитесь в лес”.

Этот совет был одобрен, и арауканец и девять его соплеменников были уполномочены кунчами отнести подарок, рекомендованный испанскому генералу. Соответственно, они оделись в лохмотья и, изображая страх, предстали перед испанцем и после грубого обращения преподнесли ему корзину с несколькими жареными ящерицами и дикими плодами. Испанские солдаты не могли удержаться от смеха при виде нелепого вида этих послов и умоляли своего командира не идти дальше; но он увещевал их продолжать путь, уверяя, что слышал о стране за их пределами, которая изобилует металлами. Хитрый арауканец, которого попросили предоставить проводника, дал ему проводника, который, следуя его указаниям, повел захватчиков самыми неровными и труднопроходимыми дорогами побережья.

1559 год ознаменовался многочисленными сражениями между двумя армиями. Арауканцами руководил Кауполикан Второй, сын бывшего токи с таким именем, которому он наследовал. Он был, как и его отец, человеком выдающихся талантов, но не добился такого же успеха в своих первых усилиях по защите своей страны. В битве при Кипео он потерял почти всех своих доблестных офицеров и, преследуемый отрядом испанцев, покончил с собой, чтобы не попасть в плен, как это случилось с его отцом.

Арауканцы, однако, не были полностью обескуражены; но несколько ульменов, избежавших поражения при Кипео, встретились в лесу и избрали токи офицера низшего ранга по имени Антигену, который отличился в том сражении.

Он с несколькими солдатами удалился в неприступные болота Лумако, где приказал воздвигнуть высокие леса, чтобы обезопасить своих людей от чрезмерной влажности в выбранном им мрачном убежище. Молодежь, которую время от времени призывали в армию, отправлялась туда для прохождения инструктажа, и арауканцы по-прежнему считали себя свободными и независимыми.

Вскоре Антигену начал совершать набеги на испанскую территорию, тренировать свои войска и кормить их за счет противника. Осмелев, он вступил в бой с сыном Вильягран, которого победил, а затем выступил против Канете; но Вильягран, чувствуя, что его оборона невыполнима, отозвал жителей в Консепсьон и Империял. Арауканцы, обнаружив, что город опустел, подожгли его и полностью уничтожили. Вильягран, пораженный этой потерей и измученный заботами и беспокойством, вскоре после этого умер; и Антигену, узнав об этом факте и собрав 4000 человек, разделил их на два отряда; с одним из них он приказал вице-токи осадить Консепсьон, в то время как с другим выступил против Арауко. Осада затянулась, и командиры решили уладить дело единоборством. После двухчасового боя их разделили их люди.

Однако в конце концов голод вынудил гарнизон покинуть это место, дома были сожжены, а стены разрушены. Пытаясь завоевать другое место, называемое Ангол, Антигену, после самых блестящих подвигов доблести и отваги, был вынужден вместе с толпой отступающих солдат упасть с высокого берега в реку и утонуть.

Его преемником стал Пайлатару, брат или двоюродный брат Лаутаро. В 1665 году форт Арауко и город Канете были восстановлены испанским командующим. Отныне история этого замечательного народа представляет собой череду сражений; и, хотя они сражались с различным успехом, они никогда не теряли своего неукротимого духа или своей решимости не поддаваться европейцам. Заметив преимущество, полученное кавалерией, они рано организовали отряд всадников и через семнадцать лет после своих первых столкновений с испанцами смогли противостоять им кавалерией на поле боя.

В 1589 году, когда Гуаноалька был токи, испанский губернатор, полагая, что для него будет невозможно защитить форты Пуреа, Тринидад и Эспириту-Санто, которые были основаны, эвакуировал их; и, как говорят, война свелась к строительству и сносу укреплений.

Во время правления Гуаноальки и его преемников, Кинтугену и Пайяэко, арауканцы потерпели ряд серьезных поражений. После последнего упомянутого арауканцы, не утратившие храбрости, назначили главным командующим человека по имени Пайламачу, потомственного токви второго округа; говорят, что, несмотря на преклонные годы, он был человеком замечательной активности. Казалось, фортуна сразу повернулась в его пользу, и его успех был настолько велик, что было объявлено, что он превзошел всех своих предшественников в военной славе и смог снова вернуть своей стране ее полную независимость.

В 1598 году, благодаря его победам, не только арауканские провинции, но и провинции Кунчей и Уилличей были охвачены оружием, охватив всю страну до архипелага Чилоэ. Каждый испанец, обнаруженный без гарнизонов, был предан смерти, а города Осорно, Вальдивия, Вильярика, Империял, Арауко, Канете, Анголь и Кайя были одновременно взяты в плотную осаду. Пайламачу также переправился через Биобио, сжег Консепсьон и Чиллан, опустошил зависимые от них провинции и вернулся, нагруженный добычей. Он также вынудил испанцев эвакуировать форт и город Арауко и вынудил жителей удалиться в Консепсьон.

В ноябре месяце 1599 года он заставил свою армию переплыть широкую реку Вальдивия вплавь, взял город штурмом, сжег дома и убил множество жителей. Он атаковал суда, стоявшие на якоре, которым удалось спастись, только немедленно подняв паруса, а затем с триумфом вернулся к охране, которую он разместил на Биобио, с добычей в 2 000 000 долларов, всеми пушками и более чем 400 пленными.

Вилларирика также, после двухлетней и одиннадцатимесячной осады, попала в руки арауканцев в 1602 году, и город Империял постигла та же участь. Действительно, были разрушены все испанские поселения в стране, которые Вальдивия и его преемники основали и сохранили ценой стольких усилий и крови, и они остались незастроенными, от их руин почти не осталось следов.

Пленных было много; незамужних женщин забирали в серали их завоевателей, в то время как неженатым мужчинам разрешалось жениться на женщинах страны. Говорят, что от этих смешанных браков произошли метисы, которые в последующих войнах стали самыми страшными врагами испанской фамилии. Некоторые из пленников были выкуплены своими друзьями или обменены; хотя многих из любви к своим детям заставили остаться со своими похитителями.

Пайламачу умер вскоре после этого, в конце 1603 года, и ему наследовал Хунекура. Бедствия, постигшие испанцев, давали о себе знать, и испанский двор отдал приказ о постоянном содержании на арауканской границе 2000 регулярных войск, на содержание которых из казны Перу ежегодно выделялась сумма в 292 279 долларов.

Иезуит по имени Луис Вальдивия, желавший проповедовать арауканцам и понимавший, насколько совершенно невозможной была бы любая подобная попытка, пока продолжалась война, отправился в Испанию и представил правившему тогда королю Филиппу Третьему огромный ущерб, нанесенный делу религии этими продолжающимися войнами. Принц выслушал его доводы и распорядился, чтобы река Биобио была установлена в качестве пограничной линии между противоборствующими сторонами. Мирные статьи были обсуждены и согласованы, когда все было расстроено неблагоприятным событием. Токи, которого звали Анканамон, женился на испанке, которая, воспользовавшись его отсутствием, бежала в поисках убежища к губернатору в сопровождении своих детей и четырех других женщин, которых она также убедила стать христианками; две из них были женами, а две дочерьми ее мужа. Токи, доведенные до крайности, встретили миссионеров, посланных к арауканцам, и предали их всех смерти.

Испанские провинции подвергались постоянным нападкам, и, как говорят, в 1617 году война началась с удвоенной яростью. В период с этого по 1637 год токис Лейнтор и Путапичион также находились у власти и участвовали в предприятиях против испанцев. Дела, однако, существенно не изменились; арауканцы по-прежнему сохраняли свою территорию и независимость. В 1638 году голландцы попытались заключить союз с арауканцами с целью завоевания Чили; но их флот был рассеян штормом, и только одна или две лодки смогли добраться до суши. Будучи хорошо укомплектованными и вооруженными, арауканцы предположили, что они прибыли с враждебными намерениями; поэтому они атаковали их и уничтожили экипажи. В 1640 году война была доведена до конца, а в 1641 году были согласованы статьи мирного договора и назначен день ратификации; местом встречи была деревня Квиллан в провинции Пуреа.

Испанский губернатор, маркиз де Байдес, появился в указанное время со свитой из 10 000 человек со всех концов королевства. Линкопичион, токи, возглавлявший четырех наследственных токки, а также множество ульменов и других туземцев, открыл совещание красноречивой речью. Затем он, согласно чилийскому обычаю, убил ламу и, побрызгав кровью на пучок корицы, преподнес его в знак дружбы губернатору. Затем были предложены и ратифицированы мирные статьи. Арауканцы в одной из них согласились, что они не разрешат высаживать каких-либо иностранцев на побережье и не будут снабжать какое-либо иностранное государство припасами. Таким образом, война, длившаяся девяносто лет, была доведена до конца; двадцать восемь лам были принесены в жертву, и все завершилось красноречивой речью Антигену, главы округа, в которой он подробно остановился на преимуществах, которые обе нации извлекают из мира.

В 1643 году голландцы предприняли вторую попытку захватить Чили, и если бы их поддерживали арауканцы, союза с которыми они искали, они, несомненно, добились бы успеха; но эти храбрые защитники своей страны были верны своим обещаниям и отвергли попытки голландцев. Они также посоветовали "Канчес" пойти тем же курсом. Таким образом, голландцы были вынуждены безуспешно отступить.

Мир продолжался несколько лет; в 1653 году разразилась война, причина которой не установлена. Арауканцы избрали своим командующим токи Элевтару, который в своей первой кампании полностью разгромил испанцев и продолжал в течение десяти лет преследовать их, когда снова был заключен мир, который оказался более прочным, чем предыдущий. Однако в 1686 году испанский губернатор был близок к тому, чтобы нарушить его, переселив жителей острова Мокко на северный берег Биобио, чтобы отрезать все связи с иностранными врагами.

Тем временем среди арауканцев появились миссионеры в сопровождении некой силы, называемой *Капитанами друзей*, в качестве мнимой охраны. Обнаглев, арауканцы решили создать токви и прибегнуть к оружию. Поэтому началась война, но после ряда небольших стычек Негретский мир положил ей конец. Таким образом, Квилланский мирный договор был подтвержден, и одиозный титул *капитанов друзей* был отменен.

Следующий повод к войне был вызван попыткой испанского губернатора Гонзаги заставить арауканцев жить в городах. В это же время пехуэн, которые в начале войны были союзниками испанцев, потерпев поражение от арауканцев, решили перейти на другую сторону и с тех пор были в прочном союзе с этим храбрым народом. Были разыграны различные сражения, в том числе одно кровопролитное в начале 1773 года. Однако в том же году был заключен мир, и арауканцам было разрешено иметь священника, проживающего в городе Сент-Яго. Квилланский и Негретский договоры были возобновлены, и под мудрым управлением испанских вице-королей Хауки и Бенавидеса страна долгое время наслаждалась благословениями нерушимого спокойствия.

Таким образом, арауканцы благодаря своей храбрости и упорству смогли сохранить свои свободы против некоторых из самых дисциплинированных войск Испании, даже тех, кто служил в Нидерландах во времена правления Карла Пятого и Филиппа Второго, и которые были вооружены неизвестным ранее оружием, рассчитанным на то, чтобы наводить ужас на все местные племена. Они по-прежнему остаются в безопасности в своих горных твердынях, наслаждаясь благословениями свободы и, как всегда, полны решимости никогда не поддаваться никакому иностранному врагу.

ЮЖНЫЕ ИНДЕЙЦЫ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ.

Вся внутренняя часть южной части Южной Америки, от Огненной земли до Парагвая, долгое время была занята многочисленными дикими племенами индейцев. О них мало что было известно еще долгое время после оккупации части страны испанцами. Вскоре они обзавелись лошадьми и были разделены европейцами на конные и пешие племена. Обычно они отличались свирепым характером и вели друг с другом почти непрерывные войны. Племена всадников, в особенности, были привыкли совершать длительные походы с целью грабежа или мести. Многие из этих народов с тех пор были сметены этим ужасным бедствием индийской расы - оспой, а европейцы оттеснили многие из них еще дальше назад.

Наши знания об их истории, которые действительно весьма скудны, почерпнуты из рассказов католических миссионеров, которые долго и с некоторым успехом трудились среди них.^[3] Мнения, которые они высказывают об их манерах и обычаях, часто наиболее интересны, и они будут рассмотрены в нашем очерке манер и обрядов американских индейцев. Обширные равнины, или *пампы*, как их называют, которые лежат к юго-западу от Буэнос-Айреса, были населены дикарями-наездниками, которых перуанцы вместе с арауканцами и другими племенами, обитавшими в горах, называли аукас, или повстанцами, вероятно, из-за какого-то события в их прежней истории. Действительно, кажется, что несколько племен изначально пришли с Северо-Запада и, возможно, там приобрели знания о верховой езде, в которых они так искусны, от более ранних европейских завоевателей.

Подобные группы индейцев были обнаружены на всем этом обширном участке земли к востоку от Анд, простиравшемся от Буэнос-Айреса до Бразилии. Из них, возможно, наиболее выдающимися были абипоны и гуарани, населявшие территорию, которая раньше носила название Парагвай, а ныне Парагвай и Уругвай. Добрицхоффер, немецкий католический священник, много лет проживший среди них, дал полное описание самых замечательных событий их истории, которые произошли, пока он был с ними, из чего мы извлекаем несколько разрозненных заметок, добавляя некоторые факты, собранные из других источников.

Раньше эти племена, по-видимому, были многочисленными, но теперь от них остались лишь небольшие остатки. Некоторое представление об их уменьшении можно составить, когда будет указано, что гуарани, которых в 1752 году насчитывалось 141 252 человека, вскоре потеряли 30 000 человек из-за оспы, а впоследствии еще 11 000 человек. В 1767 году их осталось всего около 100 000. Они подвергались сильному притеснению со стороны испанцев, и, хотя они храбро сражались, чтобы избежать изгнания со своей родной земли, в конце концов они были изгнаны. Говорят, тридцать тысяч человек были изгнаны испанцами из семи городов.

Ревностные миссионеры проникали в леса и посещали самые варварские племена. Часто их неожиданно принимали с добротой и гостеприимством там, где у них меньше всего были основания надеяться на это. Во время одного из таких визитов, когда один из миссионеров, или отцов церкви, побывал среди них и завоевал их расположение, старый касик сказал, что у него есть дочь, самая красивая девушка в мире, и он решил выдать ее замуж за отца, чтобы тот всегда мог оставаться в семье. Узнав, что отцы так и не поженились, старик был поражен, как громом, и, подняв табачную трость в воздух, воскликнул: “Что за странную вещь ты мне рассказываешь?”

Индейцы с большой ревностью наблюдали за вторжением испанцев на их территорию. Некоторые из них, однажды послав людей в лес за *мате*, или парагвайским чаем, по какой-то случайности загорелись в их хижине, и восемнадцать из них погибли в огне. Индейцы издали наблюдали за пожаром; наконец, один из них, вооруженный стрелами и дубинкой, прокрался в единственную уцелевшую испанскую хижину, где укрылся одинокий мужчина. “Итак,” сказал дикарь с суровым видом, - ты осмелился войти в эти леса, которые никогда не были твоими. Разве ты не знаешь, что это наша земля, оставленная нам нашими отцами? Разве вы не довольны тем, что узурпировали огромные пространства и неисчислимые леса, несмотря на противодействие наших отцов? Если кто-нибудь *изнас* вторгнется в *ваши* владения, вернется ли он живым? Нет; и мы будем подражать вашему примеру. Итак, если вы мудры, если вам дорога жизнь, поспешите прочь и посоветуйте своим соотечественникам тщательно избегать

наших лесов, если только они сами не станут причиной своей смерти”. Испанец, чтобы спасти свою жизнь, предложил ножи, топоры, одежду и другие безделушки; умиротворенный этими подарками, дикарь вернулся к своим товарищам. Первый, посчитав дальнейшее пребывание опасным, сбежал, оставив много тысяч фунтов *мате* которые были собраны.

Гуайкуры, или альбайя, были очень искусными наездниками и в высшей степени враждебно относились к испанцам; они были храбры и чрезвычайно искусны в обращении со своим оружием. Кальчаки также некогда славились своей военной свирепостью и непримиримой враждой к европейцам. Говорили, что одна из ветвей племени гуарани бродит по отдаленным лесам на берегах одной из внутренних рек и прыгает с дерева на дерево, как обезьяны, в поисках меда и маленьких птичек. Гуарани были известны своей прожорливостью. Говорят, что после нескольких часов голодания одна из них могла сожрать молодого теленка. У этих индейцев был обычай перед тем, как лечь спать, класть перед огнем кусок мяса, чтобы оно было готово к употреблению сразу после пробуждения.

Опустошение, произведенное европейцами среди этого племени, а также других индейцев, особенно тех, что находятся недалеко от Бразилии, почти невероятно. Предполагается, что за 130 лет 2 000 000 индейцев были убиты или уведены в плен; и утверждается, что за пять лет 300 000 парагвайцев были угнаны в Бразилию; и что более 1000 лиг страны, простирающейся до реки Амазонки, были лишены своих жителей. В 1628-1630 годах 600 000 индейцев были проданы в рабство в Рио-Жанейро. Более 400 индийских городов были полностью разрушены, и опустошение было таким, что король Джозеф был вынужден издать указ 6 июля 1755 года, запрещающий дальнейшие разрушения. Это, однако, лишь малая часть того зла, которое испанцы и португальцы причинили этим несчастным регионам.

Среди всаднических племен индейцы в значительной степени зависели от лошади в плане различных удобств. Он снабжал их едой, одеждой, жильем, постелью, оружием, лекарствами и нитками. Из шкур они делали подстилку, одежду, обувь, палатки, седла и ремни, которые служили уздечкой и оружием. Сухожилия они использовали для ниток. Они пили растопленный конский жир, мыли головы кровью, а затем водой, чтобы укрепить их, и скручивали волосы в жгуты. Они почти постоянно были верхом, и их наивысшим наслаждением было демонстрировать свою особую способность управлять самыми резвыми животными.

Особенно абипоны были необыкновенным народом и почти воплотили в себе сказочных кентавров - настолько полностью они казались отождествленными с лошадьми, на которых ездили верхом. В истории нет никаких сведений о них до того, как они поселились в провинции Чако в шестнадцатом веке. В 1641 году у них были лошади, и они стали грозными для испанцев, с которыми вели длительные и кровопролитные войны. Говорят, что сначала они раздобыли лошадей, угнав их из Санта-Фе, и в течение пятидесяти лет они увели 100 000 этих животных из поместий испанцев. Иногда за один штурм было взято не менее 4000 человек. Они поселились на территории, ранее принадлежавшей кальчаки, которые стали жертвами оспы. Здесь они заключали союзы с другими экваторийскими народами, особенно с мокобиосом и тобосом, дикими племенами, грозными из-за своей численности и храбрости. Конфедераты долгое время преследовали провинцию Асунсьон, а также колонии Сан-Яго-дель-Эстеро и Кордобу. Против них планировались различные экспедиции с различными результатами; но все же они продолжали свои набеги с целью грабежа или мести. Добрицхоффер рассказывает о многих

битвах и героических действиях, которые описывают некоторых из их касиков как людей необычайной храбрости, проявивших большие способности, ведя свой народ на войну.

Абипоны были разделены на три класса: рикахе, населявшие обширные равнины, накайгетергехе, любившие прятаться в лесах, и яуканига, которые раньше были отдельной нацией и использовали отдельный язык. Испанцы почти уничтожили их, а те немногие, кто выжил, бежали к абипонам, с которыми они объединились. Абипоны, как и другие конные племена Чако, хвастаются тем, что являются внуками злого духа. Говорят, что их язык и язык тобосцев и мокобиосцев, также индейцев-наездников, имеют сходство, которое выдает общее происхождение; то же самое, по-видимому, имеет место с языком гуарани и чиригуана, хотя они находятся на расстоянии 500 миль друг от друга.

Долгое время иезуиты предпринимали множество бесплодных попыток подчинить абипонов королю Испании и обратить их в католическую религию. Но они слишком ценили свою независимость и свой собственный дикий образ жизни, чтобы быть готовыми отказаться от них ради преимуществ, которые были обещаны в сельском хозяйстве. В конце концов, однако, была основана колония мокобиев, союзников абипонов; в конце концов, последних побудили последовать их примеру, и среди них были также основаны колонии. Первый из них был основан для Абипонес Рикахес. Однако не все племена с готовностью присоединились к проекту. Часть из них предпочла остаться такими, какими они были. Это привело к долгим и кровопролитным столкновениям между ними. Те, кто оставался дикими в лесах, часто нападали на колонии и уводили их скот и другую добычу. Иезуиты также подвергались немалой опасности во время некоторых из этих вторжений. Испанцы присоединились к абипонам и, наконец, покорили чарруас, свирепый конный народ, которого они проинструктировали и обратили в свою веру. Иезуиты долгое время продолжали свою работу в колониях, куда они убедили переселиться абипонов, и касики, или вожди, которых они проинструктировали и крестили, продемонстрировали много примеров сильной привязанности к ним. Их усилия, однако, были прекращены начавшейся войной между испанцами и гуарани, в которую в конце концов были вовлечены абипоны. Результатом этого было то, что они снова покинули свои поселения, и многие из них вернулись от своих более цивилизованных привычек к дикой жизни.

Примечательным фактом в истории абипонов является то, что они сначала научились обращаться с лошадью у европейцев, а впоследствии стали так ловко управлять ею. Говорят, что они все еще существуют в Южной Америке, но являются ли они особым народом и по-прежнему привержены своей дикой лесной жизни, или же они смешались с народами, вышедшими из испанских поселений, и носят христианское имя, у нас нет возможности определить. Некоторые любопытные обычаи среди них будут описаны ниже, при описании нравов, обрядов и древностей индейских племен этой части Южной Америки.

Сообщается, что примечательный инцидент, связанный с индейским вождем могущественного племени близ Буэнос-Айреса, произошел в 1745 году. Орельяна, как он назван в описании, с десятью своими последователями, взятыми в плен испанцами, был помещен на борт испанского корабля с 66 пушками и 500 людьми, и там с ним обращались с большой жестокостью. Найдя способ сообщить о своем плане своим людям, они выждали время, и когда представилась благоприятная возможность, они внезапно поднялись, вооруженные кожаными ремнями, заряженными заранее приготовленной двуглавой дробью, и прогнали испанцев вниз. Затем они убили сорок из них и удерживали корабль в течение двух часов, несмотря на все усилия

испанцев вернуть его; но Орельяна, наконец, был ранен случайным выстрелом через дверь каюты и, видя, что испанцы близки к успеху, он со своими храбрецами прыгнул за борт, и все они утонули.

О нескольких индейских племенах, населяющих этот обширный участок территории, известный под названием Патагония и заканчивающийся холодными и пустынными районами Огненной Земли, мы не можем сообщить никакой истории. Сейчас, как и при первом открытии, они являются простыми дикарями и продолжают заселять землю, почти не беспокоясь о ней со стороны европейцев. Их страна слишком бедна и отталкивающа, чтобы соблазнить алчность цивилизованного человека, поэтому она осталась во владении своих первоначальных хозяев. Поскольку у них нет истории, достойной памяти, у них нет и средств сохранить память о событиях; и поэтому, подобно листьям леса, они живут, исчезают, а затем навсегда погружаются в забвение. Одни только их манеры и обычаи достойны упоминания, и они будут приведены в надлежащем месте.

ИНДЕЙЦЫ БРАЗИЛИИ.

Бразилия была открыта в 1500 году. Первым испанцем, отважившимся пересечь экватор, был Винсент Пинзон. Он приземлился в точке на побережье Бразилии, примерно в двадцати милях к югу от Пернамбуку. Вскоре после этого из Португалии был отправлен флот, на котором плавал удачливый искатель приключений Америкус Веспучий, давший свое имя Новому Свету.

Бразильские индейцы были настоящими дикарями, вероломными, жестокими и каннибалами, и, по-видимому, в их характере не было ни единой благородной или великодушной черты. Ужасающая порочность этих племен, по-видимому, вселила дух фурий в сердца женщин; и когда женщины народа становятся свирепыми, остается мало шансов, если вообще есть, что нация когда-либо своими собственными усилиями станет цивилизованной. Нижеследующего описания первого разговора между португальцами и бразильскими индейцами достаточно, чтобы показать характер последних.

Когда корабли прибыли к побережью, на 5° южной широты, на холме недалеко от моря была обнаружена группа туземцев. Два моряка вызвались сойти на берег, и прошло несколько дней,

а они не возвращались. Наконец португальцы высадились на берег, послали молодого человека встретить дикарей и вернулись к своим лодкам. Несколько *женщин* вышли ему навстречу, очевидно, в качестве участников переговоров. Они окружили его и, казалось, рассматривали с любопытством и удивлением. Вскоре с холма спустилась другая женщина с колом в руке, она встала у него за спиной и нанесла ему удар, от которого он рухнул на землю. Остальные немедленно схватили его за ноги и потащили прочь, а затем индейцы, бросившись к берегу, выпустили свои стрелы по лодкам.

Морякам наконец удалось спастись, но им пришлось стать свидетелями ужасного зрелища того, как их бедный товарищ был уничтожен безжалостными дикарями. Женщины разрубили тело на куски и выставили изуродованные конечности в насмешку; затем, поджарив их на огромном костре, который, по-видимому, был приготовлен специально для этой цели, они с громкими криками пожирали их в присутствии португальцев. Индейцы также подавали знаки, что они съели двух других моряков!

Будет ни приятно, ни полезно давать более подробные отчеты о практике каннибализма. Достаточно сказать, что племена, населяющие восточную часть Южной Америки, по-видимому, погрязли в самом грубом невежестве и самом прискорбном состоянии порока и нищеты, до которого только могут быть доведены человеческие существа. Они были больше похожи на тигров и змей, чем на людей; ибо в битве они использовали отравленные стрелы, смертоносные, как “змеиный зуб”; и они рвали и пожирали своих врагов с ненасытностью хищных зверей.

Европейцам, которые первыми поселились в Бразилии, пришлось добывать все свое имущество мечом; и мало кто пошел бы добровольно в такое место; португальские поселенцы были в основном каторжниками, изгнанными за свои преступления. Как и следовало ожидать, этот класс людей, доведенных до отчаяния своим положением и часто закоренелых в преступлениях, были не очень милосердны к туземцам, которые, в свою очередь, не проявляли к ним милосердия. Кровавые конфликты и зверства с обеих сторон были ужасны; и все же мы вряд ли можем испытывать такое же сочувствие к индейцу-каннибалу, как к кроткому перуанцу, когда его страна опустошается захватчиками.

Прошло около пятидесяти лет со времени первой высадки португальцев, прежде чем была создана регулярная администрация и назначен губернатор королем Португалии. Затем иезуиты обосновались в Бразилии и начали свою работу по обращению дикарей в христианство. Несколько племен вступили в союз с колонистами, и губернатор запретил этим индейцам есть человеческое мясо. Победить эту склонность было великой целью иезуитов; но, обнаружив, что они не могут исправить тех, кто состарился в этом пороке, они взялись за обучение детей.

Эти бразильские дикари проявляли одну мягкую склонность, которая, по-видимому, едва ли совместима с их жестокими и мстительными характерами, — они страстно любили музыку, так любили, что один иезуит думал, что ему удастся обратить их в христианство с помощью песен. Он учил детей петь; и когда он отправлялся на свои проповеднические экскурсии, он обычно брал с собой несколько этих маленьких певчих, и при приближении к населенному месту один ребенок нес перед ними распятие, а остальные следовали за ним, распевая литанию. Дикари, как змеи, были покорены голосом заклинателя и радостно приняли иезуита. Он поставил катехизис, символ веры и обычные молитвы на *соль фа*; и удовольствие от обучения пению было таким искушением, что дети часто убегали от родителей, чтобы отдать себя под опеку иезуитов.

Эти священники с преданным рвением трудились над обращением туземцев. Их усилия возымели большой эффект; постепенно произошли изменения, и склонности к каннибализму среди тех племен, которые все еще остаются независимыми, больше не поощряются.

Многие миссии, как их называют, то есть деревни, где проживает священник и обучает индейцев сельскому хозяйству и наиболее важным искусствам цивилизованной жизни, а также их католическим обязанностям, были основаны иезуитами и продолжаются до сих пор. Одно очень прискорбное обстоятельство во многом привело к отчуждению независимых племен от их белых соседей. Считалось, что лучше всего сделать дикарей рабами, чтобы цивилизовать их. Таким образом, Уолш описывает указ и его действие.

“Индейцы были обитателями лесов еще в 1798 году, и их обычно находили на берегах рек и ручьев, пересекавших страну. Пожилой джентльмен, который был секретарем предприятия, сообщил мне, что комиссарам и рабочим необходимо постоянно ходить вооруженными, чтобы быть защищенными от их враждебности. Пуви лежали на реке Парахиба, а другие - на впадающих в нее ручьях.

Однако из-за ошибочной гуманности в последствии бразильцам было дано разрешение обращать своих соседей в христианство; и для этой похвальной цели им было позволено удерживать их в состоянии рабства в течение десяти лет, а затем отпускать на свободу, когда они будут обучены искусствам цивилизованной жизни и более важным знаниям христианства. Это разрешение, как и следовало ожидать, произвело прямо противоположный эффект.

Соответствующий указ был издан доном Джоном еще в 1808 году, и это была одна из мер, которую он считал наилучшей для возвращения аборигенов, которые незадолго до этого совершили несколько опустошительных действий. Он распорядился, чтобы покоренные индейцы были распределены между земледельцами, которые должны содержать, одевать, цивилизовать и наставлять их в принципах нашей святой религии, но им должно быть разрешено пользоваться услугами тех же индейцев в течение определенного количества лет в качестве компенсации за расходы на их обучение и управление.

Это злополучное разрешение сразу же положило конец всяким сношениям между туземцами и бразильцами. Повсюду на индейцев охотились ради их спасения; между племенами разжигались войны с похвальной целью обращения друг друга в христианство в качестве пленников; и самые священные предметы были проданы в угоду низменной алчности человека даже за это гуманное и ограниченное разрешение обращать своих собратьев в рабство.

В отдаленных провинциях, особенно на берегах Мараньяо, это все еще практикуется, и белые люди отправляются в леса искать счастья, то есть охотиться на индейцев и возвращаться с рабами. Следствием этого было то, что все, кто мог спастись, удалились в самые отдаленные леса; и сейчас во всем лесистом регионе нельзя найти ни одного человека в естественном состоянии.

“Часто случалось, когда мы проходили мимо, что темные клубы чего-то, похожего на дым, поднимались из-за отдаленных деревьев на склонах гор, и нам они казались явными признаками индейских вигвамов; но мы обнаружили, что это были не более чем туманные испарения, которые поднимались тонкими очерченными столбами, в точности напоминающими дым, выходящий из отверстия печной трубы.

Однако мы встретили в лесу одного человека с лицом цвета меди, высокими скулами, маленькими темными глазками, обращенными друг к другу, отсутствующим, глупым выражением лица и длинными, жидкими, черными волосами, падающими на плечи. На нем было что-то похожее на португальскую одежду, и он принадлежал к одному из *альдеас*, образовавшихся в этом регионе; но он, вероятно, когда-то бродил по этим лесам в естественном состоянии, где сейчас мирно шел по европейской дороге.

“Проезжая через Валенсу, мы миновали один из этих *альдеас* индейцев долины Парахиба, обращенных в христианство и обученных искусствам цивилизованной жизни. Другой, называемый *Альдеа-да-Педра*, расположен на реке, ближе к ее устью, где люди все еще сохраняют свои беспорядочные привычки, хотя, по-видимому, соответствуют нашим обычаям.

“Они живут в хижинах, крытых пальмовыми листьями; и когда не заняты охотой и рыбной ловлей, которые являются их главным и любимым занятием, они собирают *ипекакуану* и срубленную древесину. Они послушны и миролюбивы, не имеют склонностей к жестокости, но расположены быть гостеприимными к незнакомцам. Их семейные привязанности не очень сильны ни к женам, ни к детям, поскольку они с готовностью отдают и то, и другое путешественнику за небольшую компенсацию”.

Одним из самых свирепых племен Бразилии было *ботокудос*, считавшееся остатками могущественной и самой жестокой расы, которую первые поселенцы называли *айморам*. Это племя обезображивало себя тем, что проделывало большую дыру в нижней губе и носило в ней кусок белого дерева или какое-нибудь украшение. Они также проделали большие отверстия в ушах и воткнули в отверстие перья для украшений. Раньше они ходили совершенно голыми и, коричневые, как лесные звери, были страшными объектами для созерцания.

“Бразильское правительство, ” говорит мистер Уолш, - заслуживает похвалы за то, как оно обошлось с этими индейцами. Они жили на реке Рио-Досе и опустошали все поселения, которые пытались построить в этом прекрасном и плодородном регионе. В 1809 году группа европейцев была отправлена вверх по реке, и они обнаружили сто пятьдесят ферм в руинах, владельцы которых либо погибли, либо бежали. Соответственно, были отправлены отряды во всех направлениях, чтобы сдерживать набеги дикарей и наказывать их за агрессивные действия; и всячески поощрялось основание новых поселений и их цивилизованность.

“Каждая деревня, состоящая из двенадцати хижин индейцев и десяти белых, должна была считаться виллой со всеми ее преимуществами; и *сесмариос*, или земельные наделы, предоставлялись тем, кто хотел стать земледельцами, предоставляя все привилегии и преимущества оригинальных *доноториос*. Затем были открыты новые дороги, чтобы облегчить общение, и это произвело значительный эффект на этих несговорчивых туземцев. Пуви, соседнее племя численностью в тысячу человек, проживало в деревнях, называемых *альдеас*; и за несколько лет, прошедших с этого периода, искусство и промышленность цивилизованной жизни достигли у них большего прогресса, чем они делали до этого за многие столетия”.

ИНДЕЙЦЫ ФЛОРИДЫ.

Полуостров Флорида был открыт и назван испанским авантюристом по имени Понсе де Леон, который во время своего второго путешествия был смертельно ранен в конфликте с туземцами. Через несколько лет после этого небольшое судно из-за суровой погоды выбросило на берег, и у туземцев началась торговля серебром и золотом. Другие искатели приключений начали обращать свое внимание на эту предполагаемую богатую землю, и Лукас Васкес де Айльон снарядил два судна, чтобы курсировать между островами и похищать индейцев для работы в шахтах. Корабли были пригнаны к берегу, недалеко от мыса, который получил название Святой Елены. Когда туземцы страны, носившей название Чикорея, впервые увидели эти суда, они приняли их за огромных морских чудовищ; но когда они увидели, как из них выходят белые бородатые люди, облаченные в доспехи, они пришли в такой ужас, что убежали. Однако их опасения вскоре развеялись, и началась торговля, в ходе которой они получали безделушки в обмен на жемчуг, шкуры, золото и серебро.

Когда, наконец, испанцы были готовы к отплытию, индейцев пригласили на борт кораблей; и пока многие из них толпились на судах, с удивлением взирая на все, что они видели, искатели приключений вероломно закрыли люки за теми, кто был внизу, и отплыли на Сан-Доминго. Туземцы, попавшие таким образом в ловушку, оставались угрюмыми и унылыми и отказывались принимать пищу, так что большинство из них погибло во время путешествия.

Теперь Эйллон решил лично отправиться в экспедицию во Флориду и снарядил три больших судна, взяв с собой бывшего искателя приключений в качестве проводника. Последний, однако, не смог найти искомое место, и в конце концов они высадились близ Чикореи, где их так хорошо приняли, что вождь разрешил двумстам мужчинам посетить его главную деревню, расположенную в трех лигах от города. Туземцы пировали с ними в течение трех дней и, таким образом, застав их врасплох, ночью напали на них и всех перебили. После этого ранним утром они отправились в гавань, где застали врасплох Айллона и его стражу. Те немногие, кто выжил, быстро поднялись на борт судна и поспешили обратно в Сан-Доминго.

В 1628 году Панфило Нарваес достиг побережья Флориды с эскадрой из четырех барков и бригантины. Он высадил четыреста человек и пятьдесят лошадей и вступил во владение

страной от имени короля Испании, не встретив сопротивления местных жителей. Проникнув в глубь страны в поисках золота, он и его люди обнаружили, что главная деревня опустела; и они не только были разочарованы, обнаружив главный объект своих желаний, но и воинственные туземцы преследовали их во время перехода через болота, заросшие гнилыми деревьями, где им часто приходилось брести по грудь в воде. Индейцы казались гигантского роста; у них были огромные луки, и они выпускали свои стрелы с такой чудовищной силой, что пробивали стальные доспехи на расстоянии двухсот ярдов. После самого катастрофического перехода большая часть испанцев наконец достигла берега и погрузилась на корабль, но они были потеряны в море. Пятеро из отряда, отправившихся в другом направлении, пересекли Северную Флориду, Миссисипи, пустыню и горы за ней, и через несколько лет им удалось достичь испанских поселений в Мексике.

Но самое важное исследование Флориды, а также территории к северу и западу от нее, было предпринято в ранний период Эрнандо де Сото и его группой. Он покинул Кубу 12 мая 1539 года с эскадрой из восьми больших судов, каравеллы и двух бригантин; его вооружение, помимо корабельных экипажей, состояло не менее чем из тысячи человек и трехсот пятидесяти лошадей. На тринадцатый день он прибыл в бухту, которую назвал Эспириту-Санто. Туземцы, встревоженные видом такой силы вторжения, немедленно разожгли костры по всему побережью, чтобы созвать своих воинов. Высадившись в последний день месяца, войска не встретили ни одного индейца и всю ночь оставались на берегу в состоянии небрежной безопасности.

Однако на рассвете на них внезапно напала огромная армия индейцев. Несколько солдат были ранены, другие впали в панику и отступили к берегу. С кораблей была отправлена помощь, и индейцы, наконец, были обращены в бегство. Высадив остатки своих сил, Де Сото обнаружил, что деревни опустели, и узнал от нескольких захваченных им пленных, что враждебность, с которой он столкнулся, была вызвана бесчинствами, совершенными Нарваэсом в отношении деревенского касика по имени Хиврихиуга. Заручившись его дружбой и заключив с ним договор, вероломный испанец в порыве гнева приказал отрезать касику нос, а его мать растерзать собакам. Де Сото пытался, посылая подарки искалеченному вождю, завоевать его расположение; но он с негодованием ответил на послания: "Мне не нужны их речи и обещания; принесите мне их головы, и я с радостью приму их".

Хуан Ортис, последователь Нарваэса, захваченный Хиврихиуга, был нанят в качестве переводчика. Этот человек был одним из четырех, кому касик решил отомстить за то, как с ним обошлись. Остальных раздели догола, вывели на общественную площадь и выпустили на свободу, где они были расстреляны стрелами. Чтобы продлить их пытку, только одному индейцу разрешили стрелять одновременно, и таким образом все они были убиты, за исключением Хуана Ортиса. Этому юноше едва исполнилось восемнадцать лет, и его вид, когда его вели на казнь, так тронул сердца жены и дочерей касика, что по их заступничеству он был пощажен. Однако он был низведен до состояния рабства, вынужден нести бремя и быть объектом варварских забав. Когда-то его привязали к деревянной раме над слоем раскаленных углей, чтобы поджарить заживо. И снова сострадательные защитники пришли к нему на помощь, и по их мольбам он снова был пощажен.

После различных приключений дочь Хиврихиуга отправила его к соседнему касику, и он оставался там, пока Де Сото не послал за ним в качестве переводчика. Касик, под защитой

которого он находился, по имени Мукозо, также прибыл в испанский лагерь со своими воинами, и в ответ на заверения Де Сото, что с ним будут обращаться по-доброму, он великодушно сказал: “То, что я сделал Ортису, - это немного; он пришел ко мне с похвалой и бросился на мою защиту. В нашем племени есть закон, запрещающий нам выдавать беглеца, просящего у нас убежища. Но его собственная добродетель и неустрашимая отвага давали ему право на все уважение, которое ему оказывали. Я чрезвычайно рад тому, что доставил удовольствие вашему народу, и, посвятив себя отныне служению им, надеюсь заслужить их уважение”.

Мать Мукозо, обеспокоенная за своего сына, тоже пришла и умоляла Де Сото освободить его. “Он молод, - сказала она, - только дайте ему свободу, а меня, бедную старую женщину, возьмите и делайте со мной, что вам заблагорассудится. Я понесу любое наказание за обоих”. Несмотря на то, что с ней обращались по-доброму, она все еще оставалась встревоженной и подозрительной. Она ничего не ела за столом губернатора, пока Ортис впервые не попробовал его; и когда ее спросили, как случилось, что она, которая так боялась смерти, предложила умереть за своего сына, она ответила: “Я люблю жизнь, как и другие, но я бы охотно потеряла ее, чтобы спасти сына, который мне намного дороже самой жизни”. Хотя ее сын заверил ее, что он полностью свободен, она вернулась домой в печали.

Проявив доброту к некоторым из своих пленников, которых он отпустил домой, нагруженный подарками, Де Сото попытался смягчить сурового касика Хиврихиуга. Его ответ был таким: “Память о моих обидах не позволяет мне послать добрый ответ, а на резкий ответ ваша вежливость не позволит мне ответить”. Узнав, что Хиврихиуга скрывается в лесу недалеко от лагеря, один из последователей Де Сото предпринял попытку схватить его. Он не успел уйти далеко, как встретил гонца от касика, который умолял его от имени своего господина не двигаться дальше, так как старый касик был в безопасности в своей крепости, и он не мог добраться до него, в то время как он подвергался большой опасности в болотах и лесах, которые лежали у него на пути. События соответствовали предупреждению, ибо, несмотря на неоднократные сообщения того же содержания, безрассудный кавалер упорствовал и в конце концов был вынужден вернуться домой, так и не достигнув своей цели.

Продвигаясь в глубь страны, испанцы обнаружили, что воинственные индейцы слоняются у них на пути и преследуют их на каждом шагу. Дикари атаковали своего врага с великой яростью и сражались храбро; но они не могли противостоять всадникам, настолько вооруженным со всех сторон, что стрелы не могли произвести на них никакого впечатления. При приближении Де Сото касики бежали в лес и приготовились к сопротивлению. Один из них, по имени Акуэра, будучи приглашенным на мирную беседу, ответил: “Другие представители вашей проклятой расы в прошлые годы отравляли наши мирные берега. Они научили меня тому, кто вы есть. Чем вы занимаетесь? Скитаться, как бродяги, из страны в страну; грабить бедных; предавать доверившихся; хладнокровно убивать беззащитных. Нет; с таким народом я не хочу ни мира, ни дружбы. Война, бесконечная, истребляющая война - это все, чего я прошу. Вы хвастаетесь своей доблестью, и, возможно, так оно и есть; но мои верные воины не менее храбры, и это вы тоже когда-нибудь узнаете; ибо я поклялся сохранять беспощадную враждебность, пока хоть один белый человек остается в моих пределах. Не открыто в битве, — хотя даже так мы не боимся встретиться с вами, — но хитростью, из засады и внезапно в полночь мы встретим вас”.

На требование повиновения императору Испании индеец ответил: “Я король в своей собственной стране и никогда не стану вассалом такого смертного, как я. Подл и малодушен тот, кто подчинится чужому игу, когда он может быть свободен. Что касается меня и моего народа, мы выбираем смерть, да, сотню смертей, прежде чем потерять нашу свободу и порабощение нашей страны”.

Де Сото разослал людей во все кварталы, чтобы осмотреть местность, но индейцы подстерегали в засаде и вырезали каждого испанца, который отходил от лагеря; и хотя Де Сото приказывал закапывать тела, индейцы всегда возвращались ночью, выкапывали их, разрезали на куски и развешивали на деревьях. Таким образом, погибло четырнадцать европейцев, и еще многие были ранены. Таким образом, туземцы выполнили свои угрозы. “Продолжайте, разбойники и предатели, - сказали они. - в Акуэре и Апалачи мы обойдемся с вами так, как вы того заслуживаете. Каждого пленного мы четвертуем и повесим на самых высоких деревьях вдоль дороги”.

Когда Де Сото продвинулся еще дальше, на него напали несколько подданных касика Окали. Приключения испанцев с Витачуко были замечательными, но мы не можем подробно описывать их здесь.^[4] В ожесточенных сражениях, которые вел Де Сото, индейские воины проявили большую храбрость, но в конце концов потерпели поражение и были почти истреблены. Такой же решительный дух сопротивления проявляли почти все племена индейцев Флориды.

После многих сражений и перестрелок испанцы подошли к деревне под названием Анхайя. Индейцы бежали, но было обнаружено, что в нем двести пятьдесят больших и удобных домов; кроме того, говорили, что в провинции есть много других, состоящих от пятидесяти до ста домов. Кроме того, по всей стране было разбросано множество жилищ. Де Сото, чтобы избавиться от изматывающих нападений индейцев в этом квартале, разработал план завладения касиком Капафи. Этот человек был таким толстым и неповоротливым, что не мог ни ходить, ни стоять. Когда он ходил по своему жилищу, ему приходилось передвигаться на четвереньках, а при переходе с места на место его носили в носилках на плечах его подданные. Узнав, что он находится посреди густого и обширного леса, примерно в восьми лигах отсюда, укрепленный самым сильным способом, известным этому народу, и с гарнизоном из его самых храбрых и отборных воинов, так что он чувствовал себя неприступным, Де Сото решил напасть на него.

Испанцы встретили сильное сопротивление у входа в ущелье, которое вело к открытому месту, где касик обосновался. Проход был таким узким, что в ряд могли пройти только двое. Однако частоколы были возведены один за другим, и наконец касики достигли убежища. Здесь разгорелся отчаянный конфликт. Почувствовав опасность, исходящую от их вождя, индейцы бросились на мечи и копья испанцев. Много доблестных подвигов было совершено с обеих сторон; но так как индейцы были без защитных доспехов, большинство из них в конце концов были повержены, и касики, зная, что дальнейшее сопротивление бесполезно, призвали оставшихся в живых сдаться. Поэтому они бросились перед испанским вождем и предложили свои жизни, но умоляли его пощадить жизнь их касика.

Де Сото заверил их в помиловании и в том, что отныне он будет считать их своими друзьями. Капафи, который не мог ходить, был поднят на руки своими слугами, чтобы поцеловать руки Де Сото, который относился к нему с учтивостью и добротой. Однако коварный вождь, вернувшись в деревню Анхайя, нашел способ сбежать. Это было осуществлено следующим образом.

Индейцы, несмотря на пленение своего вождя, не прекращали своих попыток досаждать испанцам. Де Сото упрекал касиков в неблагодарности и угрожал войной на уничтожение. Касик выразил свое горе и сказал, что, поскольку главные противники скрываются в густом лесу, в пяти или шести лье отсюда, он отправится туда под охраной нескольких испанцев и убедит их подчиниться.

Де Сото послал его в сопровождении конного и пешего отряда, которым было приказано внимательно следить за ним и не позволить ему сбежать. Добравшись до леса на закате, касик послал нескольких индейцев к воинам, которые там прятались, с приказом собраться перед ним на следующее утро. Испанцы, довольные тем, что приказы касика будут выполнены, улеглись отдыхать, расставив своих часовых и приставив охрану к вождю; но из-за усталости от долгого перехода все они заснули. Поняв это, касик воспользовался удобным случаем, прополз на четвереньках через лагерь и вскоре столкнулся с отрядом своих воинов, которые взвалили его на плечи и унесли. Испанцы, подавленные результатом своей экспедиции, вернулись, и во время похода индейцы насмехались над ними за провал их планов. Они притворились Де Сото, что потеряли своего пленника с помощью какого-то искусства некромантии, и он, хотя и знал правду, по-видимому, поддался этой истории, сказав, что индейцы были такими замечательными некромантами, что могли бы совершать еще более великие подвиги.

При попытке гарнизона, оставленного в Хиврихигуа, добраться до Де Сото в болоте завязалась ужасная битва, которая едва не оказалась смертельной для всего отряда. Ничто, кроме падения индейского вождя, возглавлявшего наступление, не спасло их от уничтожения. Битва происходила в воде, и индейцы с дикими криками выбегали из-за кустов, кустарниковых зарослей и стволов деревьев, осыпая своего врага градом стрел. Лошади, будучи ранены, пришли в ярость и сбросили пеших воинов, которые сидели верхом позади всадников. Таким образом, они оказались незащищенными от стрел врага, который заметил их падение и бросился вперед, чтобы расправиться с ними.

Перед нападавшими стоял совершенно обнаженный индеец, смелый и бесстрашный, с большим плюмажем из перьев на голове. Он попытался укрыться под большим деревом, которое находилось между ним и испанцами. Один из них, вооруженный арбалетом, так метко пустил стрелу, что она пронзила ему грудь насквозь. Пошатываясь, он сделал несколько шагов вперед, крича своим последователям: “Эти предатели убили меня!” Тогда его товарищи бросились ему на помощь, подхватили его на руки и, передавая от одного к другому, унесли.

В другой части болота битва была не менее кровопролитной, и испанцы теряли позиции, когда в самый критический момент до индейцев дошло известие, что их вождь смертельно ранен; это охладило их пыл, и они начали отступать. Испанцы остановились на ночь, и говорят, что едва ли среди них был хоть один человек, не получивший ранения.

Возобновив свой марш, противник оспаривал каждую пядь земли, пока авантюристы не вышли на открытую равнину, где кавалерия могла действовать эффективно. Затем индейцы ушли, но с наступлением ночи они носились вокруг лагеря с ужасными криками и завыванием, насмехаясь над своими врагами и выпуская в них тучи стрел, таким образом вынуждая их находиться в постоянном движении. Часто испанцам приходилось убирать заграждения и частоколы, преграждавшие им путь, и прорубать себе путь через густые заросли, в то время как индейцы из своей засады кричали: “Куда вы идете, разбойники? Мы уже убили вашего вождя и всех его воинов!”

Испанцы, прошедшие зиму 1539 года в Апалачи, где им постоянно досаждали смелые и воинственные дикари, возобновили свой поход с приходом весны. Продвигаясь вперед, они подошли к заброшенной деревне Ачезе, где взяли в плен двух воинов, которые, будучи доставлены к Де Сото, смело и бесстрашно спросили: “Чего вы ищете на нашей земле, мира или войны?” Де Сото ответил: “Мы не стремимся к войне ни с кем; но наше желание - развивать мир и дружбу. Мы ищем отдаленную провинцию, и все, чего мы просим, - это еды на дорогу”. Воины пообещали снабдить их всем необходимым продовольствием, и когда к касику Кофы было отправлено посольство, он вернул депутацию из двух тысяч индейцев с подарком в виде кроликов, куропаток и маиса, а также большого количества собак. Касик также оказал испанцам щедрый прием и выделил для Де Сото свое собственное жилище, предоставив, кроме того, помещения для армии. Говорят, что провинция была очень обширной, плодородной и густонаселенной. Местные жители были мирными, домашними и приветливыми, относились к незнакомцам с большой добротой.

Де Сото, захвативший с собой артиллерийское орудие, продемонстрировал его мощь, свалив десятью выстрелами большой дуб. Касик и его люди проявили великое изумление и радость; и когда испанцы ушли, вождь послал гонцов к своему брату Кофаки, касику соседней провинции, еще более богатой и могущественной, чем его собственная, умоляя его принять чужеземцев по-доброму. Он также вместе со своими воинами сопровождал армию в однодневном походе и, попрощавшись с ними, приказал некоторым из своих людей идти дальше и делать все, что в их силах, чтобы служить им.

Касик Кофаки, получив послание своего брата, послал четырех вождей с отрядом индейцев приветствовать Де Сото и его отряд. Когда они приблизились, он вышел, богато разукрашенный, чтобы встретить их; взяв с собой отряд воинов, которые несли в руках луки и стрелы, на головах у них были высокие плюмажи, а на плечах - богатые плащи из кожи мартина, изысканно выделанные. Четыре тысячи воинов были назначены для сопровождения незнакомцев, с таким же количеством слуг для переноски припасов и одежды. Эти индейцы добывали пищу животного происхождения, но основными продуктами их питания были кукуруза, сушеные сливы, виноград, грецкие орехи и желуди.

Незадолго до отъезда испанцев касик позвал к себе своего главного воина на городской площади и там в присутствии Де Сото и его офицеров сказал: “Вы хорошо знаете, что между нашими отцами и индейцами Кофаки существовала вечная вражда. Эта горькая ненависть, как вы знаете, несколько не утихла; глубокие обиды, печально известные обиды, которые мы понесли от этого мерзкого племени, все еще терзают наши сердца, не отомщенные! Нынешняя возможность не должна быть упущена! Ты, предводитель моих воинов, должен сопровождать этого вождя и его храбрецов и под их защитой отомстить нашим врагам! Мне больше ничего не нужно вам говорить; я оставляю наше дело и нашу честь в ваших руках”.

Индейского вождя, которому было адресовано это послание, звали Патофа; у него была изящная фигура и поразительные черты лица с благородным выражением; и все его поведение показывало, что он достоин оказанного ему доверия. Поднявшись, он сбросил с себя мантию из кожи, схватил палаш из пальмового дерева и проделал с ним упражнение, которое вызвало восхищение даже испанских кавалеров. После многих странных маневров он остановился перед касиком и с глубоким почтением сказал: “Я даю свое слово выполнять ваши приказы, насколько это в моих силах; и, благодаря благосклонности этих чужеземцев, я обещаю

отомстить за оскорбления, смерти и потери, которые наши отцы понесли от народа Кофачики. Моя месть будет такой, что память о ваших прошлых злодеяниях будет навсегда стерта. Моя смелость снова появиться в вашем присутствии будет знаком того, что ваши приказы были выполнены. Ибо, если судьба отвергнет мои надежды, никогда больше ты не увидишь меня, никогда больше солнце не засияет надо мной. Если враг лишит меня смерти, моя собственная рука найдет ее. Я навлеку на себя наказание, которого заслужат моя трусость или злой рок”.

Касик встал, обнял его и, сняв со своих плеч красивую накидку из шкур мартина, накинул ее на плечи Патофы и сказал: “Я считаю, что то, что ты обещал, так же верно, как если бы это уже было сделано; поэтому я вознаграждаю тебя за уже оказанные услуги”.

Марш начался, и вскоре после этого один индеец дезертировал. Патофа послал несколько человек в погоню за ним, и его привели обратно в оковах. Вождь приказал отвести его к берегу небольшого ручья, где его раздели, бросили на землю и велели выпить ручей досуха. Преступник пил до тех пор, пока не смог больше проглотить; но в тот момент, когда он поднял голову из воды, пятеро индейцев, стоявших поблизости, избивали его своими дубинками, пока он не начал снова. Несколько его товарищей поспешили к Де Сото и попросили его вмешаться; и он был соответственно освобожден, хотя и полумертвый от воды, которую проглотил.

Продвигаясь по большой дороге, армия, наконец, достигла густого леса, и, поскольку индейцы утверждали, что не знают дороги так же плохо, как испанцы, Де Сото заподозрил предательство и обратился к Патофе с просьбой объяснить, как получилось, что из его восьми тысяч человек ни один не знал дороги в Кофачики, с народом которого они так часто воевали? Патофа заявил о своем незнании этого места, сказав, что войны, о которых идет речь, велись исключительно путем стычек; и поскольку уроженцы Кофачики были самыми могущественными и чаще всего побеждали, его народ боялся выходить за пределы своих границ. “Но, ” сказал он, - неужели вы подозреваете, что я повел вашу армию в эти пустыни на погибель? Если так, берите заложников, каких пожелаете. Если моей головы будет достаточно, возьми ее; если нет, ты можешь обезглавить каждого члена моего отряда, поскольку они будут повиноваться мне даже до самой смерти”.

Наконец они увидели местность, усеянную многочисленными деревнями. Здесь Патофа и его люди ночью выкрались из лагеря, напали на храм и перебили всех находившихся в нем индейцев, забрав их скальпы в качестве трофеев, чтобы отнести своему касику Кофаки. Опустошив страну на многие лиги вокруг, убив и сняв скальпы с каждого мужчины, женщины и ребенка, разграбив деревни и храмы и даже взломав гробницы, Патофа и его последователи вернулись домой, нагруженные добычей и довольные тем, что выполнили обещание, данное касику.

Де Сото теперь достиг владений доброй принцессы Кофачики, которые, несомненно, составляли часть нынешнего штата Джорджия;^[5] но поскольку индейцы здесь и даже дальше принадлежали к флоридским племенам, а сама страна составляла часть территории, первоначально называвшейся Флорида, будет уместно дать о них некоторый отчет в следующих главах. эта связь. Поэтому мы продолжаем повествование о походе Де Сото по этому региону.

Следующее место, упомянутое в истории искателей приключений, - провинция Ахалак, по словам рассказчика, самая убогая во всей Флориде. Жители были слабой, мирной расой, почти голыми, питавшимися в основном травами, кореньями и дикой птицей. За этим располагалась

провинция под названием Суала. Перейдя цепь невысоких гор, которые были необитаемы, испанцы затем достигли провинции Гуашуле. Когда они были в лиге от главного города, их встретил касик с 500 воинами, богато одетыми в плащи из различных видов шкур и украшенные яркими перьями. Его деревня состояла примерно из 300 домов. Его собственное жилище, в котором он принимал Де Сото, стояло на холме и было окружено террасой, достаточно широкой, чтобы по ней могли пройти шесть человек в ряд.

Еще дальше, пройдя по пустынной местности, они прибыли в деревню под названием Итиаха, стоявшую на оконечности острова длиной более пяти лиг, касики которого оказали им вежливый и дружелюбный прием. Пройдя еще один день, они пришли в деревню под названием Акосте, касиком которой был свирепый воин. Он встал в боевой порядок во главе 1500 своих людей, украшенных боевыми перьями и вооруженных оружием. После некоторых трудностей было установлено хорошее взаимопонимание, и испанцы были приняты с гостеприимством. Продолжая свой поход, они встретились с многочисленными племенами и пережили множество приключений. От вождя великанов, Таскалузы, [6] они встретили самое ожесточенное сопротивление; и чикасо, которые были храбрым и многочисленным народом, атаковали их с отчаянной решимостью. По мере того как они продвигались вперед, навстречу им выскакивали новые враги, которые либо давали им открытый бой, либо цеплялись за их юбки и изводили их постоянными нападениями. Однажды они увидели крепость, в которой находился гарнизон индейцев, чьи тела были раскрашены в белые, черные и красные полосы, а лица почернели, с красными кругами вокруг глаз. У некоторых из них были перья, а на головах - рога, так что они больше походили на дьяволов, чем на людей. Разожгли костер перед своим фортком, они притворились, что бьют одного из своих товарищей дубинкой по голове, а затем раскачивали его за ноги и плечи, как будто бросали в пламя; таким образом, намекая испанцам на то, какого обращения они могли бы ожидать, если бы кто-нибудь из них попал к ним в руки. Однако после отчаянного боя крепость была взята штурмом и захвачена, и последовала ужасающая сцена крови и резни, в ходе которой было убито множество индейцев.

Нет необходимости вдаваться в дальнейшие подробности, касающиеся приключений Де Сото и его спутников. Нам нужно только сказать, что, продвигаясь на запад до тех пор, пока он не пересек Миссисипи, этот отважный вождь заболел лихорадкой, от которой умер после семидневной болезни. Группе его последователей, пережив большие превратности, удалось спуститься по Миссисипи среди полчищ врагов, и, хотя их численность значительно уменьшилась, они, наконец, достигли Мексиканского залива в 1543 году. Так закончилась эта знаменитая экспедиция, длившаяся четыре года и в ходе которой войска, как говорят, прошли от четырех до пяти тысяч миль.

Последующая история коренных индейских племен Флориды не представляет собой ничего интересного. Под гнетом испанского владычества многие из них были уничтожены, а другие изгнаны, так что осталось совсем немного. Большинство из них, по-видимому, были завоеваны, объединены с более поздними семинолами и смешались с беглыми неграми. О недавней печальной истории этих племен мы расскажем позже. Большая часть была вывезена правительством Соединенных Штатов за Миссисипи, и только остатки остались занимать то, что сейчас является Территорией Флориды.

ИНДЕЙЦЫ ВИРГИНИИ.

Когда европейцы начали свои поселения на территории нынешних Соединенных Штатов, вся страна была занята огромным количеством отдельных и независимых племен. При исследовании их языков было обнаружено, что они состояли из нескольких больших семейств, или наций, которые ученые писатели распределили таким образом.

The *Алгонкины*, или *чиппева*, были распространены по всему континенту к востоку от Миссисипи и к северу от мыса Хаттерас, за исключением регионов, населенных *эскимосами*, далеко на севере, и территории, на которую претендовали *гуроны*, или *вайандоты*. Эта последняя семья, в которую входили *ирокезы*, или *шесть наций*, распространилась на пространстве, которое сейчас занимают Нью-Йорк, часть Огайо и вся Верхняя Канада. К *мобилян*, или народам *Флориды*, относились племена к югу от мыса Фир и к западу от Миссисипи, за исключением *натчезов*, населявших местность вокруг современного города с таким названием, и *учи*, которые владели территорией, прилегающей к нынешнему городу Огаста в Джорджии. *Чероки*, *тускарорас* и *катоба*, три значительных народа, занимали территорию Каролинских островов, Вирджинии и Теннесси. *Суу*, или *дакоты*, жили вдоль западных границ Миссисипи.

Эти семьи, или нации, как мы уже говорили, были разделены на множество отдельных племен, каждое из которых говорило, по большей части, на своем особом диалекте и вело войну против любого другого племени. В некоторых случаях несколько племен объединялись либо в целях обороны, либо в целях агрессии. Их общее число оценивалось по-разному, но, вероятно, оно не превышало 500 000 человек на момент поселения в Джеймстауне в 1607 году.

Когда наши предки прибыли на эти берега, они обнаружили, что индейцы разбросаны по всей стране, хотя иногда собирались большими группами в более плодородных долинах и по берегам рек, озер и заливов. Они находились в самом грубом состоянии общества, без науки, без искусств, без каких-либо металлических инструментов, без домашних животных. Они вырастили немного кукурузы, которую женщины выращивали с помощью раковины моллюска или лопатки буйвола. Поглощая все это с дикой расточительностью, они добывали скудный запас на оставшуюся часть года, собирая орехи и корни или занимаясь охотой и рыбной ловлей. Наполовину одетые в шкуры или полностью обнаженные, они кочевали с места на место, проводя свою жизнь попеременно то в глупом безделье, то в самых жестоких приключениях войны и погони. Невежественные в прошлом и непредусмотрительные в будущем, большинство этих племен погрязли в самой глубокой человеческой деградации.

Таковыми были обитатели этой земли, когда сюда пришли европейские поселенцы, чтобы обосноваться здесь. По всему континенту индейцы, по-видимому, сначала были расположены оказывать гостеприимный прием чужеземцам, посещавшим их берега; но вскоре их научили бояться, а затем и ненавидеть народ, который расстреливал их, обращал в рабство и отнимал у них имущество и земли без пощады или угрызений совести. Когда вдоль нашего атлантического побережья появились поселения, прошло более столетия с момента открытия континента Колумбом, и прошло достаточно времени, чтобы многие племена испытали на себе и все узнали о деспотичном и грозном характере этих европейских захватчиков.

Хотя численность индейцев в этом квартале была невелика, все же их военное искусство и глубоко укоренившаяся зависть и ненависть к белой расе, выросшей вместе с ними, сделали их

страшным врагом для слабых колоний, отделенных широким океаном от защиты и помощи их родной земли. Поэтому сражения наших предков с индейцами были полны для них глубочайшего интереса и изобилуют происшествиями, которые не могут не привлечь внимания каждого читателя.

Согласно рассказу капитана Смита, когда европейцы впервые обосновались в Джеймстауне, страну от морского побережья до гор населяли сорок три различных племени. Тридцать из них распространились по территории к югу от Потомака на площади около 8000 квадратных миль. Говорят, что в радиусе шестидесяти миль от Джеймстауна насчитывалось 5000 таких аборигенов. Среди них было несколько конфедераций, главными из которых были поухатанская конфедерация, конфедерация маннахоаков и конфедерация монакцев. Эти последние двое были объединены в великий союз против Поухатанской лиги. Между этими соперничающими державами велись длительные и кровопролитные войны. Конфедерация маннахоак включала тринадцать племен, восемь из которых подчинялись маннахоакам, а пять - монаканам. Помимо них, существовали также независимые племена ноттовеев, мехерриков, тутло и различные другие.

Эти племена, особенно конфедерация поухатан, не были расположены позволять англичанам беспрепятственно селиться среди них. Хотя временами они сохраняли видимость спокойствия, чувство враждебности терзало их сердца, и колонисты были вынуждены всегда быть настороже. Мы также не можем винить индейцев за то, что они относились враждебно к поселенцам. До сих пор они оставались единоличными хозяевами огромной территории, по которой они бродили, и их не беспокоили, если не считать войн, которые они вели друг с другом. Чтобы нарушить это господство и присвоить их земли, белый человек пришел и утвердился, предполагая превосходство не только в интеллекте и силе, но и в праве. Средства связи с отдаленными племенами, очевидно, были шире, чем иногда представлялось, и, несомненно, история Кортеса, Де Сото и других захватчиков достигла ушей этих дикарей. Поэтому мы не удивимся, обнаружив, что Поухатан, вождь племени с таким названием, вскоре начал проявлять враждебность к своим новым соседям в Джеймстауне после их поселения в 1607 году. Однако врагом, которому ему пришлось противостоять, был неустрашимый и рыцарский капитан Смит, чья предыдущая история кажется почти романтической, за которой уместно последовали странные инциденты, связанные с его пребыванием в колонии.^[7]

Индейцы в ходе многочисленных нападений и стычек научились относиться к Смиту как к врагу, которого ни в коем случае нельзя презирать; и когда во время одной из своих экспедиций он попал в плен, их радости не было предела. После того, как капитана Смита провели от одного вождя к другому, он, наконец, был представлен самому Поухатану. Опечанканау, который был его преемником, похоже, питал сильную неприязнь к Смиту, и если бы Поухатан был расположен пощадить его, ему противостояли бы его главные воины. Наконец, когда его увидели все индейцы и были проведены эксперименты по испытанию его храбрости, на совете вождей было решено, что ему следует выбить мозги дубинкой.

Назначенный день настал. Поухатан и его воины присутствовали, ликуя при виде происходящего. Пленника вывели наружу; два больших камня были установлены в подходящем месте, и он был положен на них. В этот момент сострадательная Покахонтас, любимая дочь Поухатана, бросилась вперед и, обхватив Смита руками, закрыла его голову своей персоной и заявила, что он не должен быть убит, если только она тоже не падет от такого же удара. Столь

странное событие, по-видимому, произвело глубокое впечатление на отца. Его дочь упорствовала в своей решимости умереть вместе с пленником, вождь сдался, Смит был спасен и отправлен домой в Джеймстаун. Это поразительное событие произошло в 1607 году.

Тем не менее, Поухатан в течение значительного времени оставался врагом белых и в разное время замыслил зло против колонии; но его планы были расстроены бдительностью Смита, подкрепленной предостережениями Покахонтас, которая во многих случаях оказывалась его другом. Впоследствии героическая девушка сама попала в плен и во время своего пребывания в Джеймстауне была замужем за мистером Рольфом, джентльменом весьма респектабельным. Затем Поухатана убедили отказаться от своей враждебности и стать другом белых. Его дочь и ее муж отправились в Англию, где ее допустили к королеве, но она умерла, когда собиралась возвращаться.

Говорили, что Опечанкану, преемник Поухатана, был родом с юга, и некоторые предположили, что он был мексиканского происхождения, поскольку его внешность, по описанию, отличалась от внешности других индейцев конфедерации Поухатан. Он был человеком с незаурядными способностями и горел желанием избавить свою страну от тех, кого считал захватчиками ее земли. В 1622 году он разработал план всеобщей резни, надеясь даже осуществить полное истребление колонии. Заговор был глубоко продуман и спланирован с большим мастерством. За всеми членами конфедерации были закреплены их отдельные части. В то время, когда был составлен заговор, многие индейцы смешались с белыми с целью выяснить пути, по которым можно добраться до города, и способы нанести удар с наибольшим эффектом.

В назначенный день, 22 марта, около полудня, когда люди были на работе и по большей части безоружны, индейцы бросились на них и сразу же убили триста сорок семь мужчин, женщин и детей. План был настолько хорошо разработан, что, если бы его не предали, вся колония, включая Джеймстаун, должна была быть отрезана одним ударом. Индеец-христианин, которого брат подговорил убить мистера Пейса, с которым он тогда жил, сообщил ему о заговоре, и, хотя не вовремя, чтобы спасти сотни людей от гибели от рук свирепого врага, все же в Джеймстаун была послана разведданная, и люди во многих случаях были своевременно настороже. Индейцы, обнаружив, что их предали, не пытались атаковать город, но разграбили и сожгли незащищенные дома, мельницы и металлургические заводы, а также все остальное, что попадалось им на пути.

Следующей осенью виргинцы, в свою очередь, напали на индейцев, сожгли несколько их городов и забрали много тысяч бушелей кукурузы, которую, как они обнаружили, припасли на зиму. Следствием этого было то, что индейцы были сильно подавлены и сильно страдали от нехватки пищи и предметов первой необходимости. В июле следующего года война продолжалась с еще большей энергией; четыре или пять отдельных отрядов были назначены для нападения на индейцев в разных пунктах, и многие были убиты, среди которых были некоторые из их королей и военачальников. Эти бедствия одновременно привели их в уныние и ослабили. Тем не менее, они продолжали использовать каждое открывшееся преимущество, и в 1630 году Опечанкану, заметив, что колония находится в состоянии разобщенности и анархии, разработал план очередного сюрприза и резни.

Опыт, который они приобрели такой дорогой ценой, должен был сделать колонистов бдительными и постоянно держать их на чеку. Но, похоже, в этот период они снова впали в состояние фатальной уверенности или безразличия. Индейцы напали на поселенцев, главным образом на южном берегу реки Джеймс и в верховьях реки Йорк, и они так тщательно скрывали свой замысел, так хорошо все было спланировано и так решительно приведено в исполнение, что одним ударом вырезали пятьсот колонистов. Это было ужасное событие для зарождающегося поселения, и, поначалу кажется, что выжившие почти полностью впали в уныние. Последовала долгая и кровопролитная война с различными результатами, пока, наконец, индейцы не потерпели поражение и, устав от борьбы, снова не был заключен мир, который продолжался нерушимо в течение многих лет. Смерть Опечанкану, главного духа дикарей и непримиримого врага колонии, несомненно, способствовала этому. Каждое состязание также учило индейцев силе европейской дисциплины, и они, наконец, поняли, что поле битвы - это могила их воинов и что даже успешная война всегда приводит к уменьшению их сил.

В истории колонии Вирджиния не было никаких особо ярких событий до 1675 года, когда индейцы снова начали грабить и убивать колонистов. Внутренние разногласия бушевали, и они, казалось, в своей ярости забыли, что вокруг них скрывается враг, который может воспользоваться их беззащитностью и слабостью. Хотя индейцы не осмеливались появляться, как они делали раньше, в самом сердце поселений, — поскольку их становилось все больше, а племена были оттеснены вглубь страны, — все же они нападали на тех, кто жил на границах, опустошали их поля, сжигали их дома и совершали другие опустошительные действия. Колонисты были не в том состоянии, чтобы отомстить за эти безобразия. Если бы индейцы действительно знали всю степень своей слабости, они, возможно, осмелели бы на еще более дерзкие вторжения; но, будучи успешно атакованы белыми после короткого конфликта, они были рады заключить мир. После установления господства англичан племена постепенно исчезли, и теперь было бы трудно найти остатки некогда могущественного народа, которым ранее была заселена восточная часть Виргинии.

Участок местности, первоначально называвшийся Вирджинией, охватывал больше, чем сейчас находится в пределах штата; и поскольку часть Северной Каролины была включена в его границы, возможно, будет уместно в этой связи обратить внимание на историю индейцев, населявших этот регион.

Северная Каролина была впервые открыта сэром Уолтером Роли в 1584 году. В приведенном им отчете, кажется, индейское название этого региона было Вингандакоа, а короля звали Вингина. Его главный город находился в шести днях пути от Вококона. Его брат, Ганганамео, жил в деревне на реке Роанок. На третий день после прибытия англичан появились несколько туземцев, и один из них поднялся на борт корабля. Англичане дали ему рубашку, немного вина и вдоволь еды. Он уплыл и, нагрузив свою лодку рыбой, вернулся и разделил ее на две части, то есть одну часть для одного корабля, а остальное - для другого. На следующий день Ганганамео пришел навестить их, с пятьюдесятью людьми, без всякого видимого страха расстелил свою циновку на мысу и, усевшись, сделал знак англичанам сесть рядом с ним. Затем он погладил себя по голове и груди, а также их самих более нежно, показывая таким образом, что отныне их головы и сердца должны быть едины. Он произнес длинную речь, и они подарили ему несколько игрушек, которые ему очень понравились. Затем они открыли торговлю, и он дал им двадцать оленьих шкур за оловянный таз - образец отношений между англичанами и

туземцами. Вождь проделал в чаше отверстие и повесил ее себе на шею вместо нагрудника. Он также отдал еще пятьдесят шкурок за медный котел.

Через несколько дней после этого интервью Ганганамео снова пришел со своей женой и детьми. Они были невысокого роста, но довольно красивы. На его жене были пальто и короткий кожаный фартук, на лбу повязка из белого коралла, в ушах серьги из жемчуга величиной с горошину, свисавшие до талии. Сам он был одет точно так же, за исключением того, что его волосы были длинными с одной стороны и коротко подстриженными с другой. Англичане, в свою очередь, отправились навестить его; но, поскольку вождь отсутствовал, его жена выбежала им навстречу и, когда они приблизились к берегу, приказала своим людям перевезти их на спинах на сушу. Сезон был дождливый, и она вытащила их лодку на берег. Затем ее посетителей отвели в ее дом, где она вымыла их одежду и ноги. После того как они согрелись и обсохли у огня, она отвела их в другую комнату, где был приготовлен ужин, состоящий из различных блюд — вареной оленины, кореньев, дынь и других фруктов. Когда они вернулись к своим лодкам, она дала им циновки, чтобы защититься от дождя. Вполне могли бы эти путешественники сказать, как они это и сделали: “Более доброго и любящего народа и быть не может”.

Несмотря на это благоприятное мнение, представляется, что впоследствии индейцы Северной Каролины были более или менее вовлечены в различные предприятия туземцев против колонии Вирджиния, отчет о которых уже был дан, и, в некоторой степени, разделили судьбу своих соотечественников. В 1712 году часть из них, кориес, тускарорас и другие, сформировали лигу с целью изгнания колонистов, которые теперь вторглись на их территории. Их план был составлен с большой секретностью и хитростью. Чтобы обезопасить свои семьи, они окружили свой главный город бруствером. Здесь встретились воины разных племен в количестве тысячи двухсот лучников. План был составлен, и назначено время для резни. Когда наступила роковая ночь, небольшие группы отправились разными дорогами и под маской дружбы были допущены в дома колонистов. Поднимаясь по заранее условленному сигналу, они убивали мужчин, женщин и детей без различия. Чтобы предотвратить обнаружение или тревогу, они как можно быстрее перебежали от дома к дому, ускоряя кровавую работу.

Таким образом, в окрестностях Роанока они за одну ночь зарезали сто тридцать семь человек. Нескольким удалось спастись и поднять тревогу, благодаря чему поселения были спасены от вымирания. В Южной Каролине было немедленно собрано около тысячи военнослужащих, которые преследовали индейцев. Поравнявшись с ними, завязался жестокий бой, в котором триста индейцев были убиты, а сто взяты в плен. Предполагалось, что в конце концов около тысячи индейцев были убиты, ранены и взяты в плен. После этого события остатки тускарора бежали к Пяти нациям, с которыми они объединились. С этого периода северная конфедерация приняла титул Шести наций.

В Пенсильвании, Делавэре, Нью-Джерси и части Нью-Йорка ниже Нагорья также проживали многочисленные племена индейцев. Говорят, что в этих пределах проживало не менее тридцати королей, а общая численность индейцев, по подсчетам доктора Трамбулла, составляла около 10 000 человек, а воинов - 2000. Основными племенами были манхэттенцы и делавары, или, как их часто называют, ленни ленапе. Мирная политика Уильяма Пенна предотвратила любые войны с индейцами на ранних этапах заселения Пенсильвании, хотя этому результату, несомненно, способствовала другая причина. Пять народов покорили ленни ленапе, вынудили

их взять себя под их защиту, лишили их возможности вести войну и ограничили их выращиванием кукурузы, охотой и рыболовством. Выражаясь индийским языком, таким образом, они были низведены до положения женщин. Внутренняя часть Вирджинии также подверглась такому же влиянию.

Многие индейцы, о которых мы сейчас говорим, получили огромную пользу от миссионерских трудов Дэвида Брейнерда, который наставлял их в христианстве. Многие стали профессорами религии и были яркими примерами силы Евангелия даже над дикими сердцами. Моравы также, в еще более позднюю эпоху, были не менее успешны, и отчет об их проживании среди индейцев, переданный Хеквелдером и другими, заслуживает внимательного прочтения. История этих индейцев, однако, похожа на историю племен в других районах, когда они вступали в контакт с белыми. Они угасли в соревновании с расой мастеров, и от них не осталось и следа в их первоначальных владениях.

ЮЖНЫЕ ИНДЕЙЦЫ.

Южные индейцы Каролинских островов, Джорджии и Флориды состояли из множества различных племен. Из них наиболее выдающимися были катоба, чероки, чокто, чикасо и крикс. В 1671 году численность чероки в Южной Каролине оценивалась в 6000 лучников. Считается, что племена кори, стоно, весто, саванны, ямасси, катоба и конгари не могли быть менее многочисленными, и что только в этой колонии насчитывалось 35 или 36 000 индейцев, включая 12 000 воинов. Численность криков составляла около 25 000 человек. В Чикасо, Алабаме и Натчезе насчитывалось 10 476 бойцов, а все население - 31 128 душ. Натчезы когда-то были великой нацией и смогли за один раз собрать не менее 4000 воинов.

Эти индейцы, так же как и другие, с завистью смотрели на поселения белых и время от времени более или менее совершали нападения на колонистов, которым они сильно досаждали в их младенческом состоянии. Они также вели войну с Пятью нациями, и рассказывается о многих замечательных подвигах их доблести. Один из них заслуживает упоминания. Отряд сенек во время экскурсии далеко на юг, недалеко от территорий катоба, обнаружил молодого охотника в легком летнем платье. Они перехватили его, и он побежал к ложине, чтобы спрятаться. Он был быстр на ногу и так искусен в стрельбе из лука, что подстрелил семерых своих преследователей,

прежде чем они смогли схватить его. Затем они увезли его в свою страну, и там совет воинов приговорил его к смерти от пыток.

Когда его повели к столбу, где его должны были сжечь заживо, он внезапно собрался с силами, сбил с ног ближайших врагов, прыгнул в воды соседнего ручья, нырнул в него и поплыл, выныривая лишь через определенные промежутки времени, чтобы перевести дух, пока не достиг берега. Сенека последовали за ним по воде и стреляли из ружей, но они были на таком расстоянии, что не могли дотянуться до него. Он остановился на минуту или две, презрительно бросил им вызов, а затем скрылся в лесу. Преследуемый по пятам, он бежал до полуночи, а затем залег неподалеку в кустах, спрятавшись под какими-то бревнами.

Пятеро его врагов подошли поближе и, разведя костер, улеглись спать. Он внимательно наблюдал за ними, пока все они не погрузились в крепкий сон. Затем он бесшумно подполз к этому месту, схватил томагавк и внезапным нападением убил их и снял скальпы. Затем он переоделся в платье одного из них, взял их оружие, боеприпасы и провизию и продолжил свой путь. И все же он не удовлетворился своей мстью, а отправился прямо на то место, где убил семерых Сенека, выкопал тела из могил, снял с них скальпы, сжег дотла и с триумфом отправился домой. Позже подошел другой отряд сенеков, но, найдя пятерых воинов, которых он убил и снял скальпы, они прекратили преследование. Был созван военный совет, и было решено, что человек, способный творить такие вещи, должен быть волшебником, которого бесполезно преследовать или противостоять.

В 1715 году произошел всеобщий заговор и восстание южных индейцев, особенно в Южной Каролине. В лигу входили ямасси, могущественное племя, крики, чероки, аппалачи, катоба, конгари и все индейцы от Флориды до реки Кейп-Фир. Целью этого обширного заговора было полное уничтожение каролинцев. 15 апреля было назначено на день его приведения в исполнение. Весь заговор осуществлялся в такой тайне и под таким прикрытием дружбы, что у англичан не возникло ни малейшего подозрения в предательстве. Даже торговцы среди них провели предыдущую ночь с королем и его военачальниками в главном городе ямасси.

До утра царили мир и тишина. Затем они вырвались вперед, напали на торговцев и убили их всех одним залпом, за исключением одного мужчины и мальчика. Нация немедленно взялась за оружие и объявила о своих планах мести. Вожди воодушевили молодых воинов, которые воспрянули духом и хлынули, как поток, на ничего не подозревающих поселенцев. За несколько часов они убили сотню человек в городе Покаталиго и на соседних плантациях. Мужчина и мальчик, которые не погибли при первом пожаре, спаслись в Порт-Ройял, а жители, как правило, бежали на корабле в Чарльстон. Некоторые другие семьи, которые не смогли спастись, были убиты.

В то время как ямасси таким образом опустошали южные границы, конгари, катоба и чероки большими силами вторглись на север. Южное подразделение индейцев в этой войне насчитывало 6000 лучников, а северное - 600 или 1000. Рота, посланная против северной дивизии, была предана индейцем; капитан был убит, а его отряд разбит. В одном месте семьдесят белых и около сорока негров, храбро защищавших свой пост от северной дивизии, капитулировали, а после их капитуляции, как говорят, были вероломно убиты. Окрыленные

своим успехом, индейцы продолжали жечь, убивать и грабить. Однако вскоре они были встречены отрядом ополчения, поднятым по тревоге, и полностью разгромлены.

Губернатор Южной Каролины выступил вперед с армией, и в местечке под названием Солткалчес произошло кровопролитное сражение. Индейцы, издавая устрашающие боевые кличи, иногда отступали за кусты, а затем, когда англичане начинали воодушевляться надеждой на успех, они возвращались к битве с удвоенной яростью. Однако в конце концов они потерпели полное поражение и были отброшены за реку Саванна. Ямасси, отчаявшись в возможности изгнать или истребить белых и питая дух смелой независимости, бежали во Флориду, где впоследствии доставляли беспокойство поселениям в окрестностях.

В апреле 1730 года для переговоров с чероки был направлен уполномоченный. После этого было созвано общее собрание вождей, которые присягнули на верность королю Георгу. Был заключен договор, который индейцы сохраняли в неприкосновенности в течение тридцати лет. В 1760 году они снова объявили войну англичанам. Некоторые из них участвовали в экспедиции против форта дю Кен. В этом предприятии к ним относились холодно и пренебрежительно, и они чувствовали себя оскорбленными. Возвращаясь домой, поскольку многие воины потеряли своих лошадей, они ловили и присваивали тех, кого находили на свободе в лесу. Виргинцы, воодушевленные этими нападениями, напали на них, убили двенадцать или пятнадцать человек и взяли нескольких в плен.

Чероки сразу же пришли в ярость; они разошлись по домам и рассказали о своих обидах своему народу. Родственники тех, кто был убит, не дышали ничем, кроме мести. Французские эмиссары тайно раздули пламя и подлили масла в огонь их гневных страстей. Молодые воины врывались в приграничные поселения и совершали опустошения над беззащитными жителями. Они атаковали войска, дислоцированные в форте Лаудон, часть из которых была убита, а остальные заключены в пределах форта. Тем не менее, нация в целом была настроена против войны, особенно после того, как они услышали, что англичане усиленно готовятся напасть на них. Поэтому они послали тридцать два своих военачальника уладить трудности мирным путем. Губернатор Северной Каролины принял их надменно и осыпал упреками. Оуконностота, который считался великим воином в народе чероки, начал отвечать, но губернатор не стал его слушать. Такое обращение сильно разозлило индейцев, к прочим их обидам добавилось новое оскорбление. Вскоре после этого губернатор двинулся маршем в страну конгарей, расположенную в 140 милях от Чарльстона, взяв с собой сахемов-чероки, которые содержались в качестве пленников, а над ними была приставлена охрана. Добравшись до форта Джордж, они были заперты в хижине, едва способной вместить дюжину солдат, и им не разрешили повидаться со своими друзьями или даже насладиться дневным светом.

Здесь губернатор начал совещание с индейцами, которые были собраны специально для этой цели. Среди прочих он послал за Аттакуллакуллой, или Маленьким Плотником, который считался мудрейшим человеком в стране и больше всех был привязан к англичанам. По его просьбе Оуконностота и еще двое вождей были освобождены. Двое других, которые были переданы в качестве заложников, были закованы в кандалы, чероки были встревожены и бежали. Аттакуллакулла вернулся домой, чтобы дожидаться результата. Однако вскоре его вызвали обратно, и, наконец, губернатор и вожди племени чероки подписали договор. И все же воспоминание об обращении, которому они подверглись, глубоко запало в душу индейцев; и

Аттакуллакулла, из-за своей известной привязанности к англичанам, не имел на них большого влияния.

Оуконностота, сознавая свою неправоту, был неумолим и мстителен. Он собрал своих воинов, предпринял ожесточенную атаку на белых, убил четырнадцать человек близ форта Джордж и осадил гарнизон. Он также придумал хитрость, чтобы захватить форт врасплох. Он послал двух индианок, которым там всегда были рады, заманить гарнизон в ловушку; лейтенант вышел узнать новости, когда к ним присоединился Оуконностота, сказав, что желает видеть командира по важному делу. Соответственно, капитан, лейтенант и прапорщик вышли ему навстречу. Вождь сказал, что едет в Чарльстон, чтобы добиться освобождения заключенных, и пожелал, чтобы белый человек был для охраны.

Просьба показалась разумной, и капитан сказал ему, что она должна быть у него. Как только был получен ответ, Оуконностота подал условленный сигнал, и почти тридцать орудий разом открыли огонь по англичанам. Капитан был убит, а лейтенант и прапорщик ранены. Это предательство настолько возмутило гарнизон, что заложники в форте были немедленно казнены. Вечером индейцы приблизились к форту и, открыв огонь из ружей и выкрикнув на языке чероки: “Сражайтесь мужественно, и вам окажут помощь”, предприняли самую яростную атаку, которую продолжали всю ночь. Но они были так хорошо встречены огнем войск внутри форта, что были вынуждены отступить.

Разочаровавшись в этом проекте, они обратили свой гнев на индийских торговцев и устроили им резню. Война теперь стала всеобщей; большие отряды воинов напали на беззащитные границы и вырезали множество семей. Около 200 из них атаковали форт в Девяносто Шестом, но были вынуждены отступить с потерями. Тем временем планировалась экспедиция против индейцев; и были вручены подарки таким крикам, чикасо и катоба, которые участвовали в войне против чероки. Их города в нижнем поселении подверглись нападению и были разрушены, а многие туземцы убиты. После этого в форт Лаудон было отправлено послание с просьбой к командирам приложить все усилия для заключения мира с чероки из верхних городов. Но они не увенчались успехом, и поэтому было решено атаковать средние поселения.

На третий день, когда армия продвигалась вперед, чероки предприняли на них самое яростное нападение. Последовал долгий и упорный бой, но, в конце концов, индейцы уступили и обратились в бегство. Армия немедленно двинулась к Эчове, но индейцы забрали свое имущество и оставили город. Снова была предпринята атака, и англичане после ожесточенного боя, хотя и претендовали на победу, оказались вынуждены отступить. Вскоре после этого форт Лаудон сдался, и индейцы напали на гарнизон, когда тот возвращался домой. Все были убиты, кроме капитана Стюарта, которого Attaquallakulla выкупил и отправил домой ценой почти всего, что у него было. Поведение вождя в данном случае является ярким и красивым эпизодом в истории Индии.

Война с индейцами чероки все еще продолжалась, и французы стремились со всем своим искусством привлечь криков и чокто к борьбе с англичанами. Отряд шотландских горцев и провинциальный полк с несколькими чикасо и катоба, которых подарки побудили поступить на службу, — всего 2600 человек, — были теперь отправлены вперед к форту Принс-Джордж. Здесь их встретил Attaquallakulla и умолял командира не двигаться дальше, пока он не приложит все

усилия для заключения мира со своими соотечественниками. Но его мольбы были напрасны. Офицер продолжил движение, и войска были атакованы индейцами чероки, которые с большой яростью бросились вниз с возвышенности. Битва была долгой и сомнительной; индейцы, получив отпор в одном месте, атаковали в другом, и бой продолжался с девяти до одиннадцати часов, когда чероки, подавленные превосходством дисциплины, обратились в бегство, и их преследовали до двух часов. Эчова и четырнадцать других городов средних поселений были теперь полностью разрушены вместе с несколькими складами кукурузы и 1400 акрами кукурузных полей. Опустошив страну вдоль и поперек, англичане вернулись в форт Принс-Джордж.

Вскоре после этого Аттакуллакулла и несколько вождей отправились в лагерь и выразили искренние пожелания мира. Статьи были составлены и истолкованы, и Аттакуллакулла согласился принять все, кроме одной, которую он не имел права предоставить от своего народа. Это означало, что четверо чероки должны быть выданы и преданы смерти на глазах у армии. Поскольку они не могли согласиться с этим жестоким требованием, вожди были отправлены в Чарльстон для переговоров с губернатором. Он встретил их в Эшли-Ферри и поприветствовал. Был разожжен огонь, и трубка мира была зажжена и выкурена в тишине и великой торжественности. Затем Аттакуллакулла поднялся и произнес красноречивую и мужественную речь, сказав, “что он пришел как посланник мира; что его народ находится в большом бедствии; что, хотя англичане были их начальниками и жили при свете, в то время как они были во тьме, все же один Бог был Отцом обоих; что они жили в одной стране, и что он хотел бы, чтобы случившееся было забыто и чтобы они могли быть одним народом”.

После этого был установлен мир, и обе стороны выразили желание, чтобы он длился до тех пор, пока текут реки или светит солнце. Это было в конце 1761 года.

Натчезы были могущественным племенем индейцев, населявшим ту часть нашей страны, которая сейчас называется Луизиана. Они во многих отношениях отличались от остальных южных индейцев, и многие из их обычаев были своеобразными. В своем поклонении солнцу они имели сильное сходство с древними перуанцами и, возможно, имели с ними общих предков. Но они были гораздо более воинственными и причиняли большие неприятности французским поселениям в окрестностях. Однажды они разработали глубокий план по истреблению всех французов среди них. На его подготовку ушло значительное время, и оно было настолько полным в своих деталях, что ничто, кроме его обнаружения женщиной, которая была привязана к французам, вероятно, не могло помешать его исполнению.

Был назначен день, когда дикари должны были одновременно восстать и истребить белых. Те, кто планировал это предприятие, чтобы обеспечить единство действий, снабдили каждое племя несколькими розгами; каждый день из коллекции нужно было брать по одной розге, пока не останется только одна, и это должно было указывать на время резни. Женщина, о которой мы упоминали, чтобы сорвать план своего народа, забрала один из этих прутьев, и, поскольку индейцы никогда их не пересчитывали, часть натчезов начала резню на один день раньше, чем следовало. Французы, таким образом, были осведомлены о враждебном замысле и приняли меры, чтобы сорвать его. Тем не менее, многие из них пали жертвами ярости индейцев. В отместку белые напали на них, и, в конце концов, это могущественное племя было почти все уничтожено, а их жилища превращены в пепел. Эти события произошли в 1729 году.

Поселения французов на реках Язу и Вашита подверглись нападению, аналогичному только что описанному, и с таким же результатом. Натчезы, пережившие возмездие французов за их массовые убийства, бежали к Чикасо.

ИНДЕЙЦЫ НОВОЙ АНГЛИИ.

Участок местности, известный под названием Новая Англия, раньше был населен многочисленными группами индейцев, хотя ни одно из них не могло сравниться с более южными племенами. Однако они были воинственными, и ими руководили вожди с большими способностями. Доктор Трамбалл подсчитал, что когда-то индейцев Новой Англии насчитывалось 123 000 человек. Зимой 1617 года среди них вспыхнула чума или какая-то другая смертельная болезнь, которая почти обезлюдела страну.

Когда англичане впервые высадились в Плимуте, они увидели мало признаков присутствия жителей. Тем не менее, число индейцев в Массачусетсе, вероятно, составляло не менее 10 000 или 12 000 человек, а в Род-Айленде - не менее 8 000. У пекодов и мохеганов в Коннектикуте было около 1000 воинов; вместе с другими индейское население там равнялось примерно 12 000. В Нью-Гэмпшире их было, вероятно, около 4000. Общее количество воинов в Новой Англии можно оценить в 12 000 человек, когда наши предки прибыли в Плимут. Если бы все они были объединены во враждебности к чужакам, они, должно быть, действительно оказались бы грозными врагами для маленькой компании, высадившейся на побережье в унылом декабре месяце.

Пекоды были самыми воинственными из всех индейцев Новой Англии. Более двадцати королей были их данниками. Колониям повезло, что это племя не жило в непосредственной близости от Плимута. Их главная резиденция находилась в Коннектикуте.

Индейцы западной части этого региона так часто подвергались набегам могавков, что они не только ослабли, но и жили в постоянном страхе перед своим свирепым врагом. Этот ужасный враг имел обыкновение внезапно врываться в их страну, и, бросаясь на свои жертвы, они кричали им в уши: *“Хадри, хадри, сдавайся, сдавайся”*, - Мы пришли, мы пришли, чтобы высосать вашу кровь! Крик *“Ирокезы! Ирокезы!”* был самым ужасающим звуком, который мог обрушиться на уши этих людей.

Индейцы Массачусетса были сильно возмущены поведением капитана Ханта до прибытия пилигримов. Он заманил двадцать семь индейцев на борт своего корабля, увез их с собой и продал в рабство. После того, как они услышали о прибытии колонистов, они задумались об их истреблении и устроили повоу, или совет, на болоте, где в течение трех дней обсуждали, что им следует делать. По своему обыкновению, они проклинали белых людей, но, не сознавая своей слабости, не осмеливались напасть на них. Властная рука удержала их, и голос заговорил с ними, хотя они и не знали, откуда он исходит: *“Не прикасайся к моему народу и не причиняй вреда моим слугам!”*

Высадка в Плимуте состоялась 22 декабря 1620 года. 16 марта 1621 года Самосет — один из индейцев, который был похищен англичанами, но вернулся к своему народу и который приобрел некоторые знания нашего языка, — прибыл в Плимут и приветствовал колонистов приятными словами: “Добро пожаловать, англичане!” Мы можем себе представить, с какой радостью они слушали его рассказ, когда он описывал им добрый характер Массасойта, сахема, правившего в этих краях. В течение нескольких дней, подвергаясь холоду, голоду и болезням, они ждали наступления весны, несомненно, со многими тревожными опасениями относительно того, какое зло может угрожать им со стороны дикарей дикой местности; и теперь, когда они были уверены, что главный вождь настроен доброжелательно, они, должно быть, действительно радовались.

Вскоре Самосет был отправлен к сахему с мирным посланием, а сам Массасойт и его брат Квадеквина с шестьюдесятью вооруженными людьми прибыли с визитом к губернатору Карверу. После обмена заложниками Массасуа с двадцатью безоружными людьми подошел к ручью, где его встретила шеренга мушкетеров, отвели в дом и усадили на зеленый ковер с множеством подушек. Здесь два вождя поприветствовали друг друга, поцеловали руки и заключили союз дружбы, торговли и взаимной защиты. Этот договор принес мир во всю эту часть страны, и Массасойт всегда оставался верным другом колонистов.

Первое нападение индейцев Новой Англии на европейцев было совершено в Коннектикуте в 1636 году племенем пекод. Они испытывали зависть к чужакам, пришедшим на их древнюю землю, по которой они так долго странствовали как единственные хозяева. Поэтому, надеясь изгнать или истребить незваных гостей, они напали на форт в Сэйбруке, убили и взяли в плен жителей этого раннего поселения. Решившись на более масштабные и губительные меры против колонистов, пекоды стремились привлечь на свою сторону соседнее племя наррагансетов, с которым они до этого вели кровопролитную войну. Они объяснили им, что эти иностранцы были всего лишь незваными гостями, лишившими собственности исконных жителей, и что, если в результате общей комбинации они не будут изгнаны или уничтожены, они станут хозяевами всей страны. Они также посоветовали им подумать о том, что, если англичане уничтожат пекодов, они вскоре уничтожат и самих Наррагансетов.

Вследствие их нападений колонисты сочли необходимым принять энергичные меры для ведения войны даже во внутренних укреплениях противника. Капитан Мейсон с девяноста англичанами и семьюдесятью мохиганцами и речными индейцами, заручившимися поддержкой союзников, был соответственно отправлен из Хартфорда, чтобы разыскать врага и дать ему сражение. К ним присоединился капитан Андерхилл из Сэйбрука с девятнадцатью солдатами.

26 мая 1637 года Мейсон после утомительного марша застал Мистика врасплох недалеко от нынешнего города Стонингтон, одного из главных фортов индейцев. После залпа из своего огнестрельного оружия они вошли в это место с мечами в руках, их союзники-индейцы оставили их штурмовать в одиночку. Капитан Мейсон со своей ротой подошел с восточной стороны, а капитан Андерхилл со своими людьми - с западной. Когда они были примерно на расстоянии вытянутой руки от форта, собачий лай разбудил спящего часового, который закричал: “Оуаннукс! Оуаннукс! Англичане! Англичане! Индейцы, разбуженные этим криком, сплотились и храбро сражались, и победа на какое-то время зависела от них, пока капитан Мэйсон, заметив,

что вигвамы покрыты циновками или другими горючими материалами, не прибегнул к средству поджога.

Это решило судьбу Пекодов. За час было разрушено около семидесяти вигвамов, и большинство индейцев, численность которых оценивалась в четыреста или пятьсот человек, были сожжены заживо, застрелены или убиты мечом. Сассакус, пекодский сахем, и его воины были настолько охвачены паникой из-за потери своего форта и гибели своих людей, что сожгли оставшиеся вигвамы и королевскую крепость и бежали к реке Гудзон. Их преследовали до болота близ Фэрфилда, где произошла еще одна битва, в которой пекоды были полностью разгромлены. Могавки, вероломно нанятые, как предполагалось, наррагансетами, затем напали на остатки племени и изрубили их на куски. Было подсчитано, что в целом в этой войне пало не менее семисот индейцев. Несколько человек, которые все еще оставались на своих древних землях, в конце концов объединились с могиганцами под предводительством Ункаса. Этот вождь показал себя другом англичан, и некоторые из его потомков в течение нескольких лет оставались среди немногих могиганцев, которые все еще владеют землями в окрестностях Норвича, штат Коннектикут.

Это усилие пекодов под предводительством знаменитого Сассакуса было первой крупной попыткой индейцев уничтожить поселенцев Новой Англии. Возмездие, последовавшее за этой попыткой, было столь быстрым и ужасным, что униженные индейцы еще много лет после этого жили в мире. Такому положению вещей способствовали и другие обстоятельства. Сассакус, монарх страны, правивший более чем двадцатью индийскими королями, вел долгую и успешную войну с Миантонимохом, сахемом наррагансетов, и был объектом ужаса для этого народа. Поэтому Миантонимо и его нация хотели заключить союз с колонистами, чтобы защитить их от пекодов. Массасойт и его народ также стремились к такому же союзу в качестве защиты от своих непримиримых и опасных врагов, тарратинцев штата Мэн; и все индейцы Новой Англии особенно стремились обезопасить себя от нападений ужасных могавков. Таким образом, взаимная слабость и взаимные страхи привели ко всеобщему миру.

Колонисты рано предприняли попытки обучить индейцев христианской религии. Примерно в 1644 году мистер Мэйхью и мистер Элиот начали успешно трудиться по обращению индейцев на Мартас-Винъярде и в Натике. Поначалу сахемы и поувы, или священники, оказывали большое сопротивление, прилагая все усилия, чтобы сбить с толку и обескуражить преданных миссионеров. Но в 1660 году существовали целые города "молящихся индейцев", а в 1687 году насчитывалось более двадцати собраний этих дикарей, которые поклонялись истинному Богу. Элиот с огромным трудом перевел Библию на язык тех, среди кого он проповедовал. Это было напечатано, и иногда его копию можно найти в качестве курьеза в наших публичных библиотеках. В 1695 году на островах Мартас-Винъярд и Нантакет проживало не менее 3000 взрослых индейцев, которые считались обращенными в христианскую религию.

Примерно в 1675 году началась еще одна война с индейцами, которая оказалась самым серьезным сражением, в котором когда-либо участвовали колонисты. В течение нескольких лет до этого индейцы тайно готовили всеобщий заговор с целью уничтожения колоний Новой Англии. Массасойт, добрый друг англичан, был мертв, а его внук Филип, сахем вампаноагов, главная резиденция которого находилась в Род-Айленде, не унаследовал добрых чувств своего предка к белым. Он был человеком больших способностей, и, если бы его средства

соответствовали его мастерству и храбрости, результат мог бы оказаться фатальным для ныне процветающих колоний.

Индеец-христианин по имени Джон Саусаман рассказал англичанам о кознях, которые он замышлял против них. Филипп, сгорая от ярости из-за того, что его план был раскрыт, приказал убить Саусамана. Англичане обнаружили убийц, задержали их и после судебного разбирательства, в ходе которого их вина была достаточно очевидна, казнили их. Это еще больше подтолкнуло Филиппа к мести. 20 июня он начал открытые военные действия против города Суонси, расположенного недалеко от его территории.

Зажженный таким образом факел войны продолжал гореть по всей территории Новой Англии в течение нескольких лет с неослабевающей яростью. Подробности о нем можно было бы заполнить целый том. Филип,^[8] который был главным духом лиги против белых, проявил мужество, проницательность и настойчивость, достойные короля и патриота. Не обижали его и племена, которых он вовлек в заговор своим красноречием и интригами. Хотя он часто терпел поражения, он никогда не падал духом, и, хотя его враг, казалось, вот-вот втопчет его в землю, он часто поднимался с новой силой и более отчаянной решимостью. В конце концов он был убит, и, хотя борьба продолжалась еще некоторое время, в конце концов она привела к общему поражению индейцев, от которого они так и не оправились. Война распространилась от Род-Айленда до штата Мэн, и на всей территории этого региона дым от домов и крики жертв были видны и слышны повсюду. Многие из самых цветущих английских деревень были обращены в пепел. Борьба не была закончена до весны 1678 года. Шестьсот человек из "цвета колонистов" погибли, и триста домов были сожжены. Могиланцы и несколько других племен оставались дружелюбными, но остальные разделяли войну и ее фатальные последствия.

Следующие действия индейцев против колоний Новой Англии имели место во время долгих и кровопролитных войн между французами и англичанами, получивших название войн Вильгельма и королевы Анны. В июне 1689 года, подстрекаемые французами, они напали на Кочекко, часть города Дувр, штат Нью-Гэмпшир, убили и взяли в плен около пятидесяти жителей. Они также начали разбойничьи набеги в различных частях штата Мэн, грабя, сжигая и увозя пленников везде, где только могли. В течение десяти лет провинции Нью-Гэмпшир и Массачусетс подвергались ярости дикарей. Дирфилд на реке Коннектикут был захвачен врасплох и сожжен, сорок человек были убиты, а почти сотню мужчин, женщин и детей увели в плен. Восточные поселения также снова были разорены и обезлюдели. Наконец, в 1699 году был заключен мирный договор. Время от времени, однако, война возобновлялась, поскольку французам часто удавалось вовлечь индейцев в свои планы. В 1713 году, когда между французами и англичанами был заключен мир, восточные индейцы, которые снова были вовлечены в военные действия с колонистами, послали флаг, желая мира. Последовало всеобщее умиротворение, к великой радости всех сторон.

Теперь мы должны обратить наше внимание на жестокое противостояние с индейцами вдоль северо-восточной границы, которое началось в 1722 году. До порабощения Канады британцами поселения Новой Англии, как мы видели, подвергались враждебности восточных индейцев, и дух ревности и мести поддерживался не только между различными нациями, но и между отдельными людьми. Границы различных территорий были определены нечетко, и обе стороны оставались беззащитными перед реальными или воображаемыми посягательствами, так что предлоги для войны всегда были под рукой. Французские иезуиты обосновались среди

индейских племен в ранний период; и в начале восемнадцатого века у них было две церкви среди восточных индейцев — одна в Пеннобскоте, а другая в Норриджвоке, в границах нынешнего штата Мэн.

В последнем поселении проживал иезуит Себастьян Рэсле, человек талантливый, образованный и обходительный, который, приспособившись к образу жизни индейцев и сохраняя мягкое, снисходительное поведение, полностью завоевал расположение дикарей, и его влияние на них было огромным. Зная о власти суеверий над их умами, он воспользовался этим и их предубеждением против англичан, чтобы усилить интерес французов к ним. Он даже сделал так, чтобы богослужения служили стимулом для их свирепости; он держал знамя, на котором был изображен крест, окруженный луками и стрелами, которое он привык водружать на шест у дверей своей церкви, и дал индейцам отпущение грехов перед тем, как они отправились в военную экспедицию.

Губернатор Канады поддерживал постоянную переписку с этим иезуитом и получал из его рук информацию обо всем, что происходило между племенами в этом квартале. От этих людей дикари получали всяческое поощрение отстаивать свои права на земли, занятые англичанами, и досаждают поселенцам, убивая их скот, сжигая их стога сена, грабя и оскорбляя их. Многие жители, встревоженные этими проявлениями враждебности, покинули границы в 1720 году. Гарнизоны были усилены, и за границу были отправлены разведывательные отряды, которые на время пресекли враждебные действия индейцев, которые в том же году были вынуждены отдать заложников за свое хорошее поведение. Эта последняя реквизиция была крайне недовольна губернатором Канады, который возобновил свои усилия по продолжению ссоры и тайно пообещал снабдить индейцев оружием и боеприпасами, хотя, поскольку Великобритания и Франция в то время не находились в состоянии войны, он не мог открыто помогать им. Правительства Новой Англии получили информацию об этих интригах; и все же, хотя и были крайне разгневаны, они сочли за лучшее не спешить с военными действиями. Основной спор шел между индейцами и владельцами восточных земель, и общественность не была непосредственно вовлечена в него. В пределах английской территории еще не пролилось ни капли крови.

Расле считался главным подстрекателем индейцев, и считалось, что, если его убрать, все успокоится. Было выдвинуто предложение послать шерифа округа Йорк с отрядом в сто пятьдесят человек, чтобы схватить его и доставить в Бостон, но на этот смелый шаг не отважились. Летом 1721 года Рэсл в компании с графом де Кастином из Пеннобскота и Круазилем из Канады появился в одном из английских гарнизонов и вручил губернатору Массачусетса Шуту письмо, написанное от имени нескольких индейских племен, в котором говорилось, что, “если англичане не уйдут в течение трех недель, они убьют их самих и их скот и сожгут их дома”. Земли, о которых шла речь, находились в пределах английских патентов, и поселенцы считались единственными законными владельцами. Они привыкли регулярно получать от индейцев акты купли-продажи и выплачивать им ценное вознаграждение; но некоторые из этих документов были получены из неясного и сомнительного источника; и память о таких сделках вскоре затерялась среди людей, не располагавших письменными свидетельствами. Индейцы легко забывают о продажах, совершенных их предками, или воображают, что такие сделки не являются обязательными для их потомков.

Правительство Массачусетса, получив это угрожающее послание, направило дополнительные силы к границам штата Мэн; и, желая избежать разрыва, пригласило индейцев на конференцию, из которой должны были быть исключены французские эмиссары. К этому приглашению отнеслись пренебрежительно, и следующей зимой отряду под командованием полковника Уэстбрука было приказано отправиться в Норриджвок, чтобы захватить Рэсл. Они добрались до деревни незамеченными; но прежде, чем они смогли окружить его дом, он сбежал в лес, оставив свои бумаги в надежном сундуке, который они унесли, не совершив никакого акта насилия. Среди этих бумаг были его переписки с губернатором Канады, которые служили убедительным доказательством того, что он был глубоко вовлечен в интриги, направленные на подстрекательство индейцев к военным действиям. Дикари пришли в ярость от этой попытки схватить их духовного отца и решили отомстить. Летом 1722 года они напали на поселения в заливе Мерри-Митинг и захватили девять семей; отпустив некоторых пленников, они сохранили достаточно, чтобы обеспечить выкуп своих заложников в руках англичан, и отправили их в Канаду. Их следующая атака была на форт Сент-Джордж, на Андроскогине, где они были отбиты со значительными потерями. Впоследствии они застали врасплох несколько рыболовецких судов в восточных гаванях и, наконец, предприняли яростную атаку на город Брауншвейг, который они разрушили. Эти военные действия побудили правительство Массачусетса объявить им войну, которая была официально опубликована в Бостоне и Портсмуте 25 июля 1722 года.

Были собраны войска, зачисленные на двухлетнюю службу, и правительство без колебаний предложило награду в сорок фунтов стерлингов за каждый скальп индейца. Эта война получила название “Война Лаввелла” по имени капитана Джона Лаввелла из Данстейбла, штат Нью-Гэмпшир, который был самым выдающимся командиром в сражении с врагом и был убит в жестоком бою. В течение 1723 года индейцы совершали различные набеги на поселения, и несколько жителей были убиты и уведены в плен. 10 июня 1724 года фермер и его сын, работая на Ойстер-Ривер, сажая кукурузу, пошли к ручью напиться и обнаружили три индейских стаи. Они немедленно побежали сообщить информацию роте добровольцев, которую недавно собрали по соседству для защиты границы. Рота двинулась к этому месту, но была обстреляна из засады, и фермер и его сын, которые выполняли роль проводников, оба были убиты. Затем рота открыла огонь и убила одного из индейцев и ранила двух других, которым удалось сбежать, хотя их преследовали и выслеживали по их крови на значительном расстоянии. Убитый индеец был выдающейся личностью и носил нечто вроде короны из меха, выкрашенного в алый цвет, с украшением в виде четырех маленьких колокольчиков, по звуку которых остальные могли следовать за ним через заросли. Его волосы, вопреки тому, что почти повсеместно встречается у туземцев, были удивительно мягкими и тонкими; при нем была книга богослужения и список призывников из ста восьмидесяти индейцев. Исходя из этих различных обстоятельств, предполагалось, что он был внебрачным сыном иезуита Расле от индианки, которая служила ему прислугой.

среди приграничных поселений были построены гарнизонные дома, жителей которых предупредили, чтобы они возвращались в случае опасности. В Дувре было много семей квакеров, которых, сомневаясь в законности войны, невозможно было убедить использовать какие-либо средства для своей защиты, хотя индейцы никогда не щадили их из-за этого. Один из них, Джон Хэнсон, жил вдали от гарнизона и отказался укрыться в нем со своей семьей, хотя у него было большое количество детей. Отряд из тринадцати индейцев, называемых французскими могавками, пометил его дом для своей добычи и несколько дней пролежал в

засаде, выжидая удобного случая напасть на него. 27 июня, когда Хэнсон и его старшая дочь ушли на еженедельное собрание, а двое его старших сыновей работали на лугу неподалеку, индейцы проникли в дом, убили и сняли скальпы с двух маленьких детей, забрали его жену с четырнадцатидневным младенцем, ее кормилицу, двух дочерей и сына и, обыскав дом, унесли их. Это было сделано так внезапно и тайно, что первым человеком, обнаружившим это, была старшая дочь, вернувшаяся со встречи. Увидев двух мертвых детей у двери, она издала крик отчаяния, который отчетливо услышала ее мать, находившаяся тогда в руках врага в кустах, и ее братья на лугу. Люди, вскоре встревожившись, бросились в погоню за врагом; но индейцы, осторожно избегая всех проторенных троп, ушли со своими пленниками незамеченными. Мать, несмотря на нежное телосложение, обладала твердым и энергичным умом и переносила различные тяготы индийского плена с большой решимостью и терпением. Когда у нее кончалось молоко, она давала ребенку подогретую воду во рту, пока скво не научили ее растирать ядра грецких орехов и варить их с толченой кукурузой, которая оказалась питательной пищей для младенца. Все пленники были проданы французам в Канаде. Хэнсон выкупил их в следующем году, оставив одну дочь.

Эти и другие бесчинства врага побудили правительство Массачусетса решиться на экспедицию против индейского города Норриджвок. Двести человек под командованием капитанов Моултона и Хармана выступили из Йорка в августе. Они оставили сорок своих людей у Теконик-Фоллс, на реке Кеннебек, и, разделив остальных на два отряда, один из них под командованием Хармана пошел кружным путем, надеясь застать врасплох часть противника на их кукурузных полях, в то время как другой, под командованием Моултона, двинулся прямо на деревню Норриджвок, которая, будучи окруженной деревьями, была незаметна, пока они не приблизились к ней вплотную. Все индейцы были в своих вигвамах, а англичане продвигались осторожно и в полной тишине. Когда они подошли совсем близко, из своего вигвама вышел индеец и, обнаружив англичан, издал боевой клич, вбежал внутрь и схватил свое ружье. Через несколько минут все воины были при оружии и двинулись им навстречу. Моултон отдал приказ не стрелять, пока индейцы не сделают первый залп. Это было сделано, и, как он и ожидал, они перестреляли англичан, которые затем немедленно открыли огонь с большой меткостью. После того, как был произведен еще один залп, дикари опрометью бросились к реке. Их преследовали и убивали повсюду, а их вигвамы подожгли. Моултон хотел взять Расле живым и отдал строгий приказ, чтобы никто не убивал его. Но иезуит заперся в своем доме, откуда продолжал стрелять по англичанам, и один из них ворвался туда и выстрелил ему в голову. Затем они подожгли церковь, которая была красивым сооружением, и унесли посуду и убранство алтаря вместе с религиозным знаменем в качестве трофеев своей победы. Восемьдесят индейцев были убиты в ходе этого нападения, а трое английских пленников спасены.

Судьба Норриджвока повергла дикарей в великий ужас, и они больше не считали себя в безопасности ни в одном из своих прежних мест обитания, а занимали их только как места отдыха, когда проводили разведку или охоту. Это успешное начинание и крупная премия, предложенная за скальпы, привлекли к работе несколько компаний-волонтеров. В декабре капитан Лаввелл с тридцатью мужчинами совершил экскурсию к северу от озера Винниписеог. Они обнаружили индейский вигвам, в котором находились мужчина и мальчик. Они убили мужчину и сняли с него скальп, а мальчика живым доставили в Бостон, где получили обещанную правительством награду и, кроме того, значительные чаевые. Вскоре эта рота была увеличена до семидесяти человек, и Лаввелл снова выступил в поход, в начале 1725 года, к истоку реки Салмон-Фолл. Поскольку их провизии не хватало, тридцать из них, отобранных по

жребию, были уволены и вернулись домой. Остальные сорок человек продолжали свой марш до 20 февраля, когда они обнаружили след, по которому шли, пока не увидели дым, незадолго до захода солнца; из этого они заключили, что враг разбил лагерь на ночь. Они прятались до полуночи, когда осторожно продвинулись вперед и обнаружили десять индейцев, спящих вокруг костра на берегу замерзшего пруда. Теперь Лаввелл решил действовать наверняка и, удобно расположив своих людей, приказал пятерым из них стрелять в быстрой последовательности, а остальным приберечь свой выстрел. Он подал сигнал, выстрелив из своего собственного ружья, которым были убиты два индейца; и мужчины, стреляя согласно приказу, уложили на месте еще пятерых. Оставшиеся трое проснулись ото сна, но двое из них были немедленно застрелены резервистами, а другой был ранен. Он попытался сбежать через пруд, но был схвачен собакой, которая крепко держала его, пока не подошли англичане и не расправились с ним. Таким образом, в течение нескольких минут весь отряд был уничтожен, и попытка нападения на границы Нью-Гэмпшира была предотвращена, поскольку эти индейцы шли из Канады, хорошо снабженные новыми ружьями и большим количеством боеприпасов для этой цели; у них также было несколько запасных одеял, мокасин и снегоступов для использования пленными, которых они рассчитывали захватить. Пруд, возле которого произошли эти события, теперь известен как Пруд Лаввелла. Отряд с десятью скальпами, натянутыми на обручи по индейскому обычаю, с большим триумфом прошествовал в Бостон и получил награду из государственной казны. Англичане говорили об этом предприятии с большим ликованием и объявили его капитальным подвигом. В свете сегодняшнего дня варварство взимать премию за скальпы было бы справедливо осуждено.

Этот блестящий успех, как его тогда называли, подтолкнул Лаввелла к его последнему и роковому начинанию. В начале марта он снова выступил в поход, намереваясь напасть на индейские деревни Пигуакет в верхней части Сако, где в древности обитало грозное племя, хотя в тот период они лишь изредка наведывались туда. Его рота состояла из сорока шести человек, включая капеллана и хирурга. Двое из них стали хромыми и вернулись. Когда заболел еще один человек, они остановились и построили частокол на западном берегу озера Грейт-Оссипи, частично для размещения больного, а частично как оплот на случай какого-либо отступления. Здесь хирурга оставили с инвалидом и восемь человек из роты для охраны. Лаввелл со своими тридцатью четырьмя людьми продвинулся на север примерно на двадцать две мили и вечером 7 мая разбил лагерь на берегу пруда. Рано утром следующего дня, когда мужчины молились, они услышали выстрел из ружья и обнаружили индейца примерно в миле от себя, стоявшего на выступающем в воду выступе. Ночью они были встревожены шумом вокруг своего лагеря, который, по их мнению, производили индейцы, и теперь заподозрили, что тот, кого они видели, был послан туда, чтобы заманить их в ловушку, и что перед ними находился отряд врага. Был проведен военный совет, и они решили идти вперед и, обойдя пруд, добраться до того места, где стоял индеец. Чтобы быть готовыми к бою, они сняли с себя рюкзаки и оставили их без всякой охраны на сосновой равнине, где деревья росли слишком редко, чтобы скрыть их.

Лаввелл во время своего похода пересек перевалочный пункт, по которому два отряда индейцев, состоявших из сорока одного воина, под командованием известных вождей Паугуса и Вахвы, ходивших на разведку вниз по Сако, возвращались в нижнюю деревню Пигуакет, примерно в полтора милях от пруда. Напав на след Лаввелла, они пошли по нему и наконец добрались до багажа, который унесли с собой. Пересчитав отряды, они обнаружили, что англичан было меньше, чем их собственных сил. Поэтому они устроили засаду, чтобы напасть на них по возвращении. Индеец, который стоял на мысе и возвращался в деревню другой

тропой, встретил англичан и получил от них ответный огонь, ранив Лаввелла и еще одного человека мелкими дробями. Во время второго пожара индеец был убит, и они сняли с него скальп. Не увидев других врагов, отряд вернулся к своим стаям, и, пока они искали их, индейцы выскочили из засады и побежали к ним с ужасным воплем. С обеих сторон началась ожесточенная перестрелка, и Лаввелл был быстро убит вместе с восемью другими. Несколько индейцев пали, но, превосходя их числом, они ни в коей мере не были обескуражены и попытались окружить англичан, которые, поняв их замысел, отступили, надеясь укрыться за выступом скал и несколькими большими соснами на берегу пруда. Здесь они заняли свою позицию, имея справа от себя устье ручья, а слева скалистый мыс, причем спереди их частично прикрывало глубокое болото, а сзади — пруд.

Теперь битва возобновилась. Индейцы поливали англичан огнем спереди и с флангов и имели такое преимущество позиции, что при небольшом умении могли бы перестрелять всех до единого англичан или вынудить их сдаться по собственному усмотрению, поскольку они были совершенно неспособны выбраться сами и совершенно лишены провизии. Под руководством лейтенанта Уаймена последние продолжали вести огонь и сохраняли решительный вид весь остаток дня, поскольку боевые действия начались вскоре после десяти утра. Капеллан и еще трое человек были смертельно ранены. Индейцы предлагали им сдаться, протягивая веревки, и пытались запугать их отвратительными криками; но они решили скорее умереть, чем сдаться, и благодаря их хорошо направленному огню число дикарей уменьшилось, а их крики стали тише, пока незадолго до наступления ночи они не покинули свою выгодную позицию, унося убитых и раненых и не оставив невредимыми трупы Лаввелла и его людей. Разбитые остатки этого храброго отряда, собравшись вместе, обнаружили, что трое из них не могут сдвинуться с места, одиннадцать ранены, но способны идти, а девять невредимы. Было грустно оставлять своих умирающих товарищей позади, но увезти их не было никакой возможности. Один из них, энсин Роббинс, попросил их положить рядом с ним заряженное ружье, чтобы, если индейцы вернутся до его смерти, он смог убить еще одного.

После восхода луны те, кто был в состоянии, покинули роковое место и направились к форту, где были оставлены врач и стражник. К своему великому удивлению, они обнаружили его заброшенным. В начале боевых действий один человек дезертировал и бежал в форт, где в стиле посланцев Джоба сообщил им о смерти Лаввелла и поражении всей роты, после чего они сделали все возможное, чтобы вернуться домой, оставив некоторое количество провизии, которая стала своевременным подспорьем для отступающих выживших. Из этого места они стремились попасть домой. Лейтенант Фарвелл, капеллан, у которого в кармане был дневник марша, и еще один человек погибли в лесу из-за отсутствия перевязочного материала для своих ран. Остальные, выдержав самые суровые испытания, добрались до поселений одно за другим. В радиусе пятидесяти миль от места сражения не было ни одного белого жителя.

Отряду с границы с Нью-Гэмпширом было приказано похоронить погибших. Было найдено четырнадцать тел, которые были преданы земле, а их имена вырезаны на деревьях. Были обнаружены и вскрыты три индейские могилы; в одной из них находилось тело вождя-воина Пауга. Следы крови были прослежены на большом расстоянии от места боевых действий, но точные потери противника так и не были известны. После этого сражения индейцы покинули окрестности Пигуакета и не возвращались до окончания войны.

Песенная баллада на тему "Битвы Лаввелла" появилась в том же году, когда произошли эти события, и долгое время была очень популярна в Новой Англии. Поскольку читатель, возможно, пожелает ознакомиться с его образцом, мы процитируем вступительную строфу, которая выглядит следующим образом.

“О достойном капитане Лаввелле я намереваюсь сейчас спеть,

Как доблестно он служил своей стране и своему королю.

Он и его доблестные солдаты действительно прочесали лес на всю ширину,

И трудности, которые они перенесли, чтобы усмирить гордыню индейца”.

Мы добавляем шестнадцатую строфу, поскольку в ней отмечается поразительное обстоятельство.

- Наш достойный капитан Лаввелл среди них действительно погиб.

Они убили лейтенанта Роббинса и ранили славного молодого Фрая,

Кто был нашим английским капелланом; он убил много индейцев,

И с некоторых из них он снял скальп, когда вокруг него полетели пули”.

Следующей зимой четыре вождя прибыли в Бостон, чтобы ратифицировать договор, последовавший за этими военными действиями. Правительство колоний запретило любые частные перевозки с индейцами, поскольку это было причиной многих неприятностей. Грузовые дома были установлены в удобных местах, где они снабжались всем необходимым для жизни на выгодных условиях. Хотя правительство проиграло в этой сделке, это было признано наиболее экономичным методом сохранения мира, и, похоже, оно полностью достигло своей цели.

Туземцы во всех провинциях Новой Англии, теперь поредевшие и ослабевшие, в то время как англичане набирались сил и расширяли свои поселения во всех направлениях, больше не предпринимали серьезных покушений на мир в стране. Во время войн во Франции, вплоть до периода, непосредственно предшествовавшего революции, действительно, время от времени предпринимались вторжения, но они не приносили долговременных результатов.

Сейчас в штатах Новой Англии осталось совсем немного индейцев. Небольшое количество могиганцев все еще проживает в окрестностях Норвича, штат Коннектикут, где у них есть аккуратная маленькая церковь, и среди них с некоторым успехом трудился миссионер. Несколько индейцев Пенобскота также встречаются в штате Мэн, и кое-где в других местах можно встретить одного или нескольких потомков аборигенов; но они подобны последним разбросанным осенним листьям — увядшим, разлагающимся и замороженным зимними ветрами; весна их больше не застаёт.

ПЯТЬ НАЦИЙ И Т.Д.

Эта известная конфедерация состояла из могавков, онейд, онондагас, кайюгас и сенекас. Французские авторы дали им название ирокезы. Каждая нация была разделена на три племени или семьи, отличавшихся своими эмблемами, такими как Черепаха, Медведь и Волк. Их первоначальной резиденцией был остров Монреаль и его окрестности. За много лет до того, как французы открыли Канаду, они занимались мирным сельским хозяйством. Адирондаки, которые тогда жили примерно в 300 милях от Труа-Ривьер, где впоследствии жили оттавы, занимались охотой и обменивали свою оленину на кукурузу, выращиваемую Пятью народами.

Адирондаки, или, как их чаще называют французы, алгонкины, презирали Пять наций как слабый народ, занимающийся делами, достойными только женщин. Но однажды их добыча потерпела неудачу, и они наняли нескольких молодых людей из Пяти наций помогать им в охоте. Вскоре они стали опытными охотниками, способными переносить усталость за пределами самих Адирондаков. Последние, следовательно, стали завидовать им и, опасаясь, что они сбросят ярмо, которому они были подчинены, хладнокровно убили их. Не испытывая никаких серьезных опасений по поводу негодования столь недружелюбного народа, они распорядились выплатить небольшую компенсацию Пяти нациям, которые, по их мнению, были неспособны отомстить за совершенное злодеяние. Однако они были сильно раздражены и полны решимости отомстить. Жители Адирондака, узнав об этом, сочли это подходящим случаем подчинить их своему влиянию и соответственно напали на них. Сначала Пять народов слабо защищались от свирепых и воинственных нападавших и были вынуждены покинуть свою страну и бежать к берегам Озер. Это произошло примерно в начале семнадцатого века. Здесь они приступили к упражнениям с оружием и с каждым днем становились все более и более опытными в его использовании. Их сахемы, чтобы рассеять страх перед Адирондаками, который питал их народ, и внушить им некоторую степень доверия, сначала повели их против сатан, которые тогда оккупировали то, что сейчас является центральными районами штата Нью-Йорк. Они подчинили их себе и изгнали из страны, на берега Миссисипи.

Доказав таким образом свое мужество, Пять наций в следующий раз успешно противостояли всем силам Адирондаков. Затем они перенесли войну в сердце своей страны и вынудили их покинуть ее и бежать в Квебек. К Адирондакам теперь присоединились французы, которые только что начали свои поселения в Канаде. Сражающиеся встретились на озере Корлер, с тех пор называемом в честь французского командующего озером Шамплен. Пять наций никогда не видели огнестрельного оружия, и французы, прятавшиеся до тех пор, пока индейцы не вступили в бой, внезапно поднялись и дали по ним смертоносный залп. Охваченные паникой из-за устрашающего характера и смертоносного эффекта атаки, они бежали с большими потерями с поля боя.

Под влиянием французов гуруны и другие соседние народы теперь присоединились к войне против Пяти наций. Жители Адирондака, укрепленные таким образом и снабженные огнестрельным оружием, намеревались полностью уничтожить своих врагов. Но их молодые люди, любящие приключения и отказывающиеся повиноваться своим капитанам, часто опрометчиво нападали на врага; и последний, заметив это, вскоре начал извлекать из этого выгоду. Они высылали небольшие отряды, которые, встретив большее количество противника, отступали, в то время как адирондакцы яростно преследовали его и беспечно позволяли

заманивать себя в засаду. Таким образом, многие из них были отрезаны с небольшими потерями для победителей. Таким образом, Адирондаки были опустошены, в то время как практика Пяти народов принимать в свои племена пленников, взятых у сатан, увеличила их силу и численность.

Пять наций, по-видимому, наслаждались военной хитростью и забавляли адирондаков и гуронов, своих союзников, посланиями французам, притворяясь, что желают мира, и приглашая к себе несколько священников. Когда, соответственно, прибыло несколько иезуитов, они держали их в качестве заложников, чтобы заставить французам сохранять нейтралитет в их войнах с Адирондаками. Затем они атаковали и разгромили последнюю в двух лье от Квебека и, зная они ее слабость, могли бы уничтожить даже французскую колонию.

Адирондакские союзники, охваченные ужасом, разбежались в разные стороны. Вскоре после этого Пять наций собрали 1000 или 1200 человек и отправились с визитом к губернатору Канады. По пути они встретили Пискарету, взяли его в плен и, узнав от него, что адирондакцы разделились на два отряда, набросились на них и изрубили на куски. Когда французы впервые обосновались в Канаде, у Адирондаков было 1500 воинов в пределах лиги Квебека, но после этой последней битвы они никогда не имели никакого значения как нация.

Пискарет, о котором мы только что упомянули, был великим воином и прославился своими подвигами и хитростями. Однажды, примерно во время весенних оттепелей, он отправился в страну Пяти народов. Он выставил заднюю часть своих снегоступов вперед и пошел по гребням и возвышенностям, где снег был растаял, чтобы не оставлять следов. Приблизившись к деревне Пяти народов, он прятался до ночи. Затем, пробравшись в вигвам, он убил всю семью, пока они спали, снял с них скальпы и снова спрятался. На следующий день убийцу искали напрасно. В полночь он вышел и повторил свое кровавое деяние. На третью ночь было выставлено наблюдение. Пискарет собрал свои скальпы, а затем крался дальше, пока не обнаружил спящего индейца. Его он убил одним ударом, но, будучи обнаруженным, был вынужден бежать. Поскольку он был самым быстрым из всех индейцев, он позволил своим преследователям приблизиться к нему, а затем бросился прочь. Вечером он спрятался и лег; его преследователи тоже остановились и заснули. Пискарет развернулся, ударил их по голове, снял скальпы и вернулся домой. Таковы были кровавые подвиги, снискавшие славу среди индейцев.

Установив таким образом свое господство над соседними племенами, Пять народов быстро набрали силу. Хотя французы и сдерживали их, они по-прежнему распространяли свое влияние во всех направлениях, и особенно на юг. Они завоевали всю территорию делаваров, или ленапов, и вынудили их взять себя под их защиту. Они распространили свои победоносные отряды по всем отдаленным частям Вирджинии и вплоть до устья Огайо, в то время как они подчинили народы к востоку от реки Коннектикут. Они часто путешествовали поодиночке или небольшими группами по триста-четыреста миль и скрывались в деревнях своих врагов, чтобы проливать кровь и мстить за действительные или мнимые обиды своим друзьям. В конце концов их власть распространилась на юг до Южной Каролины, а на запад - до Миссисипи, на территорию протяженностью 1200 миль и шириной 600. В 1667 году они заключили договор с губернатором Мэриленда, который впоследствии был разорван, и начались проблемы как с этой колонией, так и с Вирджинией. Наконец, лорд Говард, как представитель последнего,

встретился с вождями племен в Олбани, и после долгого совещания договаривающиеся стороны заключили мир, который строго соблюдался с обеих сторон.

В 1684 году французы приложили огромные усилия, чтобы отделить Пять наций от англичан. Они пригласили их на конференцию в назначенное место. Онондага подчинились и послали одного из своих сахемов и тридцать воинов; Сенека и другие отказались. Французский командующий, упрекнув индейцев, пригрозил им местью, если они не согласятся с его взглядами; но сахем ответил смело и заявил о своей решимости сохранить мир, и француз отправился домой разочарованный и взбешенный.

Вскоре после этого Пять народов покорили племя Иллинойс, которое сражалось против них, а затем приготовились выступить против майамцев. Французы решили поддержать своих союзников и разослали приказ всем индейцам в окрестностях Мичилимакинака собраться на Ниагаре и присоединиться к ним в нападении на сенекас. Потаватоми и другие собрались в месте встречи; но здесь оттавы попытались отвлечь их от предприятия, не желая терять выгодную торговлю, которой они теперь наслаждались с англичанами. После различных приготовлений французы со своими союзниками-индейцами двинулись к городам сенека. Воины последнего племени были, однако, начеку. Пятьсот или более из них залегли в засаде, в то время как французские разведчики прошли на расстоянии пистолетного выстрела и, не увидев их, доложили, что не смогли обнаружить противника. Французы смело двинулись вперед, но, когда они были примерно в четверти лиги от своей деревни, сенека внезапно атаковали их из своего огнестрельного оружия, сопровождаемого ужасающим боевым кличем. Это повергло ополчение, так же как и регулярные войска, в ужас, и возникло такое замешательство, что они открыли огонь друг по другу. Сенека, заметив их беспорядок, напали на них, пока французские индейцы, наконец, не сплотились и не дали им отпор. Это действие настолько удручило французского командующего, что его не удалось немедленно склонить к осуществлению своей цели; он остановился до следующего дня, когда двинулся вперед, чтобы сжечь деревню. Но теперь он обнаружил, что Сенека уже превратили его в пепел и исчезли. Уничтожив две другие деревни и кукурузу, которую он там нашел, он вернулся домой в Канаду.

Подстрекаемые новыми причинами недовольства, Пять наций вторглись в Канаду с большими силами и развили войну с такой энергией, что захватили Монреаль и превратили его в пепелище. Говорят, что тысяча французов была убита и двадцать шесть взято в плен, при этом индейцы потеряли всего трех человек, которые напились и остались позади. Если бы они понимали слабое положение французов и были освобождены от влияния священников, которые были среди них, особенно онейда, Онондага и Кайюга, французские поселения в Канаде, вероятно, были бы полностью разрушены.

Под влиянием совета английского офицера, полковника Догана, которому они доверяли, Пять наций, насколько могли, заключили договоры с западными индейцами. В этот период снова вспыхнула война между англичанами и французами, и граф Фронтенак, новый губернатор Канады, отправил послание племенам через сахема, который был пленником и был перевезен во Францию, но который только что вернулся с графом. Целью этой миссии было пригласить Пять стран на конференцию с целью установления мира. После проведения общего совета, состоящего из восьмидесяти сахемов, в Онондаге 27 декабря 1689 года, на котором они попросили мэра Олбани присутствовать, чтобы дать им совет, они отправили графу Фронтенаку свой ответ. Это было весьма характерно. Его заключение гласило следующее:—

“Йонондио” (так они всегда называли французского губернатора), “вы желаете поговорить с нами в Кадаракуи. Разве вы не знаете, что ваш огонь там потушен? Он потушен кровью. В первую очередь вы должны отправить домой заключенных.

“Мы сообщаем вам, что заключили мир с вагунами [вероятно, оттавами]. Вы не должны думать, что мы опустили топор, потому что не даем ответа; у нас нет таких намерений. Наши дальнбойщики продолжают войну, пока не вернутся наши соотечественники. Когда наш брат вернется, тогда мы поговорим с вами о мире”.

Теперь пять наций были вовлечены в частые стычки с французами, которым они сильно досаждали своими военными отрядами, убивая одних и уводя других в плен, иногда даже из окрестностей Монреаля. Могавки, однако, не убедившись в серьезности намерений англичан оказать им помощь, как они обещали, начали склоняться к заключению мира с французами. Соответственно, они отправили некоторых из своих сахемов к графу Фронтенаку с этой целью и заключили с ним договор. Англичане, узнав об этом, возобновили свой договор с другими нациями и преподнесли им подарки. Могавки также возобновили свой союз с английскими колониями, заявив: “Хотя разъяренный пес пытался перегрызть цепь, мы полны решимости сохранять ее незыблемой как в мирное, так и в военное время. Теперь мы возобновляем старую цепь, чтобы древо мира и процветания могло расцвести и пустить свои корни по всей стране”.

В течение всей этой войны Пять наций оставались верны английским колониям, несмотря на интриги французов, пытавшихся переманить их на свою сторону. Они внесли существенный вклад в защиту наших границ и сильно беспокоили врага вдоль всей канадской границы. В ходе состязания было совершено множество актов необычайного мастерства и храбрости с обеих сторон, а также другие акты шокирующей жестокости. Французы, казалось, часто забывали о своей цивилизации в ярости против своего жестокого врага. Наконец, Рисвикский мирный договор между Англией и Францией, положивший конец войне в других странах, принес мир и индейским племенам.

Во время войны королевы Анны французы убедили Пять наций, поскольку они отказались от их союза, сохранять нейтралитет, поскольку их нельзя было заставить начать войну против англичан. Однако они были более или менее вовлечены во вторжения в Виргинию и преследовали тамошних дружественных индейцев. В 1712 году они приняли в свою конфедерацию тускарора, которые, как мы уже рассказывали, бежали из Северной Каролины; так что впоследствии они носили титул Шести наций. Утрехтский мирный договор 1713 года положил конец военным действиям между англичанами и французами. Теперь индейцы в течение ряда лет занимались торговлей как в Монреале, так и в Олбани.

В 1743 году несколько руководителей Шести наций встретились с английскими комиссарами в Филадельфии. Там они уступили свои земли по обе стороны Саскуэханны, в Пенсильвании, и, ввиду ожидаемой войны с французами, возобновили свои союзнические отношения с ними. Аналогичные встречи и договоры имели место в 1744 году между Шестью странами и губернаторами Мэриленда и Вирджинии. Шесть наций потребовали от делаваров переселиться на западный берег реки Делавэр и впредь не продавать земли, “поскольку они были ничем не лучше женщин”. Был заключен мир с чероки, с которыми они находились в состоянии войны, но не с катоба, которым они угрожали своей мстостью, потому что те не пришли и не

присоединились к ним на совете. В 1746 году они встретились с губернатором Нью-Йорка и возобновили свои союзы; время от времени они отправляли отряды для преследования французов, в которых к ним присоединялись индейцы Саскуэханна.

Впоследствии Шесть наций, и особенно могавки, попали под особое влияние английского офицера, впоследствии прославившегося в истории как сэр Уильям Джонсон. Хендрик, знаменитый король могавков, и его воины сопровождали своегопокровителя в его различных военных походах против французов, которые закончились капитуляцией Канады перед англичанами. Сам вождь скрепил свою верность кровью, пав в битве при Лейк-Джордж. Рассказывается много примеров его проницательности. После того как по определенному случаю был созван военный совет и было выдвинуто предложение выслать отряд навстречу врагу, Хендрик, посоветовавшись, сказал: “Если они должны сражаться, их слишком мало; если их нужно убить, слишком много”. Когда было сделано еще одно предложение отправить три отряда, старый вождь взял три палки и сказал: “Сложи их вместе, и ты не сможешь их сломать; одну за другой ты сможешь сделать это легко”. Его проницательность была признана, его совету последовали, и победа была одержана.

Похоже, что этот знаменитый вождь получил титул короля; говорят, что это произошло следующим образом. Могавки и речные индейцы, называемые мохеганами, устроили соревнование, в ходе которого должны были удостоиться чести назвать своего короля. Обе нации собрались с силами и встретились в месте под названием Уотон-Айленд на реке Гудзон, чтобы решить этот вопрос. Завязалась ожесточенная битва, которая длилась весь день. Ближе к ночи могавки, опасаясь, что могиганцы, скорее всего, одержат победу, внезапно обратились в бегство и захватили еще один остров. Вечером они разожгли множество костров и расстелили свои одеяла на каких-то кустах, как будто разбили под ними лагерь. Мохеганцы, преследуя, высадились на остров ночью и, вообразив, что мохоки спят, подкрались как можно тише и открыли на этом месте сильный огонь; затем они бросились вперед со своими ножами и томагавками, поднимая крики и нанося удары во всех направлениях. В этот момент могавки, лежавшие плашмя на земле, поднялись из своей засады на небольшом расстоянии и открыли убийственный огонь по своим врагам, которых они могли различить при свете костров. Большинство из них были убиты или схвачены и взяты в плен. Затем был заключен договор, по которому могавки должны были назначить короля, а могиганцы должны были относиться к ним с почтением и называть их “дядями”. Хендрик был монархом, впервые названным могавками. Он дожил до преклонных лет и был убит, как рассказывали, в битве при Лейк-Джордж.

Теперь Шесть наций привыкли временно переезжать с места на место, нанося визиты майамцам, гуронам и вайандотам. Некоторые из них также проживали в Саскуэханне, в Пенсильвании, и получали наставления от графа Цинцендорфа и моравцев. К этой группе принадлежал вождь каюга Шикеллимус, отец Логана, вождя минго, чьи печали и чье красноречие стали столь прославленными. Могавки сопровождали сэра Уильяма Джонсона в его экспедиции на Ниагару в 1759 году и внесли свой вклад в победу, одержанную над французами, когда после смерти генерала Придо командование перешло к сэру Уильяму. В этом сражении их прославленный впоследствии вождь Брант, хотя и был всего лишь юношей, сильно отличился.

Могавки принимали у себя протестантских миссионеров, как онейды, онондаги и кайюги принимали французских католиков. Они построили церкви, и некоторых из их молодых людей

отправили в Коннектикут, чтобы они получили там образование под присмотром доктора Уилока.

В ожесточенных войнах, разразившихся на Западе, о которых мы уже рассказывали в другом месте, Шесть народов, в общем, не принимали активного участия, хотя некоторые из кайюга и воины с берегов Саскуэханны и Шамокина время от времени присоединялись к ним. Тем не менее, чувства шести наций были значительно отчуждены от англичан, как и чувства всей индийской расы, если не считать онейд. Причина этого, вероятно, заключалась в том, что англичане не прилагали равных усилий с французами, чтобы завоевать их подарками. Однако влияние сэра Уильяма Джонсона на них было очень велико, и, пока он был жив, они смотрели на него как на своего защитника и отца. Он умер незадолго до начала американской войны за независимость. Его сыновья, сэр Джон Джонсон и полковник Гай Джонсон, первый из которых был индийским агентом британского правительства, унаследовали его влияние, и их вмешательство стало причиной многих нарушений мира и счастья поселенцев в Нью-Йорке и Пенсильвании во время великой борьбы за свободу. Но рассказ об этих сделках вместе с дальнейшей историей Шести наций должен быть отложен для другой главы.

ШЕСТЬ НАЦИЙ.

После начала войны за независимость Шесть наций находились в союзе с британским правительством и под влиянием сэра Джона и полковника Гая Джонсонов. Как уже упоминалось ранее, их принудили принять участие в военных действиях против колоний. Индейцы теперь жили на обширной территории, простиравшейся вверх по долине Мохок и простиравшейся за небольшими озерами в западной части штата Нью-Йорк. У могавков была главная резиденция в окрестностях Джонстауна; резиденция онейда находилась недалеко от озера Онейда и называлась замком Онейда; онондага жили в местности вокруг озера, которое носит их имя. Замок Онондага, как его называли, был центром конфедерации, и здесь находился большой дом совета, где постоянно горел костер совета. Каюги находились еще дальше на запад, у озера Каюга, а Сенека - за ними.

У этих народов были деревни с хорошо построенными хижинами, прекрасными фруктовыми садами и плодородными полями. Под влиянием англичан они значительно продвинулись в

цивилизации и создали вокруг себя множество удобств. Колонисты испытывали глубокий интерес к роли, которую эти нации должны были принять в первом соревновании; и с ними вскоре были начаты переговоры, чтобы обеспечить если не их союз и дружбу, то, по крайней мере, их нейтралитет. Это была, несомненно, самая мудрая позиция для Шести наций, и онейды, поддавшись убеждениям своего доброго миссионера Киркланда, согласились принять ее. Другие нации, без сомнения, могли бы поступить так же, если бы не огромное влияние сэра Джона Джонсона на них, усиленное подарками, полученными от британского губернатора Канады, в то время как колонисты были бедны и не могли привлечь их на свою сторону теми же средствами. Однако первые успехи американцев на некоторое время заставили их замолчать, поскольку они боялись отважиться на открытые боевые действия. Могавки собрались на совет в 1775 году в парке Гая, резиденции полковника Гая Джонсона, недалеко от Могавка. Их главным оратором там был Маленький Абрахам, брат Хендрика. Присутствовали также делегаты из округов Олбани и Трайон. Они выразили желание поддерживать дружбу с жителями; но все же влияние полковника Джонсона действовало неблагоприятно для интересов колоний.

Онейды и Тускарорас также встретились на немецких квартирах с комитетом от двух графств, и там было дано обещание соблюдать нейтралитет. Вскоре после этого полковник Джонсон созвал еще один совет, состоящий в основном из кайюга и сенека, самых многочисленных из Шести народов. На этой встрече умы индейцев были серьезно отчуждены от американцев; тем не менее, они продолжали принимать различных уполномоченных, присланных им Конгрессом, и заявляли о решимости сохранить нейтралитет в начавшейся войне. Лидером могавков в этот период был Таянданека, или Джозеф Брант,^[9] столь известный в истории того времени. Его первое активное участие в соревновании состоялось в 1776 году на реке Святого Лаврентия, в битве при Кедрах, в десяти милях выше Монреаля. Говорят, что он появился там во главе 600 индейцев, главным образом каунавагов, и других племен, не считая Шести наций. В то время американцы едва ли знали об этом факте, которые все же надеялись спастись от открытых атак столь грозного противника.

Разногласия и чувства между племенами по поводу роли, которую они должны были принять в войне, были причиной распада в 1777 году конфедерации Шести наций, которая существовала так долго и которая внесла такой большой вклад в их силу и цивилизацию. Объявление о разрыве было сделано в характерной манере. Обращаясь к полковнику Элмору, офицеру, командующему фортом Стэнвикс, вожди племени онейда сказали: “Брат, мы посланы сюда вождями племени Онейда совместно с онондагами. Они прибыли в нашу деревню вчера. Они принесли нам печальную весть о том, что пожар на большом совете в Онондаге потушен. Мы потеряли из их города девяносто человек, среди которых три главных сахема. Мы, оставшаяся часть племени онондага, сообщаем нашим братьям, что в столице Шести Наций больше нет огня совета”. Затем они потребовали, чтобы эти разведданные были переданы различным американским офицерам, а также ирокезам.

Мы не можем не испытывать меланхолического сожаления, став свидетелями распада этой древней конфедерации, которая так долго связывала их друг с другом, как братьев, и под влиянием которой они продвинулись в совершенствовании быстрее, чем любая из современных им наций. Отныне они выступают как отдельные племена и часто с оружием в руках выступают друг против друга. С этого момента можно датировать их вырождение, которое в конце концов оставило им лишь воспоминание об их былом величии, в то время как они рассеяны вдали от своих древних мест власти и могил своих предков.

Наша дальнейшая история в большей степени связана с могавками, онондагами, кайюгами и сенеками. В Освиге состоялся большой совет, в котором эти индейцы во главе с Брантом, как их ныне признанным вождем, приняли участие вместе с другими племенами с запада. Были заключены соглашения о помощи британскому делу, и, следовательно, полковник Сент-Леджер, примерно в то время, когда генерал Бергойн начал свою захватническую экспедицию через озеро Шамплейн, также выступил со своими силами из британских и канадских войск и индийских союзников из Освиге, чтобы сотрудничать с Бергойном, пройдя долину Мохок и встретившись с ним близ Олбани. Поскольку форт Шайлер лежал у него на пути, он был осажден 3 августа 1777 года. Индейцы, прячась за кучами деревьев, сильно досаждали гарнизону своим огнем, одновременно возводя брустверы для своей защиты. Чтобы освободить форт Шайлер, подвергшийся такой атаке, генерал Херкимер был послан вперед снизу. Он сообщил полковнику Гансворту, командиру, о своем приближении и призвал его к сотрудничеству. Меры для достижения этой цели были согласованы, но промедление помешало осуществить объединение до того, как враг появился в Орискани. Здесь разыгралось жестокое сражение, поначалу в значительной степени проигравшее американцам, хотя в конце концов они одержали победу. Индейцы сыграли заметную роль в этом ужасном сражении. Говорят, что сенека сначала были пьяны, и в таком состоянии их заманили в бой, полагая, что они должны были только выкурить свои трубки и посмотреть, как британцы хлещут мятежников плетью. Их потери были велики, многие из них были убиты и ранены. Предполагается, что в этом случае Брант повел в бой большие силы, состоявшие в основном из кайюга, сенека и могавков.

3 декабря того же года Конгресс предпринял еще одну попытку отвлечь шесть наций от британской службы, но безрезультатно. Индейцы теперь полностью сбросили маски и разослали различные отряды для нападения на поселения. Имели место жестокие стычки, среди которых можно упомянуть битву при Кобелскилле между отрядом регулярных войск и ополчением Шохари, всего пятьдесят два человека, и отрядом индейцев численностью 450 человек. Последние одержали победу, и американцы отступили, потеряв четырнадцать человек убитыми, восемь ранеными и двоих пропавших без вести. Затем индейцы сожгли несколько домов, уничтожили всех лошадей и крупный рогатый скот, которых не смогли отогнать, и взяли много другой добычи. Бродячие банды постоянно рыскали по долине Шохари и другим уязвимым местам, и многие люди были убиты или уведены в плен.

Среди экспедиций того периода, в которых Брант и Шесть наций, как их все еще называли, хотя и охватывали только четыре племени, участвовали в союзе с британцами, мы можем особенно отметить те, которые привели к разрушению Германских равнин и резне в долине Черри. Однако ужасные сцены в этом последнем месте, запечатленные в истории, слишком шокируют, чтобы описывать их подробно. Ни красота, ни молодость, ни невинность, ни возраст, ни благочестие не служили ни малейшей защитой от свирепости дикарей и их более чем диких подстрекателей. Каждый дом и амбар в деревне были подожжены, и тридцать или сорок заключенных всех классов и обоих полов были уведены, полуголых и дрожащих, через лес к отдаленному посту Форт Ниагара. По возвращении в страну Сенека дикари отпраздновали свои подвиги благодарственным танцем, принося в жертву, как обычно, собаку и выполняя различные церемонии снятия скальпа, размахивая ножами и рассказывая о своих достижениях в песнях.

Осенью 1778 года произошла знаменитая резня в прекрасной долине Вайоминга. Это прекрасное место было населено немцами и эмигрантами из Новой Англии, которые жили в

состоянии завидного покоя, комфорта и довольства. Первого июля силы численностью 1200 британцев и тори и 400 индейцев появились на реке Саскуэханна и начали свои враждебные операции. Поселенцы оказали храброе сопротивление, но в конце концов они были побеждены, и вся долина превратилась в место самого страшного опустошения. Эти потрясающие события обрели бессмертие под пером Кэмпбелла, который сделал их своей темой в трогательной поэме “Вайоминг”.^[10]

1779 год, который ознаменовался войной западных индейцев, а также шаванцев и делаваров в отдаленных частях Вирджинии, также был отмечен проектом Бранта по совместному нападению на дружественные Онейды. Это привело к экспедиции американцев в Онондагу против этого враждебного племени. Индейцы покинули свои деревни при приближении врага, но тридцать три из них были взяты в плен, а несколько человек убиты. Три деревни, состоявшие почти из пятидесяти домов, были сожжены дотла; было уничтожено большое количество провизии; сотня мушкетов и винтовок со значительным количеством боеприпасов составляли часть добычи.

Онондаги теперь жаждали мести, и 300 их воинов хлынули в долину Шохари, где они разграбили и сожгли Кобельскилл, в котором проживало около двадцати семей с момента его разрушения год или два назад. Могавки также внезапно ворвались в город Минисинк и опустошили поселение, сжигая, убивая и грабя повсюду. Между ними и отрядом, присланным из Гесема и его окрестностей, произошло сражение. Оно продолжалось с 11 часов утра до наступления темноты. Американцы, хотя и превосходили их численно, потерпели поражение и были вынуждены отступить из-за успешной засады, устроенной индейцами, и нехватки боеприпасов.

Теперь американцы предприняли энергичные усилия против племени сенека, самого многочисленного и свирепого из Шести народов. Генерал Салливан во главе большого отряда проник в их страну и разрушил сорок городов и деревень, в некоторых из них было по пятьдесят или сто домов, а в одном - целых сто двадцать восемь. Он также уничтожил 160 000 бушелей кукурузы, а также множество обширных полей и прекрасных фруктовых садов, на некоторых из которых росло 1500 деревьев. Прекрасная долина Джenezи, таким образом, превратилась в место запустения, и нация осталась без крова и лишений, чтобы встретить суровую зиму 1780 года. Однако до того, как он достиг страны Сенека, при Чемунге произошло жестокое сражение, в котором индейцы сражались с решительной храбростью, хотя и потерпели поражение и потеряли многих своих воинов. В другом сражении у Ньютауна все силы сенека и других индейцев, по разным оценкам насчитывавшие от 800 до 1500 человек, были разгромлены с большой резней. В этот период произошла трагическая сцена, связанная с жестокой смертью лейтенанта Бойда из армии генерала Салливана, который с небольшим отрядом людей был отправлен в разведывательную экспедицию. Они были отрезаны какими-то индейцами, и, попав в плен, лейтенант был предан смерти с пытками, слишком ужасными, чтобы их можно было описать.

Однако разрушение городов Сенеки не осталось без возмездия. Враждебно настроенные индейцы при поддержке британцев в 1780 году вторглись в деревни онейда и полностью разрушили их замок, церковь и жилища; таким образом, онейда в состоянии запустения были вынуждены обратиться к белым поселениям за защитой и помощью. Американское

правительство оказало им поддержку, разместив их до окончания войны в Скенектади и его окрестностях.

В том же году индейцы под предводительством Бранта совершили многочисленные набеги, которые сожгли Канаджохари и взяли пятьдесят два пленных, не считая убийства семнадцати человек. Сто сорок домов и амбаров были сожжены, двадцать четыре человека убиты и семьдесят три взяты в плен.

Города Джонстаун и Когнавага недавно подверглись нападению индейцев в связи с вторжением сэра Джона Джонсона в место его древней резиденции. Сенека, однако, все еще не насытился жаждой мести. Под командованием Корнплантера, знаменитого вождя этой нации, к которым присоединились Брант и несколько британских войск, они снова появились в долине Шохари с намерением завершить там разрушительную работу. Последовало несколько серьезных стычек, но их цель в значительной степени была достигнута, и весь регион опустел. Долина Могавков стала ареной аналогичного вторжения. Здесь, однако, враг был настигнут и разбит в битве при ферме Клока и вынужден искать спасения в бегстве.

В 1781 году индейцы участвовали в битве при Дурлаге, где после энергичной атаки и сопротивления они были разбиты, оставив на поле боя около сорока убитых. В октябре они также присутствовали в битве при Джонстауне и сражались с полудня до заката, когда, наконец, были вынуждены отступить; в ходе преследования был убит Батлер, печально известный лидер резни в Черри-Вэлли. Это была последняя экспедиция, в которой они участвовали до окончания американской войны.

В мирных статьях между метрополией и ее бывшими колониями не было предусмотрено никаких условий для индийских союзников англичан. Могавки, покинувшие свою страну, были приглашены сенеками занять часть их территории; но они отказались от этого, решив, по их словам, утонуть или плыть вместе с англичанами. Затем последний выделил им владения на северной стороне озера Онтарио, на берегу залива Квинт. Однако, не удовлетворившись этим, по их просьбе им был выделен еще один участок в шесть миль по обе стороны Гранд-Ривер, от устья до ее истока, примерно в сорока милях выше Ниагарского водопада.

Тем временем сахемы и воины Шести наций провели в 1784 году конференцию с агентами Соединенных Штатов. На Аллегани присутствовали представители племен могавков, сенека, онондага, кайюга, онейда и тускарорас, а также Сенека Абил, или сенека из клана кукурузных плантеров. По договору, который был заключен, Шесть наций отказались от части своей территории и должны были получить во владение то, что они тогда оккупировали. Договор, однако, не удовлетворил индейцев, и как Красная Куртка,^[11] известный оратор Сенека и Брант, вождь племени ирокезов, были крайне недовольны его условиями. Последний разработал план получения помощи от англичан на случай всеобщей войны индейцев с Соединенными Штатами, который он, очевидно, обдумывал.

Красная куртка.

Пограничные вопросы породили дополнительные трудности между новой республикой и индейцами. В декабре 1786 года в деревне Гурон состоялся большой совет, на котором

присутствовали представители Шести наций: гуроны, оттава, мiami, шаванцы, чиппева, чероки, делавары, потаватоми и конфедераты вабаш. Было согласовано обращение к Соединенным Штатам, мирное по своему характеру, но завершилось оно предложением, что в случае, если их мнения не будут совпадать, они должны выступить на поле боя и заявить о своих притязаниях с оружием в руках. В 1788 году состоялся еще один совет, на котором Бранту удалось продвинуться дальше в направлении военных действий; но цели вождя могавков на данный момент были нарушены договорами генерала Сент-Клера с западными индейцами в форте Гурон в 1789 году.

В 1791 году Шесть наций, после поражения генерала Хармара от западных индейцев, присоединились к ним в отправке делегации к британскому губернатору в Квебеке, чтобы узнать, можно ли надеяться на британскую помощь в дальнейшем ведении войны. Однако они получили от него лишь слабую поддержку, и Корнплантер приложил все усилия, чтобы помешать воинам Шести наций принять участие в состязании и склонить жителей Майами к миру. Эти и другие попытки увенчались лишь частичным успехом, поскольку в битве, которая вскоре после этого произошла и привела к поражению генерала Сент-Клера, как говорят, участвовало сто пятьдесят ирокезов со своим предводителем.

Переговоры, однако, продолжались в начале 1792 года; а осенью Корнплантер с сорока восемью вождями Шести наций, тридцатью вождями и воинами могавков и канадских индейцев, а также другими племенами за пределами канадской территории, посетил майамцев и провел совет с целью отговорить их от войны. Им удалось добиться от них согласия приостановить военные действия до весны, а затем встретиться с Соединенными Штатами в совете для дальнейшего обсуждения.

Описание операций в Огайо, связанных с этими событиями, можно найти в "Истории западных индейцев". Шесть наций желали, если возможно, установить мир, и было проведено несколько советов, на которых они присутствовали; но их усилия были тщетны. В результате предъявления Пенсильвией претензий на Преск-Айл Шесть наций были вынуждены занять враждебную позицию по отношению к Соединенным Штатам в 1794 году, и, вероятно, если бы не вмешательство Вашингтона, удерживающего Пенсильванию от преследования ее замысла, столкновение было бы неизбежным. Поражение западных индейцев от генерала Уэйна фактически успокоило Шесть наций, и вскоре за договором Джея с Великобританией последовал всеобщий мир.

Шесть народов продолжали проживать на своих соответствующих территориях. Среди них были приняты миссионеры, Библия была переведена на их язык, и многие были обращены в христианство. О миролюбивых настроениях того периода свидетельствует тот факт, что могавки и сенека соревновались друг с другом в спортивных упражнениях, особенно в игре в мяч и крикет, которым они научились у белых и в которых стали замечательными экспертами.

Когда в 1812 году разразилась война между Соединенными Штатами и Англией, могавки во главе с Джоном Брантом, младшим сыном великого вождя, приняли участие вместе с последним и присутствовали в ряде сражений на границах. Сенека и другие племена, проживающие в штате Нью-Йорк, были на стороне американцев. Совсем недавно многие из них переселились на Запад. Но сейчас можно найти слабые остатки некогда могущественной конфедерации. Кроме того, в результате неоднократных перемещений они настолько смешались с другими племенами, что их трудно отследить. Согласно недавнему отчету

Департамента по делам индейцев, к западу от Миссисипи проживает около 251 сенека из Сандаски и 211 сенека и шаванезе; общая численность индейцев Нью-Йорка оценивается в 3293 человека. К ним, вероятно, относятся онейды, онондаги и кайюги, а также такие реликвии других племен, которые можно найти в пределах штата Нью-Йорк. Путем неоднократных уступок и распродаж бывших резерваций они лишают себя своих древних жилищ; и недалеко те времена, когда едва ли найдется хоть один индеец-одиночка там, где они когда-то сеяли ужас своей численностью и доблестью и вызывали восхищение своим героизмом и проницательностью.

ЗАПАДНЫЕ ИНДЕЙЦЫ К ВОСТОКУ ОТ МИССИСИПИ.

Шаванцы, которые присоединились к делаварам и другим народам в войнах с индейцами, которые затронули западную часть Соединенных Штатов после окончания Революции, по-видимому, были южной нацией и, как говорят, когда-то проживали на реке Сувани во Флориде. У них есть традиция, согласно которой их предки переплыли море. Когда-то делавары были многочисленны и могущественны. Однако, как уже упоминалось, они были завоеваны великой конфедерацией Пяти наций, так что в течение значительного периода времени после этого они не составляли заметной фигуры в истории.

На большом совете, состоявшемся в Филадельфии в 1742 году вождями и воинами Шести наций и делаварами, с одной стороны, и англичанами, с другой, губернатор Пенсильвании заявил, что Уильям Пенн в ходе своих покупок купил определенные земли делаваров, которые они все еще сохраняли за собой, в то время как, в то же время, Шесть наций заявили права собственности. Он напомнил вождям Шести наций, что, поскольку они требовали от него изгнать белых, вторгшихся на их земли, Шесть наций были также обязаны изгнать индейцев с земель, право на которые англичане приобрели путем покупки.

Старый вождь Канассатега, резко упрекнув делаваров за их нечестность и двуличие, за продажу земли, которой они не владели, и за то, что они все еще удерживали ее в своем владении, насмеялся над ними за их унижение из-за того, что Шесть наций завоевали их и сделали женщинами; а затем объявил, что это решение вождей и воинов, что они должны

покинуть спорную территорию и переехать в Вайоминг или Шамокин. Делавары не посмели послушаться и сразу же удалились в Вайоминг.

Там уже поселились шаванцы; но, поскольку они были в дружбе с Шестью народами, они не делали попыток досаждать им. Таким образом, шаванцы заняли западный берег реки, в то время как делавары обосновались на восточном берегу и построили свой город. Однако прошло совсем немного времени, прежде чем возникла взаимная зависть, и после начала старой французской войны шаванцы отдали предпочтение французам, в то время как делавары, подобно Шести нациям, продолжали хранить верность англичанам.

Поначалу реальных боевых действий не было, но, как говорят, следующий инцидент вызвал отчаянную борьбу между этими соседями-соперниками. В то время как вожди делаваров однажды были заняты охотой в горах, их женщины и дети были заняты сбором фруктов на берегу реки ниже города. Несколько шаванских женщин и детей, видя, что они таким образом заняты, переплыли на веслах реку и присоединились к ним. Все они занимались спортом, но в течение утра ребенок из Шаванезии поймал большого кузнечика, и возникла ссора из-за права владения им. Драка среди молодежи привлекла внимание скво, которые приняли участие соответственно со своими детьми. От слов они перешли к драке; делавары заявили, что шаванцы не имели права переходить реку и нападать на их владения; и, будучи более сильной стороной, после того, как несколько человек были убиты с обеих сторон, они прогнали шаванцев и вынудили их вернуться через реку в свои дома.

По возвращении воинов они тоже вступили в состязание. Шаванцы вторглись на территорию делаваров, которые встретили их на берегу реки и сразились с ними, когда они высаживались из своих каноэ. Тем не менее, шаванцам после упорной борьбы удалось высадиться на берег, когда произошло ожесточенное и кровопролитное сражение, в котором несколько сотен человек были убиты с обеих сторон. Шаванцы были разбиты и, потеряв половину своей численности, были вынуждены вернуться. Поэтому они немедленно покинули Вайоминг и присоединились к основной части своего народа, уже обосновавшейся на реке Огайо. Делавары остались.

В 1761 году была проведена конференция между несколькими американскими губернаторами и Шестью нациями, на которой также присутствовали делавары. Здесь возник жаркий спор из-за некоторых земель, которыми вождь делаваров пожаловался, что англичане завладели в результате мошеннической передачи. Индейцы были таким образом недовольны, и французы с помощью эmissаров позаботились о разжигании беспорядков. Негодование шаванцев и делаваров еще больше усилилось из-за подозрения, что англичане разработали план их уничтожения. Поэтому они объединились с другими племенами на реке Огайо и народами вокруг Детройта и вдоль Миссисипи с целью внезапного и всеобщего нападения на границы и одним ударом отрезать жителей и их средства к существованию. Этот заговор, в котором знаменитый Понтиак^[12] был одним из главных духов, был разработан с большим искусством и секретностью.

В 1763 году буря, которая долго собиралась и о которой было слышно тихое бормотание, разразилась во всей своей ярости. Дикари врывались в поселения, вырезали жителей, и вся приграничная территория Пенсильвании, Вирджинии и Мэриленда на протяжении двадцати миль была покинута. Странствующие торговцы, находившиеся среди индейцев, были убиты и разграблены, а имущество на сумму в сотни тысяч фунтов стерлингов было утрачено.

Наступление было настолько ожесточенным и неожиданным, что несколько фортов, таких как Ле-Беф, Венанго и остров Преск, были захвачены врагом. Затем они предприняли нападение на Форт Питт, Детройт и Ниагару. Два первых были захвачены в одно и то же время, хотя их разделяло около трехсот миль.

Англичане отправили сильный отряд на смену этим постам. По достижении окрестностей форта Детройт было решено атаковать лагерь индейцев, расположенный примерно в трех милях от него. Но прежде чем приблизились англичане, индейцы сами начали атаку с предельной яростью, и войска были вынуждены отступить к форту, потеряв семьдесят человек убитыми и сорок ранеными. Однако индейцы, вскоре отчаявшись в успехе своего плана сокращения гарнизона, отказались от него и отступили.

Война все еще яростно велась вдоль всей западной границы. Осада форта Питт продолжалась долго, но после ожесточенных боев, в которых потери индейцев были велики, они были разбиты. Форт Ниагара также подвергся резкой атаке, но в конце концов враг был отброшен. Наконец дикари начали ощущать необходимость мира, который, соответственно, был заключен в сентябре 1764 года, хотя условия, продиктованные англичанами, были неблагоприятны для индейцев.

Летом 1774 года снова вспыхнули военные действия. Непосредственным источником этой войны были вторжения и бесчинства белых. Более ранний этап этого известен в истории как “Война Кресапа” из-за убийства неким кресапом семьи Логана, вождя племени минго,^[13] который поселился среди шаванцев в Огайо. За этим низменным актом предательства и жестокости, произошедшим весной 1774 года, последовало другое злодеяние, совершенное человеком по имени Грейтхауз, который пригласил большое количество индейцев выпить с ним и его людьми, а будучи в состоянии алкогольного опьянения, набросился на них и перебил. Эти и другие безобразия привели к объединению нескольких племен в войну, которая привела к опустошению многих отдаленных поселений. Губернатор Вирджинии, лорд Данмор, направил большой отряд войск под командованием генерала Эндрю Льюиса, который двинулся к слиянию Кенхавы с Огайо. Здесь утром 10 октября, как раз на восходе солнца, на него напал отряд индейцев численностью от восьми до полутора тысяч человек, состоящий из шаванцев, делаваров, минго, вайандотов, кайюга и других племен, возглавляемых Логаном, которому помогали Кукурузный Стебель, его сын и Красный Орел.

Говорят, что у индейцев было преимущество в позиции, и в начале сражения они вынудили вирджинские полки уступить дорогу. Но когда были подтянуты другие войска, индейцы, в свою очередь, были вынуждены отступить и укрыться за бруствером из бревен и хвороста, который они возвели. Здесь они отважно оборонялись и почти до наступления ночи. Кукурузный Стебель подбадривал своих людей, крича: “Будьте сильными, будьте сильными!” и, как говорят, он также вонзил свой томагавк в голову того, кто искал спасения в бегстве. Однако в конце концов индейцы были обойдены с фланга незамеченным движением отряда войск, который зашел им в тыл и вытеснил их с их позиций. Предположив, что виргинцы получили подкрепление, они бежали через Огайо и отступили к Сциото.

Столкнувшись с трудностями и опасностями, индейцы стали интересоваться, что же им делать. Кукурузный Стебель, который был против битвы, но которого отвергли на совете, теперь заговорил. “Что нам делать? Длинные Ножи приближаются к нам двумя путями. Должны ли мы выйти и сразиться с ними?” Поскольку никто не ответил, он спросил: “Должны ли мы убивать

наших женщин и детей, а затем сражаться до тех пор, пока нас самих не убьют?” Все замолчали, и Кукурузный Стебель ударил своим томагавком по военному столбу, сурово воскликнув: “Поскольку вы не готовы сражаться, я пойду и заключу мир”. Соответственно, он отправился в английский лагерь, где начались переговоры и был заключен мирный договор.

Логан не присутствовал на совете, но был отправлен специальный гонец, чтобы получить его согласие. Кукурузный Стебель, как оказалось, превосходил его даже как оратор. Американский офицер, присутствовавший при беседе этого вождя с лордом Данмором, говорит: “Я слышал первых ораторов Вирджинии, Патрика Генри и Ричарда Генри Ли, но никогда не слышал ни одного, чья сила речи превосходила силу Кукурузного стебля”.

В начале войны за независимость делавары присоединились к колонистам, во многом благодаря, как говорят, влиянию вождя Белых Глаз, который был верным другом колонистов, в противовес другому вождю по имени Пайп. На совете, созванном в Питтсбурге для обсуждения этого вопроса, он смело заявил, что не будет участвовать в войне, целью которой было уничтожение народа, родившегося на одной земле с ним. Американцы, сказал он, были его друзьями и братьями, и ни одна нация не должна диктовать ему или его племени курс, которого они должны придерживаться. В ходе последовавшей войны он также отправил послание шаванцам, с которыми был в союзе, предостерегая их от участия в ней. Язык характерен для индейцев. “Внуки, - говорит он, - несколько дней назад стая птиц, прилетевшая с востока, села в Гошочкинге, навязав нам свою песню, которая едва не привела нас к гибели. Если эти птицы, которые, покинув нас, улетели в Сциото, попытаются навязать вам свою песню, не слушайте их, ибо они лгут”.

Однако, несмотря на все усилия этого вождя, делавары, как и другие западные индейцы, в конце концов стали относиться к американцам враждебно. Весной 1778 года Пайпу почти удалось вовлечь их в соревнование. Подстрекаемый лоялистами, он собрал большое количество воинов и объявил каждого врагом своей страны, который должен попытаться убедить их не сражаться с американцами, и объявил, что все такие должны быть преданы смерти. Но Белоглазый также собрал своих людей и обратился к ним с большой серьезностью и пафосом. Видя, что некоторые из них готовятся взяться за топор войны, он сказал им, что такой поступок чреват гибелью для них самих. Однако, если бы они не поверили ему и были полны решимости отправиться на войну, он пошел бы с ними. “Но, ” добавил он, - это не должно быть похоже на то, когда охотник натравливает своих собак на медведя, чтобы тот был разорван на куски его лапами, в то время как сам он держится на безопасном расстоянии. Нет, я поведу вас в самую гущу сражения; я сам буду в первых рядах и паду первым. Теперь вам остается только определиться с вашим курсом. Со своей стороны, я полон решимости не выживать в моей убитой и разрушенной стране. Я не собираюсь проводить последние дни жизни в трауре по поводу гибели моего народа”.

Теперь вождь получил мирное послание от американцев, и индейцы решили последовать его совету. Такое положение вещей, однако, продолжалось недолго. Шаванцы уже некоторое время вели войну с полковником Дэниелом Буном и пионерами западных поселений, и имели место различные стычки. В феврале 1778 года Бун был взят в плен и принят в одну из семей Шаванцев как сын. Но вскоре после этого он нашел способ сбежать и вернулся домой.

Летом этого года полковник Кларк и капитан Боумен совершили несколько блестящих подвигов против индейцев в Каскасии и Сент-Филипсе, на территории Иллинойса. В 1779 году индейцы, потерпев тяжелые поражения, провели конференцию с полковником Бродхедом в форте Питт. Присутствовали вожди делаваров, вайандотов и гуронов, а также король макихи, ветви шаванцев. Был заключен частичный договор, но военные действия вдоль границы все еще продолжались. В 1780 году индейцы подверглись суровому наказанию, и некоторые из них на какое-то время внушили благоговейный страх. В 1782 году под руководством энергичных операций генерала Кларка война на западной границе была доведена до конца. Во время этой затяжной борьбы большинство племен от Мичилимакина до устья Огайо выступили против нас, и произошло много событий, представляющих глубокий интерес. Война была отмечена теми дерзкими актами жестокости, которых мы могли бы ожидать от разъяренных дикарей и лесных жителей, не привыкших к эмоциям страха или жалости.

Беспокойный и сомнительный мир продолжался некоторое время; но пограничные вопросы, в которых индейцы всегда были тупы и сбиты с толку, вскоре стали поводом для раздражения. Военные действия последовали в западных частях территории Огайо, и индейцы, подвергавшиеся воздействию английских эmissаров, не были умиротворены всеми усилиями генерала Вашингтона по ведению переговоров. Потребовались решительные меры, и в сентябре 1790 года против них был послан генерал Хармар с отрядом в 1450 человек. При его приближении индейцы оставили свой главный город, предварительно подожгв его, но, снова собравшись, атаковали отряд из двухсот десяти человек, тридцать из которых были постоянными солдатами. Ополченцы обратились в бегство, и все регулярные войска, кроме семи, были убиты. На следующий день произошло еще одно кровопролитное сражение между тремя сотнями шестьюдесятью мужчинами и большим отрядом индейцев, в результате которого американцы потерпели поражение с потерей нескольких офицеров и ста восьмидесяти трех человек. Говорят, что индейцы потеряли сто двадцать воинов. Победу одержали американцы, хотя они и отступили, и последствия этого заключались в том, что индейцы стали более смелыми в своих набегах на приграничные поселения.

Теперь были предприняты различные усилия для установления всеобщего мира, но, хотя было проведено несколько советов и британский губернатор и другие офицеры использовали свое влияние для достижения этой цели, индейцы по-прежнему оставались враждебными.

Таким образом, в 1791 году генерал Сент-Клер двинулся маршем в страну Майами. Его армия насчитывала около двух тысяч человек. Индейцы постоянно преграждали ему путь, и по мере того, как он продвигался, ополчение начало дезертировать, пока все его силы не сократились примерно до полутора тысяч человек. Приблизившись примерно на пятнадцать миль к деревням Майами, армия остановилась и разбила лагерь на ночь у ручья, а ополчение перешло разбить лагерь на другом берегу. Здесь предполагалось организовать временную оборону и дожидаться возвращения отряда, который был отправлен обратно для охраны припасов. Но у индейцев и в мыслях не было допустить этого соединения; и примерно за полчаса до восхода солнца они атаковали ополченцев, которые были в четверти мили впереди. Эти войска не стали сопротивляться, а в величайшем смятении побежали в лагерь, где привели все войско в беспорядок. Индейцы сражались с предельной яростью, атакуя артиллерию со всех сторон, и, хотя регулярные войска отбросили их назад на острие штыка, им удалось окружить американцев. Яростной атакой наши войска пробили проход в тылу и таким образом осуществили свое отступление. Однако ужас, внушенный людям, был так велик, что многие из

них, спасаясь бегством, побросали оружие и амуницию даже после того, как преследование прекратилось.

В этом знаменитом сражении индейцы потеряли около ста пятидесяти человек убитыми, не считая раненых; в то время как из американцев более пятисот человек, включая офицеров и рядовых, были убиты и двести шестьдесят ранены. Они также потеряли свое лагерное снаряжение и поклажу, шесть или восемь полевых повозок и четыреста лошадей. Число индейцев, участвовавших в сражении, по разным оценкам, составляет от 1000 до 1500 человек. Говорят, что их командиром был Мешекунakwa, или Маленькая Черепаха, вождь племени миами. Также утверждается, что Брант, у которого было около ста пятидесяти ирокезов, принимал большое участие в акции.

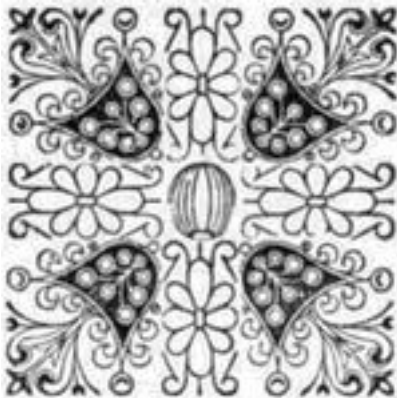
В течение двенадцати месяцев, последовавших за этим ужасным поражением, границы подвергались более ожесточенным нападениям, чем раньше. Рассказывается о многочисленных примерах смелости индейцев, нападавших на поселенцев, а также о храбрости этих отважных пионеров Запада при отражении нападения врага. В одном случае группа напала на жилой дом и тяжело ранила мужа, так что защита легла на плечи жены и дочери. Им удалось закрыть дверь, так что индейцам пришлось прорезать отверстие, через которое можно было войти. Когда один из них ударил его в голову, доблестная женщина сразила его топором и втянула тело внутрь. Еще четверых, одного за другим, предположив, что убитые таким образом воины проникли внутрь, постигла та же участь. Отказавшись от этого способа нападения, они затем взобрались на крышу и попытались спуститься по дымоходу; но две героини вылили содержимое перины в огонь, враг, спускаясь, задохнулся, упал и был забит до смерти искалеченным мужем поленом. Еще один индеец, попытавшийся снова открыть дверь, был тяжело ранен, и отряд, обескураженный столь упорным сопротивлением и, несомненно, вообразивший, что силы внутри больше, чем были на самом деле, отступил.

После нескольких безрезультатных попыток переговоров в различных советах генерал Уэйн, назначенный преемником генерала Сент-Клера, продвинулся в глубь Майами. Ожесточенное сражение произошло в форте Рекавери, который был разбит на поле поражения Сент-Клера. Индейцев повел вперед Маленькая Черепаха, которая, застигнув врасплох отряд американцев, загнала их в форт. Продвигаясь вперед, в надежде проникнуть в форт во время преследования, по индейцам был открыт шквальный огонь, которые были вынуждены отступить. Однако на следующий день они возобновили штурм, но снова были отброшены.

8 августа 1794 года генерал Уэйн достиг слияния озер О-Глаиз и Майами, где находились основные индейские деревни. В тридцати милях от этого места силы индейцев, насчитывавшие почти две тысячи человек, были собраны недалеко от британского форта. Несмотря на предосторожности Уэйна, индейский вождь знал о его приближении и приготовился к битве. Американские офицеры еще раз предприняли попытку переговоров, но она оказалась безуспешной. Индейцы выстроились в три линии недалеко от форта, на подходящем расстоянии друг от друга. Началась атака, и они попытались обойти левый фланг американской армии. К счастью, Уэйн расположил свои силы таким образом, чтобы противодействовать планам противника. Бой был жестоким, но вскоре индийские войска были выбиты со своих позиций, оставив американцам полную победу.

Говорят, что в этой акции участвовали семь народов — миами, вайандоты, потаватоми, делавары, шаванцы, чиппева и оттава. Все присутствующие вожди вайандотов были убиты, и многие другие тоже пали. Говорят, Маленькая Черепашка не любил драться, полагая, что Уэйн был более бдительным офицером, чем те, с кем онисражались раньше. Но Синий Мундир, великий воин среди шаванцев, одержал верх в совете, и результатом стало то сражение, которое мы описали, с последующим поражением.

Вся густонаселенная индейская местность была опустошена на двадцать миль вокруг. “Берега рек, ” пишет Уэйн в своих депешах, “ казались одной сплошной деревней, а поля кукурузы были огромными”. И все же они представляли собой картину запустения. Через год после этого, когда все надежды на помощь со стороны англичан были уничтожены договором Джея, индейцы возжелали мира, и условия были предложены и приняты 3 августа 1795 года.

ЗАПАДНЫЕ И ЮЖНЫЕ ИНДЕЙЦЫ.

Мир, отмеченный в конце предыдущей главы, продолжался почти до начала последней войны с Англией. В тот период знаменитый Текумсе приступил к осуществлению своего замысла по воплощению западных индейцев в грандиозных усилиях по сдерживанию развития американских поселений. Столь обширный план никогда прежде не предпринимался индейским вождем. Его брат, Пророк, в своем священном обличье посещал отдаленные племена, даже те, что за Миссисипи, и изливал свое волнующее красноречие на воинов вплоть до подножия Скалистых гор. Если бы конфедерация действительно достигла совершенства, история событий была бы написана более кровавыми строками, чем те, которые отражают реальность.

В то время как Пророк руководил Западом, Текумсе пламенными словами разжигал пламенные страсти южных индейцев. Без особого труда ему удалось вдохновить воинов Ручья частью своего собственного огня, и зарытый топор войны снова был поднят в яростной атаке на поселения в пределах их досягаемости. Но часть народа Крик, однако, была вовлечена в эти сделки; некоторые из них все еще остаются дружелюбными к нашему народу. Главных вождей звали Уэзерфорд, Большой Воин и Маленький Воин. Главным аргументом, который Текумсе привел им, была перспектива приближающейся войны между Соединенными Штатами и

Великобританией, которая, по его словам, предоставит индейцам возможность отомстить за причиненные им обиды и восстановить свои права.

Первым натиском была хорошо известная атака и захват форта Миммс. Им командовал майор Бисли с сотней добровольцев; кроме того, большое количество жителей, предвидя бурю, собрались там в целях безопасности. Несмотря на предупреждение о готовящемся нападении, форт был застигнут врасплох около полудня 30 августа 1812 года. Едва часовой успел возвестить о приближении индейцев, как они с ужасающим воплем бросились к открытым воротам. Гарнизон был немедленно взят под ружье, и командир с несколькими своими людьми бросился к входу, чтобы закрыть его и изгнать врага; но он был смертельно ранен. Конфликт был отчаянным. Ворота, однако, в конце концов были закрыты, и индейцы, занявшие блокгауз неподалеку, были изгнаны после большого кровопролития. Штурм продолжался в течение часа с внешней стороны пикетов, и нападавшие несколько раз выносили иллюминаторы, которые гарнизон отбивал.

Индейцы на короткое время отступили, явно обескураженные; но, подгоняемые своим пламенным предводителем Уэзерфордом, они вернулись в атаку, разрубили топорами ворота, прорвали частоколы и овладели открытым пространством внутри, вынудив гарнизон отступить к зданиям. Здесь они встретили доблестное сопротивление, но индейцам в конце концов удалось поджечь крыши, и последовала настоящая резня. Женщины и дети, старые и молодые - все были сбиты в кучу в этих жилищах, и в духе жестокой войны все были принесены в жертву. Едва ли хоть одна живая душа спаслась от этой ужасной сцены, и, как говорят, погибло около двухсот шестидесяти человек.

Эта катастрофа научила жителей, чего им следует ожидать в открывшемся для них противостоянии, и вызвала немедленные усилия как в Теннесси, так и в Джорджии по подготовке к кризису. Было решено немедленно перенести войну на территорию вражеской страны. Командование экспедицией из Теннесси было поручено человеку быстрых решений, твердой и непоколебимой цели, завоевателю по своей натуре, — генералу Эндрю Джексону. По пути к Косе он отправил отряд атаковать индейскую деревню Литтафутчи, расположенную на притоке вышеназванной реки. Это место было захвачено вместе с несколькими пленными.

Теперь крики сосредоточили свои силы в Таллушатчесе, также на реке Куса. Генерал Джексон отправил против них генерала Коффи с девятью сотнями кавалеристов и конных стрелков. Куса перешли вброд, и, когда он приблизился, крики ударили в свой боевой барабан, запели свои военные песни и с ужасающими криками выступили из своей деревни, смело атакуя войска. Последовала ужасная схватка, и индейцы, в своей ярости не желавшие получать пощаду, были перебиты в огромном количестве. Двести их воинов пали, а женщины и дети были взяты в плен. В своем официальном отчете генерал Коффи говорит, что противник сражался до тех пор, пока мог стоять или сидеть, используя в основном лук и стрелы после первого выстрела, хотя иногда заряжал и разряжал свое оружие.

Это кровавое сражение было первым в серии, носящей тот же общий характер. Генерал Джексон вскоре двинулся вперед, чтобы освободить форт Талладега, которому угрожала судьба форта Миммс. Крики были обнаружены расположившимся лагерем в четверти мили от этого места, и, когда линии американских войск продвинулись вперед, они подверглись нападению индейцев, которые, однако, были вынуждены отступить, потеряв двести девяносто человек убитыми на поле боя и еще больше ранеными.

Примерно в то же время генерал Флойд с девятьюстами пятьюдесятью ополченцами Джорджии и тремя или четырьмя сотнями дружественных индейцев встретился с враждебными ручьями этого региона на берегах реки Таллапуза. Последовало сражение, в котором индейцы появлялись на каждом шагу и сражались с отчаянной храбростью. После упорного сопротивления они были разбиты и изгнаны с равнины, а дома двух их городов были объаты пламенем.

Несмотря на их неудачный исход, индейцы еще не были готовы к покорности, и на реке Алабама произошло еще одно сражение с войсками под командованием генерала Клейборна. Их крепость была взята, тридцать или сорок воинов были убиты, а двести жилищ сожжены. Также был разрушен другой город из шестидесяти домов, расположенный в восьми милях выше, с несколькими выдающимися вождями и всеми лодками, принадлежавшими индейцам в этой местности.

В то время как эти операции происходили на стороне Джорджии, генерал Джексон наступал с запада. Произошло несколько ожесточенных столкновений, но великая битва, сломившая силы индейцев, произошла у Подковы, излучины Таллапузы. Здесь собралась тысяча или больше криков из своих городов и они сильно укрепились. Генерал Джексон с отрядом в три или четыре тысячи человек атаковал их позиции, разместив часть своих войск таким образом, чтобы отрезать врагу путь к отступлению. Форт был взят штурмом, и индейцы потерпели полное поражение. Пятьсот пятьдесят семь человек остались мертвыми на поле боя, и большое количество было убито кавалерией при попытке переправиться через реку.

Это было действительно ужасное сражение. Бои продолжались в течение пяти часов. Индейцы отказались сдаваться, ответив на сделанные им на этот счет предложения залпами огнестрельного оружия. Теперь их число значительно сократилось, и пророки, к которым они призывались, почти все пали. Униженные дикари, наконец, почувствовали, что продолжать борьбу безнадежно, и, соответственно, запросили мира. Таким образом, 10 августа 1814 года был заключен договор, по которому их территории были еще раз ограничены такими границами, которые могли бы помешать им беспокоить народ Соединенных Штатов.

Вождь Уэзерфорд, возглавлявший несколько самых дерзких атак, говорил по этому поводу с большим чувством. “Я в вашей власти”, - сказал он генералу Джексону, который был назначен вести переговоры с ними. “Делайте со мной, что вам заблагорассудится. Я солдат. Я причинил белым людям весь вред, какой только мог. Я храбро сражался с ними. Если бы у меня была армия, я бы сражался до последнего, но у меня ее нет; мой народ ушел. Сейчас я могу только оплакивать несчастья моего народа. Когда-то я мог воодушевлять своих воинов на битву, но я не могу воскрешать мертвых. Мои воины больше не слышат моего голоса. Их останки находятся в Талладеге, Талушатчесе, Эмакфаве и Тохопеке. Я не сдался бездумно. Пока были шансы на успех, я никогда не покидал свой пост и не молил о мире. Но мой народ ослаблен, и теперь я прошу этого ради своей нации и себя. О невзгодах, постигших мою страну, я оглядываюсь назад с глубочайшей скорбью и желаю предотвратить еще большие бедствия. Если бы мне пришлось сражаться с войсками Джорджии в одиночку, я бы выращивал свою кукурузу на одном берегу реки и сражался с ними на другом; но вы уничтожили мою нацию. Ты храбрый человек; я полагаюсь на твое великодушие. Ты не будешь требовать от покоренного народа никаких условий, кроме тех, которые они должны принять. Какими бы они ни были, сейчас было бы

безумием сопротивляться. Вы сказали нам, куда мы можем пойти и быть в безопасности. Это хорошая речь; моя нация должна слушать, и они послушают”.

После этой речи Большой Воин выступил с речью, пообещав соблюдать договор. С этого времени крики, а также чероки и чокто жили в мире. Часть этого народа, носящая название семинолов, изгнав часть учи из Флориды, объединила остатки этого племени с собой. Здесь, в Эверглейдс и дип-фестнесс, они вели долгую и кровопролитную войну с Соединенными Штатами, в ходе которой американцы потратили миллионы денег и потеряли огромное количество своих солдат либо в сражениях, либо от болезней. Главными лидерами семинолов были Миканопи, Филип, Крик Билл и Оцеола. Последний, полукровка, был главным духом; но, попав в плен, он умер в плену у американцев в форте Моултри в Чарльстоне, Южная Каролина, в 1838 году. После длительной борьбы семинолы были покорены, и большая их часть, так же как и другие южные индейцы, была переселена на западный берег Миссисипи. Среди криков развито земледелие, и до сих пор их насчитывается около двадцати тысяч или более в различных частях страны.

Война Соединенных Штатов с Черным Ястребом,^[14] а также Саксы, лисы и Виннебагои в 1832 году здесь нет необходимости подробно описывать. Достаточно сказать, что это на какое-то время нарушило порядок на северо-западной границе, но привело к полному поражению дикарей и капитуляции вождя.

Краснокожий человек быстро исчезает из населенных районов Соединенных Штатов; кое-где к востоку от Миссисипи встречаются небольшие общины индейцев. Каждый год они становились свидетелями новых актов агрессии на их территории со стороны белых, которые продолжали отнимать у них их собственность и отнимать у них их земли. Никто не может сомневаться в том, что часто совершалась великая несправедливость и что они часто были вынуждены уступать силе, а не чувству справедливости. И все же есть одна компенсация: среди них распространился мягкий дух Евангелия, и среди них появились христианские общины с преданными и верными лидерами. Мы подробнее остановимся на некоторых фактах на этот счет на следующей странице, а сейчас лишь отметим, что успех, недавно сопутствовавший благотворительным усилиям миссионеров, оправдывает надежду на то, что некоторые остатки этих племен еще могут быть сохранены и впоследствии смогут свидетельствовать о более гуманной политике со стороны их завоевателей.

РАЗЛИЧНЫЕ ПЛЕМЕНА СЕВЕРНЫХ И ЗАПАДНЫХ ИНДЕЙЦЕВ.

Обширная территория, раскинувшаяся к северу от великой цепи озер, отделяющих британские провинции от Соединенных Штатов, и далеко на западе за истоками рек Миссури и Колумбия, населена многочисленными племенами индейцев. Среди них, в британских провинциях, чиппева, ассиннибойны, индейцы снежк, стоун, бивер, коппер и заяц. Это кочующие племена, у которых нет истории, заслуживающей этого названия, хотя время от времени они в большей или меньшей степени участвуют в войнах друг с другом. Регионы, в которых обитают многие из них, холодны и бесплодны, и они почти полностью живут охотой и рыбной ловлей, снабжая торговцев мехами и получая взамен те товары, в которых они нуждаются. Некоторые из них - пенсионеры, получающие британскую премию за заслуги, оказанные в прошлых войнах.

Еще дальше к северу, на берегах Лабрадора, мы встречаемся с эскимосами, особой расой, которые во время долгой зимы, царящей вокруг них, живут взаперти в своих хижинах, а в начале короткого лета отправляются добывать средства к существованию рыбной ловлей и охотой. Они, по-видимому, представляют собой расу, отличную от краснокожих индейцев, поскольку, как правило, невысоки ростом и имеют цвет лица, приближающийся к белому. Однако в глубине страны они, как говорят, выше. Они обладают большим мастерством в управлении своими каноэ или лодками, а также в дрессировке своих собак, запряженных в нарты, которые служат им так же, как северный олень своему лапландскому хозяину. Их история в основном состоит из доброжелательных и успешных усилий моравов распространить на них благословения христианской религии. Таким образом, некоторые из них, особенно на Лабрадоре, были цивилизованы и обращены в христианство. Прогресс миссионерской деятельности среди них был наиболее интересным и полностью отражен в истории моравских миссий. В течение длительного периода эти самоотверженные люди трудились среди трудностей, которые могли бы обескуражить других, движимых менее возвышенными мотивами. Проходил год за годом, а холодные сердца, подобные ледяным скалам их родной земли, по-прежнему не откликались на теплые призывы христианского миссионера; но, наконец, сердца растаяли, и они почувствовали желание узнать еще больше о духовных вестях, которые были принесены в их замерзшую страну.

Отважный исследователь далеких северных областей по суше или по морю иногда встречается эскимосов, бродящих по покрытым льдом равнинам; но в этой стране зимнего бесплодия мало что могло вызвать приступы алчности; и поэтому они оставались сравнительно мирными, если не считать того, что некоторые бродячие банды северных индейских племен время от времени нападали на них во время их охотничьих вылазок.

В "путешествиях Маккензи, Хирна, Франклина, Бэк" и путешествиях Росса и Парри мы находим случайные упоминания о различных племенах, которые кочуют по обширной территории в направлении северного полюса. Но поскольку в основном это описания отдельных людей или семей, они едва ли претендуют на место на этих страницах.

Чиппева, которых раньше называли алгонкинами, представляют собой обширную, хотя и разрозненную группу, и до сих пор участвовали в кровопролитных войнах с другими племенами, особенно с отагами и сауки. Когда-то они значительно уступали своим противникам как по численности, так и по силе; но в одном конкретном случае, о котором рассказывает Карвер, они

получили большое преимущество в войне, что привело, в конце концов, к прочной дружбе между соперничающими нациями.

На западе с эскимосами, а также недалеко от чиппева, граничат книстено, или индейцы кри, населяющие обширные территории страны. Это хорошо сложенная раса, и их женщины - самые красивые из индианок. Говорят, что они гостеприимны, щедры и кротки; не очень стараются говорить правду, но в остальном честны, так что им разрешается беспрепятственно разгуливать по торговым постам. Они вели долгие и кровопролитные войны с черноногими. Они более сильны по телосложению, а также более многочисленны; и хотя воинов книстено значительно поубавилось, они часто доказывали, что благодаря своей превосходной ловкости могут полностью противостоять своим воинственным противникам. Вероятно, это часть чиппева, на которых, как говорят, они очень похожи как внешне, так и на языке.

Ассиннибойны, или каменные индейцы, хотя и имеют привлекательную внешность, представлены как великие воры, крадущие все, что попадает им под руку, особенно лошадей. Они находятся в состоянии постоянной войны с индейцами-рабами, которые живут дальше на запад и на которых они похожи. Они отчаянны и отважны. Предполагается, что ассиннибойны изначально принадлежали сиу, поскольку они очень похожи на них как чертами лица, так и манерами.

Чиппевайцы, будучи такими же, как чиппева в Соединенных Штатах, делятся на множество племен. Они отличаются от кри гостеприимством, поскольку никогда не отдают и не принимают по-доброму. Их споры обычно разрешаются борьбой, и победитель поединка может увезти жену побежденного в качестве приза.

Могущественный народ сиу, или дакоты, частично занимает регион к западу от Миссисипи, недалеко от водопада Святого Антония, хотя основная их масса обитает в верховьях Миссури. Это те самые индейцы, которых Карвер называет наудовесси, и они всегда были великими воинами. Они разделены на множество групп, каждая из которых названа по имени своего вождя, таких как The Black Dog band, the Red Wing's band и т. Д. Они всегда были в состоянии войны с чиппева и являются смертельными врагами Осейджей, которых они сильно ослабили и которые внушают им великий страх. Они занимают обширную территорию, и, как утверждается, главным объектом их раздора с чиппева на протяжении двухсот лет была территория от реки Рам до Ривьер-де-Корбо, обе стороны заявляли, что она принадлежит им. Они покорили и уничтожили огромное количество своих краснокожих братьев и захватили весь регион, простирающийся от берегов Миссисипи до устья Грейт-Платт, вместе с равнинами, лежащими к северу, между Миссисипи и Черными холмами. Они образуют шесть отдельных племен, насчитывающих около 28 000 душ, питающихся в основном мясом буйволов и дикими лесными плодами. Они также используют местный рис, который собирают многими тысячами бушелей. Взбунтовавшаяся банда этой нации, называемая осинпойи, как говорят, состоящая из 8000 человек, живет недалеко от Скалистых гор.

Кэтлин делит нацию сиу на сиу Миссисипи и сиу Миссури. Он говорит, что они разделены на сорок два отряда, или семейства, у каждого из которых есть вождь; они признают главного вождя, которому они подчиняются.

Приток Миссисипи, расположенный недалеко от поселений белых, несколько развит в цивилизации, но представляет собой лишь несовершенный образец более благородных воинов, которые живут на берегах Миссури и кочуют по равнинам между этой рекой и Скалистыми горами. В то время, когда Кэтлин посетила их, главным вождем сиу был Хаванджета, широко известный своей доблестью в войне и охоте. О нем мы знаем следующую историю.

Хаванджета каким-то образом стал случайной причиной смерти его единственного сына, очень красивого юноши; и временами душевные муки его были так велики, что он впадал в неистовство и безумие. В одном из таких настроений он вскочил на своего любимого боевого коня, с луком и стрелами в руке, и помчался во весь опор по прериям, повторяя самую торжественную клятву, “что он убьет первое живое существо, которое попадется на его пути, будь то человек или зверь, друг или враг”. Никто не осмелился последовать за ним, и после того, как он отсутствовал час или два, его конь вернулся в деревню с двумя стрелами в теле и весь в крови! Теперь возникли самые серьезные опасения за судьбу вождя, и группа воинов немедленно вскочила на коней и по следам животного направилась к месту трагедии, где они нашли тело своего вождя, ужасно изуродованное и забоданное буйволом, туша которого была растянута рядом с ним.

Затем индейцы произвели тщательное обследование местности, установив по следам, что их несчастный вождь, руководствуясь своим неудачливым решением, встретил бизона в то время года, когда животное упрямо и не желает ни от кого убежать, и привел животное в ярость, выпустив в него несколько стрел, что, таким образом, привело его в яростную схватку. Затем вождь спешил и, отвязав своего коня, выпустил в него пару стрел, которые отправили его домой во весь опор. Затем он выбросил свой лук и колчан, встретившись с разъяренным буйволом одним ножом, — отчаянная битва, приведшая к гибели обоих. Многие кости вождя были сломаны, когда его забодали и затоптали до смерти; а его огромный противник лежал рядом с ним, заливаясь кровью из сотни ран, нанесенных длинным обоюдоострым ножом вождя.

Говорят, что саксы, или сауки, и лисицы, которых французы называют ренарами, относятся к числу самых воинственных из этих северных дикарей. “Ни одно индейское племя, кроме сиу, не проявляло такой дерзкой отваги и такой непримиримой ненависти к другим племенам. Было известно, что их вражда, однажды возбужденная, никогда не утихала до тех пор, пока стрела или томагавк навсегда не повергали их врагов ниц. На протяжении веков прерии Иллинойса и Айовы были ареной их истребительной доблести; и им следует приписать почти полное уничтожение миссурийцев, иллинойсцев, кахокийцев, каскаскийцев и пеорий. Однако они были постоянны и искренни в своей дружбе с белыми, и много найдется честных поселенцев на границах их старых владений, которые с самыми теплыми чувствами упоминают уважительное отношение, которое они оказывали им, пока он рубил бревна для своей хижины и вспахивал картофельную грядку на этой одинокой и незащищенной границе ”.

Это племя ранее владело значительной частью северной части Иллинойса и большей частью штата Миссури. Их дружеские отношения с Соединенными Штатами впервые были разорваны в 1832 году. Между их вождями и комиссарами Соединенных Штатов был заключен договор, по которому они продавали свои земли к северу от Рок-Ривер в штате Иллинойс. В этой части страны находились старые деревни и места захоронений народа. Хотя их вожди сочли нужным

распорядиться этим участком, все же племя не могло без борьбы уступить любимые и священные места, где все было связано с их прежней историей. Некоторые вожди, и среди них Черный Ястреб, заявили, что белые обманули их и что они не соглашались на такую продажу, которую пытались навязать им. Поэтому они взялись за топор войны, чтобы возместить ущерб; но состязание закончилось, как мы уже рассказывали, тем, что их прогнали через Миссисипи и захватили в плен этого знаменитого вождя.

Среди них все еще встречаются способные вожди, портреты и зарисовки которых сделала Кэтлин. Говорили, что Кеокак, глава племени, который сейчас мертв, обладал выдающимися способностями, и многие люди, видевшие его во время его визита в Вашингтон и некоторые города Атлантики в 1837 году, будут помнить его.

Саксы и лисы раньше были двумя разными племенами, но с течением лет объединились в один народ. Следующий отчет о них дан командующим фортом Армстронг в 1820 году. "Вопрос Маско, вождю племени сауков. 'Как называется ваш народ?' Ответ. 'Сколько мы себя помним, у нас никогда не было другого имени, кроме Сауки или Сауки-ук' (Сауки - единственное число, Сауки-ук - множественное число). Вопрос. 'Каково его первоначальное название?' Ответ. 'С тех пор, как Великий Дух создал нас, у нас было это имя и никакое другое'. Вопрос. 'Под каким названием он был известен среди европейцев?' Ответ. - Французы называли нас этим именем, но с тех пор белые люди называют нас сауками.

Вопрос Вахбалло, главному вождю народа Лисиц. 'Как называется твой народ?' Отвечай. 'Мускуак-кие, или Мускуак-ки-кук'. Вопрос. 'Каково его первоначальное название?' Ответ. 'С тех пор, как Великий Дух создал нас, у нас было это имя и никакое другое'. Вопрос. 'Под какими именами это было известно европейцам?' Ответ. 'Французы называли нас ренардами, и с тех пор белые люди называют нас Лисами. Вопрос. - Какая-нибудь часть ваших племен рассеяна в других частях света? Ответ. 'Да'. Вопрос. 'Где?' Ответ. 'Некоторые из наших людей живут на Миссури, некоторые возле форта Эдвардс, а некоторые среди Потаватоми'. Вопрос. 'К каким народам вы относитесь по языку?' Ответ. 'Саук, фокс и кикапу связаны по языку'. Вопрос. 'По манерам и обычаям?' Ответ. 'Манеры и обычаи сауков, фоксов и кикапу одинаковы, за исключением тех, кто общается с белыми'. Один из вождей добавил, что шаванцы произошли от народа сауков. Вопрос. 'Какие племена вы называете дедушками?' Отвечайте. 'Делавары называют нас и всех других индейцев внуками, а мы, в свою очередь, называем их дедушками; но мы не знаем о каком-либо родстве между ними и нами'. Вопрос. 'У каких племен есть внуки?' Ответ. 'Нет племен или наций, которые мы называем внуками'. Вопрос. 'Где находится великий огонь совета для всех племен, связанных с вашими собственными племенами?' Ответ. "У нас нет определенного места; когда нам нужно заключить какое-либо дело, это делается в какой-нибудь из наших деревень".

Индейцы Отоу частично принадлежат к племени Миссури, к которому они объединились после того, как саксам и фоксам удалось рассеять это племя. Когда французы впервые пришли в страну, миссурийцы были самым многочисленным племенем в окрестностях Сент-Луиса. Говорят, что они были энергичной расой, пока почти все не были истреблены своими врагами-индейцами и оспой. Эта болезнь уменьшила численность и уничтожила многие индийские нации и до сих пор, время от времени, выполняет свою роль в их истощении. Место расположения древней деревни миссурийцев еще предстоит увидеть на северном берегу реки, носящей их имя, чуть ниже того места, где в нее впадает Гранд-Ривер. Говорят, что их

территория охватывала плодородную местность, лежащую на значительном расстоянии вдоль Миссури выше их деревни и вплоть до устья Осейджа, а оттуда до Миссисипи.

Одним из самых знаменитых вождей этого племени был Шонгмунекуте,^[15] или изтан. Следующие подробности относятся к сценам, которые произошли во время поездки комиссара Соединенных Штатов в 1833 году. Группа приближалась к деревне Отое. “Старый воин, - говорит рассказчик, - сердечно приветствовал нас; затем, повернувшись, он поехал с нами в направлении деревни. Пока он разговаривал с комиссаром, несколько темных фигур взобрались на высокий утес перед нами и остановились на его головокружительном краю, наблюдая за нашими движениями. Внезапно изтанец проскакал галопом в нескольких ярдах впереди и замахал рукой, издав долгий, пронзительный вопль. В ответ раздались возгласы тех, кто был на холме, и они тут же принялись обматывать головы одеялами. Затем все стихло.

Несколько мгновений мы сомневались относительно смысла этого маневра; но внезапно из-за утеса донесся громкий рев, и темный отряд диких всадников выскочил из-за его подножия и обрушился на нас. Их было, должно быть, несколько сотен. Каждый мужчина был обнажен, но блестел от краски. Они бросились вперед, издавая крик за криком, размахивая копьями и размахивая томагавками над головами. Старый вождь был невозмутим и сидел на своем коне, как статуя. Сопровождавшие нас солдаты, непривычные к такому индейскому приему, начали готовиться к бою. Отряд приблизился уже на сотню ярдов. Мы могли видеть сверкающие глаза напрягшихся лошадей, оскаленные зубы, нахмуренные брови и вздрагивающие мускулы всадников. Лук лязгал о лук, томагавк сталкивался с томагавком, и голос сливался с голосом, пока весь этот шум не поднялся в воздух, подобно дикому, неистовому реву бушующего моря. Они были совсем близко от нас — еще мгновение, и могло показаться, что мы погибли; но в этот момент, по сигналу Изтана, дикая орда отделилась и, развернувшись, была окутана облаком пыли.

Старый вождь улыбнулся с видом мрачного удовлетворения, наблюдая за эффектом, произведенным на нас его воинами; затем, повысив голос, он присоединился к дикой схватке вокруг нас. Лошадь столкнулась с лошадью, когда оркестр двинулся вперед по большому кругу. Некоторых сбросило с седел; другие цеплялись за гривы обезумевших лошадей. Сильные обрушивались на слабых и сметали их со своего пути. Время от времени какая-нибудь маленькая перечная лошадка, раздосадованная давкой, останавливалась, чтобы врезать пятками по ребрам ближайшему соседу; но прежде чем это удавалось сделать, толпа проходила дальше, и его уносило вперед, в стремительное течение водоворота. Никто не обращал внимания на своего соседа; каждый находился под влиянием безумного возбуждения. По внутренней границе ринга мчался огромный индеец на лошади, такой же мощной, как и он сам. Впереди него ехал другой, на маленькой лошадке, который держался поближе к границе для безопасности. Внезапно они поравнялись. Мощный скакун понесся вперед, как будто не встретил никаких препятствий. Маленькая лошадка увернулась с его пути, и его всадник сделал сальто в воздухе, приземлившись в самой гуще толпы. Пятьдесят копыт прогрохотали у него над головой; но он выбрался наружу, поймал своего коня, вскочил ему на спину с криком и взмахом томагавка и продолжил свой путь, как ни в чем не бывало.

После того, как эта сцена шума и неразберихи продолжалась около пятнадцати минут, толпа постепенно прекратила свой шум и образовала вокруг нас большой круг, повернув лошадей головами к собравшимся. Вскоре кольцо разорвалось и растянулось в две линии, сквозь

которые медленно продвигались отряд примерно из тридцати воинов под протяжную торжественную песнь, которую пел весь отряд и сопровождало что-то вроде барабана. Эта банда была сформирована из цветка индейской деревни. Никто не был допущен, кроме тех, кто мог похвастаться тем, что снял определенное количество скальпов или оказал не менее почетную услугу, украв большое количество лошадей”. Таким образом комиссара приветствовали в индейской деревне.

Автор вышеприведенного отрывка рассказывает необычную историю об одной из храбрых ото. “Одна скво привлекла наше внимание своим гигантским ростом. Когда мы приблизились к ней, в чертах ее лица появилась мужская грубость, которая делала ее ужасно уродливой и создавала сильный контраст с окружавшей ее группой. Впоследствии мы узнали, что это странное существо, хотя и одетое теперь в женское одеяние и выполняющее самую черную из своих обязанностей, на самом деле было мужчиной и когда-то числилось среди самых гордых храбрецов народа ото. Когда-то его имя занимало видное место на войне и в совете. Он руководил многими экспедициями против их благородных, но непримиримых врагов, Осейджей. В разгар его блестящей карьеры с ним произошла перемена. Причина была такова. Он несколько недель отсутствовал в военной экспедиции против врагов своего племени. Незадолго до захода солнца, в погожий полдень, была замечена эта группа индейцев, спускавшаяся с холмов и возвращавшаяся в свою деревню. Отряд измотанных воинов был меньше, чем в начале пути, но их связка скальпов и свирепые брови говорили о том, что их погибшие товарищи были отомщены. Перед ними вышагивала фигура храброго великана. Он был утомлен тяжелым трудом и постом и, не задержавшись, чтобы поприветствовать своих соотечественников, поспешил в свою хижину и бросился на одну из медвежьих шкур, из которых делают индейскую постель.

Он остался на ночь. Утром он встал со своего ложа; но он был другим человеком. Перемена, страшная и волнующая, произошла с ним. Его взгляд потух; его гордая походка дрогнула; и его надменное тело, казалось, почти согнулось под давлением какого-то тяжелого бедствия. Он собрал вокруг себя свою семью. Он рассказал им, что Великий Дух посетил его во сне и сказал ему, что теперь он достиг вершины своей славы; что ни один голос не имеет большего веса у костра совета, чем его; что нет руки тяжелее в битве; и в заключение приказал ему отныне отказаться от всех притязаний на звание воина и надеть одежду и обязанности женщины. Сообщение было выслушано с глубокой скорбью, но с безоговорочным доверием. Затем он объявил о своей решимости нации. Они тоже слушали серьезно и печально, но признали справедливость его взглядов. Затем он вернулся в свой вигвам, снял лук, разломал его на атомы и бросил их в огонь. Он закопал свой томагавк и винтовку, смыл боевую раскраску с лица и вынул орлиное перо из своей прически на голове. После этого его больше не видели среди воинов, и он не принимал участия в советах; но, переодевшись женщиной, занимался самыми подневольными и унижительными занятиями и жил униженный, забытый и презираемый теми, кто когда-то гордился тем, что был его последователем!”

Говорят, что раньше Осейджи были храбрым и воинственным народом, причем в хороших обстоятельствах. Но болезни и нападения сиу, из которых они когда-то были самыми выносливыми и свирепыми врагами, сократили их племя так, что сейчас осталось не более 5500 человек. С ними были заключены договоры, и были предприняты различные усилия, но с небольшим успехом, чтобы цивилизовать их и обучить. Они выделили им на образование своего племени около семидесятитысяч долларов по соглашению о продаже своих земель

Соединенным Штатам. Также были приняты меры по обучению их сельскохозяйственным занятиям.

Это племя все еще отличается своим высоким ростом и прекрасными формами, хотя они утратили свою славу воинов. Они неоднократно перемещались и теснились от истоков Уайт-Ривер и даже от берегов Миссисипи до индейской территории, граничащей с Крикс, где они и находятся сейчас. Канзас, ранее входивший в состав этой нации, отделился от них и таким образом ослабил их силу. До недавнего времени они были вовлечены в войну с пауни и каманчи, и, хотя из-за этого их численность сократилась, у них есть ряд способных людей в качестве вождей и воинов.

ИНДЕЙЦЫ К ЗАПАДУ ОТ МИССИСИПИ.

Говорят, что раньше омахау были гораздо более многочисленным племенем, чем сейчас, и наводили ужас на своих соседей, поскольку могли собрать не менее тысячи воинов. Но в 1802 году на них напала оспа, и племя сократилось примерно до трехсот душ. Выжившие, не желая оставаться в месте, которое оказалось для них таким роковым, сожгли свою деревню и на какое-то время превратились в кочевников. Но с тех пор они вернулись в свою страну, к северу от реки Платт, и построили деревню на юго-западном берегу Миссури. Панча, будучи почти уничтожены сиу после нескольких переселений с Красной реки озера Виннипег, присоединились к омахау и на какое-то время были объединены в это племя, но теперь возобновили свое отдельное существование. Эти два племени состоят в союзе с пауни, и около двадцати лет назад их вожди сопровождали некоторых пауни и других индейских воинов в Вашингтон, где Большой Лось, вождь племени омахау, обратился с таким обращением к президенту.

“Мой великий отец, посмотри на меня! посмотри на меня, мой отец! Мои руки не запятнаны вашей кровью; мой народ никогда не бил белых, а белые никогда не били их. С другими краснокожими дело обстоит иначе. Мой народ - единственный, кто пощадил Длинные Ножи. Я вождь, но не единственный в своем народе; есть и другие вожди, которые поднимают свои гербы рядом со мной. Я всегда был другом "Длинных ножей“, и до того, как этот вождь (указывая на майора О'Фаллона) появился среди нас, я много страдал, поддерживая белых. Меня часто

упрекали за то, что я был их другом; но когда мой отец появился среди нас, он укрепил мои объятия, и вскоре я возвышался над остальными ”.

В связи с сделанным ему предложением пригласить к себе людей, чтобы научить их искусству земледелия, он сказал: “Великий Дух сделал мою кожу красной, и он заставил нас жить так, как мы живем сейчас; и я верю, что, когда Великий Дух поместил нас на эту землю, он посоветовался с нашим счастьем. Мы любим нашу страну, мы любим наши обычаи и привычки. Я бы хотел, чтобы вы позволили нам наслаждаться ими, пока я жив. Когда мы станем голодными и раздетыми; когда сельская дичь истощится, а наши семьи охватит нищета; тогда, и не раньше, я хочу, чтобы эти хорошие люди были среди нас. Тогда они, возможно, протянут нам руку помощи; затем покажут нам богатство земли; преимущества и средства к существованию, которые можно извлечь из ее культуры”.

В недавнем отчете комиссара по делам индейцев он говорит: “Агент утверждает, что омахау приходили к нему перед тем, как отправиться на летнюю охоту, и самым искренним образом просили оружие и боеприпасы, которые позволили бы им защититься от своих врагов, заявляя: ‘Если наш великий отец сейчас предоставит нам оружие и амуницию, мы будем защищаться’. Агент замечает далее: ‘Судя по всему, что мы можем узнать, сиу полны решимости уничтожить эту маленькую группу индейцев. Спустя несколько дней после визита омахау, о котором говорилось выше, меня вызвал курьер из лагеря омахау с просьбой о помощи войскам для защиты от врагов и возвращения тридцати шести лошадей, захваченных сиу в стычке несколькими днями ранее.’ Он добавляет, что “до тех пор, пока не утихнет ожесточенная и кровопролитная война, которую сейчас ведут сиу, будут тщетны попытки продвинуть омахау в сельском хозяйстве.—Из-за отступления дичи омахауам приходится искать пищу в более отдаленных прериях, что делает их более доступными; и если они не смогут обеспечить себя сельскохозяйственными занятиями, где они будут более удалены от своего назойливого врага, то, по всей вероятности, будет продолжаться та же жестокая война. В этом сезоне “Омахауз” вернулись в свою старую деревню недалеко от реки Миссури, и, судя по нынешнему виду, им снова придется ее покинуть”.

Пауни владеют обширной страной на реке Грейт-Платт, лежащей к западу от Ото и Омахау. Они все еще сохраняют любовь к дикой жизни и придерживаются многих своих старых обычаев. С ними были заключены различные договоры, но пока они не проявляют стремления к цивилизации. Они делятся на Великих пауни, Тапажных пауни, Волчьих пауни, или пауни Лупс, и Республиканских пауни. Раньше они были многочисленной нацией; но оспа, занесенная в 1832 году торговцами мехами и виски, за несколько месяцев унесла жизни десяти тысяч или более из них, так что сейчас их насчитывается не более десяти-двенадцати тысяч. Они воинственный народ и живут в четырех деревнях, расположенных в нескольких милях друг от друга, имея своих союзников, омахау и отои, так близко к себе, что они могут действовать согласованно в случае вторжения. Вождь пауни, посетивший Вашингтон в упомянутое выше время вместе с майором О’Фаллоном, как и вождь Омахау, отклонил предложение учителей на том основании, что Великий Дух создал их для охоты и предназначил им “идти на войну, снимать скальпы, красть лошадей и одерживать победу над своими врагами”.

Одним из членов делегации в это время был храбрый пауни, благородного роста, фигуры и выражения лица. В раннем возрасте двадцати одного года за свои героические подвиги он получил звание “храбрейшего из храбрых”. О нем рассказывали следующий случай.

Несчастливая женщина из народа падука, как они называют каманчей, попав в плен, была обречена на пытки. Настал роковой час; дрожащая жертва, вдали от своего дома и друзей, была привязана к столбу; все племя собралось на окружающей равнине, чтобы стать свидетелями ужасной сцены. Как раз в тот момент, когда должен был быть зажжен погребальный костер и все множество зрителей были взволнованы ожиданием, этот молодой воин, приготовив двух быстрых лошадей с необходимой провизией, вскочил со своего места, бросился сквозь толпу, освободил жертву, схватил ее на руки, посадил на одну из лошадей, сам вскочил на другую и со всех ног помчался к народу и друзьям пленницы. Толпа, ошеломленная дерзостью содеянного, не предприняла никаких усилий, чтобы спасти намеченную жертву от ее избавителя. Они восприняли это как непосредственное действие Великого Духа, подчинились ему безропотно и тихо удалились в свою деревню. Молодой вождь три дня сопровождал освобожденную пленницу по дикой местности к ее дому. Затем он дал ей лошадь, на которой она ехала, и достаточно еды на оставшуюся часть пути, и они расстались. Когда он вернулся в деревню, его поведение не было расследовано, и никакого порицания ему вынесено не было. После этой сделки ни в этом, ни в каком другом племени пауни человеческих жертвоприношений не приносили, и, таким образом, от этой практики отказались.

По случаю визита этого вождя пауни в Вашингтон молодые леди из семинарии в этом городе, услышав только что рассказанный анекдот, подарили ему красивую серебряную медаль в знак благодарности за его благородный поступок по спасению представительницы их пола от жестокой смерти, завершив свое обращение следующими словами: "Брат, прими этот знак нашего уважения; всегда носи его ради нас; и когда ты снова получишь силу спасти бедную женщину от смерти и пыток, подумай об этом и о нас, и лети к ней на помощь и ее спасение". "

Его ответ был примерно таким: "Сестры, я рад, что вы слышали о добром деле, которое я совершил. Отчасти я сделал это по неведению, но твой подарок заставляет меня чувствовать себя счастливым и позволяет мне более полно увидеть, что я поступил правильно. Я теперь буду еще более готов прислушаться к словам белого человека, ибо они говорят мне, что такое добро".

Следующая речь вождя пауни была произнесена в форте Гибсон в 1833 году и адресована мистеру Эллсворту, комиссару Соединенных Штатов, когда он прощался с ним, чтобы вернуться домой, после того как сопровождал его в части его поездки.

"Мы с дедушкой прошли пешком много миль. Он пришел в нашу деревню. Мы побежали ему навстречу. Мы последовали за ним сюда. Мы прошли через множество деревень враждебных банд, которых никогда раньше не встречали. Все относились к нам по-доброму, и заключен мир. Мое сердце радуется. Я дикарь и пришел обнаженным, чтобы последовать за своим дедом; но я не стыжусь. Птица парит над своими детенышами и заботится о них; так жалеет и заботится о нас наш Великий Отец. Сейчас я чувствую себя так, словно родился заново. Раньше я поклонялся Великому Духу, как это делали мои предки; но теперь я буду поклоняться ему, как это делают белые люди. Каждый день, когда я говорю с вами, я обращаюсь к Великому Духу, чтобы он помог мне говорить правду, и то, что я говорю, - правда. Я выхожу один и разговариваю с Великим Духом и прошу его о помощи; но теперь мы взираем на него вместе. Теперь я иду домой. Дикie индейцы будут рады услышать, как с нами обращались наши враги и как говорил с нами наш великий отец. Наши уши заткнуты, и ничто не будет забыто".

Мистер Мюррей, английский джентльмен, который путешествовал среди индейцев около восьми лет назад, дает нам следующий набросок.

“В радиусе двадцати или тридцати миль от форта Ливенворт поселилось множество индейских племен, большинство из которых эмигранты из страны, ныне населенной белыми, особенно из штатов Иллинойс и Мичиган. Ближайшими к форту являются кикапу, которые поселились в деревне, удаленной от него примерно на четыре мили. Это слабое и с каждым днем уменьшающееся племя; их природные свойства сильно изменились из-за постоянного общения с белыми. Среди них есть методистский миссионер-резидент.

“Форт снабжается говядиной и другим мясом, в основном фермером, который живет в Грейт-Боттом, прямо напротив него. Среди других блюд, которыми можно сервировать стол, одним из самых обильных, которые здесь можно встретить, является рыба-сом. Мне она показалась несколько грубоватой, но не невкусной. Поселенцы на берегах реки ловят эту рыбу самых огромных размеров и в огромных количествах; один из них рассказал мне, что за одно утро поймал четырех, весом более пятидесяти фунтов каждая.

“4 июля состоялось обычное празднование - стрельба из двадцати четырех орудий; после церемонии мы перешли к превосходному обеду, и мадера и шампанское были в порядке вещей. Мы провели час или два за праздничным столом, когда принесли известие, что прибыли сто пятьдесят пауни под предводительством мистера Догерти, одного из главных агентов по делам индейцев; и, по приглашению офицеров, двенадцать или четырнадцать их главных воинов пришли в столовую. Я уже видел много индейцев, но ни один из них не был таким диким и бесхитростным, как эти настоящие дети дикой природы. Они вошли в комнату с заметной непринужденностью и достоинством, пожали всем нам руки и удобно уселись за сигары и мадеру. Я был весьма поражен тактом и самообладанием этих индейцев, две трети из которых никогда прежде не бывали в поселениях белых людей и никогда в жизни не видели вилки, стола или стула; и все же, не задавая вопросов и не делая вид, что наблюдают за происходящим, они с интуитивной готовностью уловили идею и в течение всего обеда не допустили ни единой нелепости или нарушения приличий.

Одежда этих индейцев состояла из пояса из оленьей кожи посередине, с клапаном, проходящим между ног и снова пристегиваемым к поясу сзади. Их ноги были обтянуты узкими штанинами из оленьей кожи, а ступни - мокадинами; в то время как их плечи были свободно и изящно прикрыты или наполовину прикрыты одеялом или шкурой буйвола. У большинства из них были серьги, ожерелья из бус и нарукавные повязки; а у двух главных вождей на шее висело по большой медали, на которой была выгравирована голова покойного президента Соединенных Штатов. Большая часть из них были крепкими, а некоторые даже толстыми, не подавая никаких внешних признаков лишений, которым так подвержен их образ жизни. Вообще говоря, они были среднего роста, с прекрасной грудью, руками хороших пропорций, но не мускулистыми, и удивительно тонкой формы ногами. Я не думаю, что среди них было лицо, которое можно было бы назвать красивым, хотя некоторые были приятными и добродушными; но преобладающим выражением их лиц была надменная, непроницаемая сдержанность, легко различимая под маской откровенного примирения, которую им было выгодно носить из-за их теперешней цели.

“Когда мы, в порыве веселья, спели одну или две хоровые песни, мы обратились к нашим краснокожим братьям. Они поднялись все разом, и я никогда не забуду эффекта, произведенного этим первым индийским хором, который я когда-либо слышал. Каждый певец начинал со странных и грубых звуков, доводя свой разум и легкие додолжной высоты возбуждения; и когда, наконец, их пронзительный и ужасный крик достигал своей полной высоты, его эффект был поразительным и достаточным, чтобы оглушить чувствительный слух. Затем они снова позволяли своему напряжению перейти в монотонную интонацию, в такт которой они поддерживали изгибы головы и тела, и снова разражались полным хором смешанных воплей и завываний”.

Во время пребывания мистера Мюррея среди пауни он стал свидетелем следующей сцены.

“Пока я сидел возле своих тюков с товарами, как израильтянин на Монмут-стрит, подошел пожилой вождь и выразил желание поторговаться. Наши женщины положили перед ним немного мяса, после чего я дал ему трубку, а тем временем приказал своему слуге обыскать мои седельные сумки и добавить к куче годных к продаже вещей все, что было абсолютно необходимо для моего одевания по возвращении. Таким образом, были продуваемы запасная рубашка, носовой платок и жилет; и, среди прочего, это было что-то вроде эластичного фланелевого жилета, предназначенного для ношения вплотную к коже и натягивания через голову, поскольку он был без пуговиц или какого-либо отверстия спереди. Оно было мне слишком мало и в целом таким тесным и неудобным, хотя и эластичным, что я решил с ним расстаться.

“Это последнее изделие моему новому клиенту очень понравилось, и он заставил меня описать ему способ его надевания, а также тепло и комфорт в нем, когда оно надето. Следует помнить, что он был очень крупным, тучным мужчиной, вероятно, весившим шестнадцать стоунов. Я знал, что он очень добродушен, поскольку однажды охотился с его сыном; и, вернувшись в свой вигвам, отец угостил меня, разговаривал со мной знаками и научил кое-чему из этого самого необычного индейского метода общения. Он сказал, что хотел бы примерить куртку; и когда он сбросил шкуру бизона со своих огромных плеч, я едва мог сохранять серьезность, сравнивая их размеры с одеждой, в которую мы собирались их примерить. Однако, благодаря большому трудолюбию и осторожности, мы ухитрились втянуть его в это дело. В обтяжку оно было на фут короче и облегало его так плотно, что каждая нитка была натянута до предела; рукава доходили совсем немного ниже локтя. Однако он с большим самодовольством разглядывал свои руки и фигуру и вызвал множество улыбок у женщин забавностью своего наряда; но, поскольку погода была очень жаркой, ему вскоре стало слишком жарко, и он захотел снова снять его. Он двигал руками, — он дергал за рукава, — он крутился и выворачивался во все стороны, но тщетно. Шерстяной жакет был замечательной иллюстрацией *Ада Данте* и *Вергилия* и супружества, описанного многими поэтами; влезть в него было достаточно легко, *sed revocare gradum* было действительно непросто. Старик напрягался до тех пор, пока капли пота не выступили у него на лбу; но если бы меня там не было, он, должно быть, либо заставил бы кого-нибудь вскрыть его, либо сидел бы в нем до этой минуты.

“Некоторое время я наслаждался этой сценой со злорадной и сдержанной серьезностью, а затем я показал ему, что он должен попытаться снять это через голову. Юноша, стоявший рядом, затем натянул ее до тех пор, пока она не закрыла его нос, глаза, рот и уши; его руки были

подняты над головой, и несколько минут он оставался в этом печальном положении, ослепленный, задыхающийся, с бесполезными на время руками. Он катался по полу, чихая, брызгая слюной и отбиваясь, пока все вокруг не затряслось от смеха; а скво в своем неуправляемом веселье визжали так, как я никогда прежде не видел. Наконец я отрезал кусочек от края и освободил старика из заточения в смиренной рубашке. Он часто вертел его в руках и обратился к нему с какой-то комично-серьезной речью, из которой я смог разобрать лишь несколько слов. Я полагаю, смысл их был в том, что это было бы 'доброе существо в ледяной месяц в деревне'. Мне так понравилось его хорошее настроение, что я подарил ему платок и сказал, чтобы он согревал им свою скво в ледяной месяц".

Мистер Мюррей дает нам также следующий набросок.

"6-го числа я выехал с капитаном Хантером в деревню Кикапу, которая находится примерно в пяти милях от форта. Кикапу - это ветвь великой северной нации индейцев, в которую входят потаватоми, чиппева и другие многочисленные племена. Их бывшая территория была куплена Соединенными Штатами, и вместо нее выделен этот участок местности вдоль южного берега Миссури; кроме того, Соединенные Штаты обязались снабжать их на определенное время оговоренным количеством провизии, одежды и т.д. Живя так близко к поселениям, они утратили большинство черт своего первоначального характера и представляют собой уменьшенную, униженную расу; тем не менее, сейчас они интересны с религиозной точки зрения. Среди них возник Магомет в миниатюре, и племя разделилось на две секты, религиозную и нерелигиозную; они почти равны по численности, и первые признают пророка, который проповедует новую веру, и повинуются ему как светскому главе. Этот человек проповедует очень хорошую и просвещенную мораль. Он притворяется, что видел Великого Духа в видении и получил от него повеление возвещать его истины и заповеди индейцам. Я был бы поражен совершенством его учения и основательностью его религиозных взглядов, если бы не узнал от одного джентльмена, долгое время прожившего среди них, о том источнике, из которого он черпал свои знания. По-видимому, в раннем детстве он основательно выучил английский язык и в отдаленных частях штата Иллинойс посещал множество христианских собраний. Таким образом, он познакомился с основными принципами христианской системы и с моралью, которую проповедует Библия; и впоследствии, привив полученные таким образом знания к своим индийским предрассудкам и суевериям, он использовал их как двигатель личного возвышения и стал священником, пророком и вождем половины своего народа.

"Я присутствовал на проповеди, которая проходила под большим открытым навесом с тростниковой крышей. Собрание проходило с величайшей чинностью; все мужчины под навесом или рядом с ним стояли непокрытыми; но в этой, как и во всех христианских церквях, которые я видел в любой стране, большую часть собравшихся составляли женщины. К каждому прилагалась плоская доска, на которой были вырезаны символы, соответствующие назначению букв, и позволявшие им перекликаться с молитвой или гимном проповедника.

"Я с сожалением обнаружил, что исполняющим обязанности проповедника был не 'сам великий пророк', а один из его любимых учеников. Это был мужчина средних лет, со спокойным и серьезным выражением лица и голосом, способным к большим модуляциям и разнообразию интонации; он говорил без малейших колебаний. Я встал так, чтобы меня можно было слышать, и, держа под локтем французского переводчика-полукровку, записал карандашом следующие отрывки из его лекции: 'Взгляните на небеса! посмотрите вокруг себя на землю, изобилующую

фруктами, и на животных, данных нам в пользование. Все это свидетельствует о доброте Великого Духа. Если бы он не был хорошим, намного лучше любого из нас, он бы рассердился на нас, потому что мы все плохие, и послушался его; он бы наказал, а не простил нас. Но если мы добры и повинемся ему, мы здесь счастливее и процветаем больше; у нас все идет хорошо. Мы всего лишь полуученные дети; мы бедные индейцы. Прошло всего несколько лет с тех пор, как мы узнали его волю и повеления через его пророка; но если мы будем просить его и повиноваться ему, мы будем с каждым днем становиться мудрее и счастливее; — и так далее в том же духе. После этой проповеди был исполнен гимн. Это был низкий, меланхоличный и не лишенный музыкальности гимн, который становился диким и своеобразным из-за того, что каждый куплет заканчивался в минорной тональности. Я покинул эту сцену с сильными эмоциями интереса и сострадания и должен признать, что питаю надежды, хотя и весьма слабые, на то, что эти сумерки могут стать для них предвестником восхода Евангелия”.

Есть еще одно племя индейцев, называемое пиктами пауни, которые живут на берегах Красной реки в союзе с каманчами и иногда считаются принадлежащими к пауни, хотя и находятся в тысяче миль от них. Кэтлин утверждает, что “у них нет ни семейного сходства, ни какого-либо сходства в их языке и обычаях”. Их деревня описывается как большая, насчитывающая около пятисот или шестисот вигвамов. Нация насчитывает от восьми до десяти тысяч человек. На совете, состоявшемся в присутствии Кэтлин, полковник Додж вернул им двух девочек-пауни, которые были выкуплены у их похитителей, Осейджей, и получил взамен маленького мальчика, сына судьи Мартина, семья которого была убита на Лже-Уошите. По этому случаю “сердце почтенного старого вождя, казалось, растаяло при виде свидетельства дружбы белого человека; он поднялся на ноги и, обняв полковника Доджа и прижавшись своей левой щекой к левой щеке полковника, несколько минут держал его в объятиях, не говоря ни слова, в то время как слезы текли из его глаз. Затем он обнял каждого офицера по очереди, в такой же молчаливой и нежной манере”. Шеф вместе с двумя другими сопровождал полковника Доджа в форт Гибсон и заключил договор с Соединенными Штатами. Их резиденция находится среди Скалистых гор.

Рядом с пиктами пауни находятся кайовеи, которые описываются как красивая раса мужчин, очень высоких, некоторые из них достигают семи футов в высоту, и с римскими очертаниями головы. Они решительно отличаются от пиктов пауни и каманчей, а также языком и обычаями.

Предполагается, что в каманчах по меньшей мере двадцать тысяч человек. Кэтлин даже оценивает их в тридцать или сорок тысяч и говорит, что они способны выставить около шести или семи тысяч воинов, хорошо сидящих на лошадях и хорошо вооруженных. Это очень воинственное племя, населяющее огромное пространство страны, простирающееся далеко на север и юг, восток и запад, от Красной реки до Тихого океана. Долгое время они были страшными врагами испанцев, как теперь стали врагами мексиканцев, на которых они совершают частые набеги и уводят пленных, особенно девочек, которых они усыновляют и выходят замуж. Около шестидесяти лет назад они похитили дочь генерал-губернатора Чиуауа. Несколько недель спустя агент отца разрешил потребовать за нее выкуп. Но она отказалась возвращаться к своим родителям и прислала им сообщение, что индейцы сделали ей татуировку на лице и отдали ее в жены молодому человеку из их племени; что ее муж хорошо

относился к ней и примирил ее со своим образом жизни. Поэтому в ее нынешних обстоятельствах она предпочла остаться там, где была. Она продолжала работать в стране и вырастила семью с детьми.

Каманчи участвовали во многих кровопролитных битвах со своими врагами и всегда преуспевали в сохранении своей независимости. Они особенно преуспевают в ловле и приручении диких лошадей равнин и образуют грозную кавалерию на войне, особенно потому, что они способны в одно мгновение переброситься на противоположную сторону лошади, чтобы укрыться от своего врага, в то время как они могут пускать свои стрелы либо поверх, либо под шею лошади с такой силой, что могут пронзить насквозь буйвола. На войне они также носят щит и копье длиной четырнадцать футов, которыми они пользуются с большим эффектом. Известны многочисленные примеры их бесстрашия. Следующий инцидент описан Фарнхэмом в его "путешествиях". Примерно в середине июня 1839 года группа из пятидесяти или шестидесяти человек ночью переправилась через реку и спряталась неподалеку от того места, где днем паслись животные заведения. Поскольку они спрятались в кустах, мексиканская конная гвардия не заметила их, который, отогнав свою атаку в пределах досягаемости орудий форта, занял свой пост, как обычно, за ними, держа свою лошадь на длинной веревке и позволяя ей пастись вокруг себя. Находясь здесь на дежурстве, индейцы внезапно поднялись и с ужасными криками бросились к животным, пытаясь перегнать их через реку. Стражник, однако, ничуть не обескураженный, быстро вскочил в седло и во весь опор погнал своего коня среди них. Мулы и лошади, услышав его голос среди устрашающих воплей дикарей, немедленно бодрым шагом направились к форту; но индейцы были со всех сторон и привели их в замешательство. Стражники продолжали давить на них и звать на помощь, и они бросились вперед, несмотря на сопротивление индейцев. Зубчатые стены были покрыты людьми. Они подбадривали храброго стражника криками: 'Вперед, вперед!' - и приказ был выполнен. Он пришпорил свою лошадь, разгоняя ее до максимальной скорости из стороны в сторону, и хлестнул самого заднего из отряда своей ведущей веревкой. Он спас всех животных; он был в двадцати ярдах от открытых ворот, когда упал; три стрелы, выпущенные из луков каманчей, разорвали ему сердце. И, избавившись от него, повелители колчана собрали свою добычу и погнали ее к границам Техаса, не причинив вреда ни жизни, ни здоровью. Таким образом, сорок или пятьдесят мулов и жизнь их лучшего слуги были потеряны господами Бентами за один день".

Аппачи - многочисленное племя индейцев, численность которого оценивается в 20 000 человек, населяющее страну ниже, чем каманчи. Но о них известно мало. Эвтау, численность которых оценивается в 19 200 человек, обитают посреди Скалистых гор, занимая поочередно обе стороны хребта Эвтау или Анауак. Они постоянно мигрируют с одной стороны на другую, все еще придерживаясь суеверий своих отцов, хотя некоторые из них, в основном полукровки, приняли католическую веру.

Аррапахо проживают на западной стороне Скалистых гор, и, как говорят, их численность составляет около 3000 душ. Зимой они бродят вокруг истоков одного из рукавов реки Колорадо на Западе, а летом охотятся на бизонов дальше на восток. Говорят, что они храбрый, бережливый и гостеприимный народ. Свое название, которое означает *собакоеды*, они получили от откармливания и поедания этого животного. Они допускают белых, которые желают этого, к привилегии гражданства на определенных условиях.

Шошоны, или Змеи, обитают к северу от Аррапахо, а также являются кочующим племенем, населяющим ту часть Скалистых гор, которая лежит на западном берегу рек Гранд и Грин-Ривер в штате Колорадо, долину реки Грейт-Бир, обитаемые берега Большого Соленого озера и участок местности на реке Снейк. Некоторые из них питаются в основном кореньями, в то время как другие питаются рыбой. Говорят, у них много лошадей, и с момента их первого знакомства с белыми они питали отвращение к войне и жестокости. Им, однако, приходилось сражаться с черноногими, воронами, сиу и ютавами, чтобы защитить часть своей территории; и эти племена раньше имели обыкновение посылать отряды, чтобы отнять у них лошадей. Их описывают как разумную расу, обладающую множеством бытовых удобств и выступающую против безнравственности. Они отказываются от употребления опьяняющих напитков, говоря: “Это лишает нас возможности охотиться и защищаться от наших врагов; это вызывает неестественные разногласия между нами; это делает вождя хуже, чем его индейца; и из-за его употребления племя шошони обречено на слабоумие и гибель”.

Несперсе и чиннуки, или плоскоголовые, вместе с индейцами скайуз, водятся недалеко от устья и рукавов реки Колумбия. Кэтлин считает, что чиннуки родственны чокто, и рассказывает о традиции последних, которая, по-видимому, подтверждает это мнение. Несколько лет назад племя Несперсе вызвало большой интерес из-за того, что от них через Скалистые горы прибыла делегация, заявившая, что они слышали от белого человека, что религия белых лучше, чем у них, и они пропадут, если не примут ее, и они пришли спросить об учителях. К ним были посланы миссионеры, которые, как говорят, в какой-то мере преуспели в своих усилиях.

Существующий среди этого племени свод законов, приведенный в последнем отчете Комиссара по делам индейцев, очень строг и свидетельствует о решимости народа добиться подлинного отправления правосудия. Убийство и поджог караются смертной казнью; поджог пристройки - шестимесячным тюремным заключением, пятьюдесятью ударами плетью и возмещением всего ущерба. Неосторожное поджог дома влечет за собой возмещение ущерба лицу, совершившему это.

Чиены - небольшое племя численностью около 3000 человек, соседствующее с сиу на западе. Это прекрасная раса людей, едва ли в племени найдется мужчина ростом меньше шести футов. Говорят, что они самые богатые лошадьми из всех племен на континенте, поскольку живут там, где в прериях пасутся самые большие стада; их они ловят в огромных количествах и продают сиу, мандамам и другим племенам, а также торговцам мехом. Их описывают как ловких наездников и свирепых воинов, участвовавших в непрекращающихся состязаниях с пауни и черноногими.

Вороны - кочующее племя, обычно обитающее на верхних равнинах вокруг истоков рек Грейт-Платт, Снейк и Йеллоустон. Их численность по разным оценкам составляет от 5500 до 7000 человек. Общее мнение, по-видимому, таково, что они самые отъявленные негодяи среди жителей западных гор. Торговцы говорят: “Они никогда не были известны тем, что выполняли обещания или совершали благородные поступки”. Ни один белый человек или индеец не доверяет им. Убийства и грабежи - их основные занятия. Кэтлин склонен изменить этот взгляд на племя, хотя и признает, что такова их репутация. Он говорит, что они отличаются своими элегантными домиками и красивыми платьями из кожи. Они всегда находятся в состоянии войны с черноногими, вследствие чего сильно страдают в битвах.

Черноногие - хорошо известное многочисленное и воинственное племя индейцев, проживающее на берегах Миссури над Грейт-Фоллс. Были сделаны различные оценки их численности. Кэтлин предполагает, что их может быть 40 000 или 50 000. В 1828 году они очень сильно пострадали от оспы, которая была занесена среди них в результате кражи одеяла с парохода Американской меховой компании на Йеллоустоуне, принадлежавшего человеку, умершему от этой болезни. Зараженный предмет, принесенный в их лагерь на левом берегу Миссури, распространил ужасную инфекцию среди всего племени. Они были поражены появлением болезни. Красное пятно, желчь, скопление крови в легких, печени и мозге - все это было в новинку для их знахарей; и труп, разваливающийся на куски, когда они хоронили его, вселил ужас в каждое сердце. В своем безумии и невежестве они увеличили количество своих парилок на берегах ручья; и независимо от того, преобладала ли жгучая лихорадка или недостаток нервной активности, обезумев от боли или находясь на пороге смерти, их помещали в них, они обильно потели и погружались в снежные воды реки. Смертность, последовавшая за этим обращением, была подобна смертности от великой чумы в Лондоне. Какое-то время они пытались хоронить мертвых, но вскоре их стало больше, чем живых. Обезумев от суеверия и страха, брат бросил сестру; отец - своего сына; мать - свое грудное дитя. Они бежали в высокогорные долины среди западных возвышенностей, где влияние климата, воздействовавшее на уже изрядно израсходованную болезнью энергию, восстановило здоровье остальной части племени. По сей день кости семи или восьми тысяч черноногих лежат непогребенными среди ветхих хижин их заброшенной деревни на берегах Йеллоустоуна.

Черноногие - свирепое племя, числящее среди своих врагов все народы в пределах своей досягаемости. Они бродят повсюду, разыскивая своих врагов, где бы те ни находились. Чтобы показать враждебность других племен к черноногим, Кэтлин рассказывает следующее событие, произошедшее в его присутствии. Группа книстено прибыла с севера с целью заняться летней торговлей на станции одной из меховых компаний; и пока они находились там, группа Черноногих прибыла с запада, также для торговли. Они разбили лагерь по разные стороны форта и провели вместе несколько недель в кажущихся дружеских отношениях, их оружие, согласно правилам форта, было заперто в арсенале. Книстено завершили свою торговлю, но все еще слонялись без дела по помещению, пока все, как индейцы, так и белые люди, не устали от их общества и не пожелали, чтобы они потихоньку убирались восвояси. Когда они были готовы отправиться в путь, взвалив на спины свои пожитки, им выдали оружие, и они отправились в путь, сердечно попрощавшись со всеми, как с друзьями, так и с врагами. Они вышли из форта, и хотя отряд постепенно удалялся, один из них, никем не обнаруженный, слонялся без дела, пока ему не представилась возможность просунуть дуло своего ружья между частоколами. Затем он выстрелил из него в одного из вождей черноногих, который стоял в нескольких шагах, разговаривая с мистером Маккензи, и прострелил ему тело двумя мушкетными пулями! Черноногие и французы в форте бросились вперед со своим оружием и, после обмена несколькими выстрелами, отбросили Книстено, потеряв одного человека и ранив еще нескольких.

Черноногие описываются как геркулесовы, хотя и среднего роста; у них широкие плечи и сильно развитая грудная клетка. Вероятно, они получили свое название от черных леггинсов или мокасин, которые они носят. Они разделены на четыре группы, или семейства, Pe-a-gans, состоящие из пятисот лож, Blackfoot band, состоящий из 450 лож, Blood band, состоящий из 450 лож, и Small Robes, состоящий из 250 лож. Эти четыре группы насчитывают около 1650 лож, и, вероятно, в среднем по десять человек на ложу, насчитывают около 16 500 душ. Поблизости

также находятся Гросвентрес-де-Прериес (Grosventres des Prairies), насчитывающий 430 лож; Цирче (Circee), насчитывающий 220 лож; и Которне (Cotornés), насчитывающий 250 лож. У них есть языки, отличные друг от друга и от черноногих, но они, похоже, являются их союзниками, охотятся, едят, сражаются и вступают с ними в браки.

Минетари, небольшое племя численностью около 1500 душ, проживают в трех деревнях, состоящих из покрытых землей домиков, на берегах реки Нож, притока Миссури. Предполагается, что этот народ был частью племени воронов, которые в какой-то отдаленный период, будучи отрезанными своими врагами и не имея возможности вернуться, воспользовались гостеприимством манданов, с которыми они в какой-то мере объединились. Говорят, что по языку и обычаям они во многом напоминают ворон, хотя они также в некоторой степени ассимилировались с манданами. У них есть традиция следующего содержания. Они пришли в окрестности манданов бедными, без вигвамов и лошадей. Почти все они были женщинами, так как их воины были убиты в бою; манданы не принимали их в свою деревню и не позволяли подходить ближе того места, где они сейчас живут, но они помогали им строить вигвамы.

Их вождь, Черный Мокасин, который с большой добротой относился к Льюису и Кларку, когда они пересекали Скалистые горы в 1819 году, был еще жив, когда Кэтлин была среди них, хотя ему, вероятно, было больше ста лет. Льюис и Кларк сделали его вождем племени, и с тех пор он таковым и остается. Он вспомнил и очень серьезно расспрашивал о Рыжих Волосах и Длинном Ноже, как он называл этих офицеров, из-за того, что у одного были рыжие волосы, а другой носил палаш. Минетари - смелое и отважное племя, часто несущее войну в страну своих врагов и таким образом значительно уменьшающее свою численность.

Мистер Кэтлин рассказывает о следующей сцене, которая произошла, когда он был с этим племенем. "Сенсация, которую я произвел, - говорит он, - среди минетчиков, находясь в верховьях Миссури, достав из своего малярного инвентаря старый номер "Нью-Йорк коммершл адвертайзер", отредактированный моим добрым и испытанным другом полковником Стоуном, была экстраординарной. Минетчицы подумали, что я сошел с ума, когда увидели, как я часами не отрывал глаз от ее страниц. У них были разные предположения по этому поводу; самым распространенным из которых было то, что я смотрел на это, чтобы вылечить свои воспаленные глаза, и они называли это "лечебной салфеткой для воспаленных глаз". Я, наконец, положил конец этому и нескольким столь же невежественным предположениям, прочитав отрывки в нем, которые были им истолкованы, и цель статьи была полностью объяснена; после чего, это рассматривалось как гораздо большая тайна, чем раньше, и мне было сделано несколько щедрых предложений за это, от которых я был вынужден отказаться, так как уже получил красиво украшенное одеяние. Я получил его из рук юного сына Эскулапа, который сказал мне, что если бы он мог нанять хорошего переводчика, чтобы объяснить все, что в нем содержится, он мог бы путешествовать среди минетари, манданов и сиу и демонстрировать его после того, как я уйду, разбогатев подарками и значительно пополнив свой список лекарств, поскольку это сделало бы его великим знахарем. Я оставил бедняге его расписную мантию и газету; и как раз перед тем, как уйти, я видел, как он развернул ее, чтобы показать кое-кому из своих друзей, когда извлек из нее восемь или десять складок бересты и оленьих шкур, все они были бережно упакованы в мешочек из шкуры хорька, которому, несомненно, суждено было стать его тайной или аптечкой и называться так".

Рикарийцы считаются частью племени пауни, поскольку их язык почти одинаков. Они приняли Льюиса и Кларка с большой сердечностью; но из-за злоупотреблений, которым они подвергались со стороны торговцев, они теперь питают самые закоренелые чувства враждебности ко всей цивилизованной расе.

Теперь мы переходим к манданам, племени, возникшему несколько лет назад, насчитывавшему около двух тысяч человек, но, как говорят, ныне вымершему. По-видимому, они были замечательным и своеобразным народом, сильно отличавшимся от большинства других индейцев. У многих людей, познакомившихся с ними, сложилось впечатление, что они были потомками Мэдока, валлийского вождя, который, как предполагается, высадился на побережье с колонией. Этому мнению придерживается мистер Кэтлин, который дал полный и интересный отчет об особенностях нации. Он утверждает, что проследил их путь от берегов Огайо до их последнего места жительства, где он их нашел. В поддержку своих взглядов он настаивает на том, что у них разный цвет лица, некоторые из них темные, а некоторые светлые; что часто встречаются голубые и серые глаза; и что можно обнаружить поразительное сходство с валлийцами в языке, манерах и обычаях.

Четыре медведя.

Доктор Морс в своем отчете об индейцах сообщает нам, что он был проинформирован французским священником в Детройте, что в 1793 году в форте Шартр ему сказали, что

двенадцать лет назад капитан Лорд, командовавший этим постом, слышал, как кто-то из стариков заметил, что индейцы мандан, посетившие пост, могли вразумительно разговаривать с некоторыми валлийскими солдатами британской армии. Следует сожалеть, что решению этого интересного вопроса не было уделено больше внимания до того, как вымерли последние остатки этого народа. Рассказ, который мистер Кэтлин дает об их воинах, показывает, что среди них было много доблестных людей. Одевание одного из их вождей, по имени ма-то-тох-па, или Четыре Медведя, судя по его изображениям, свидетельствовало о том, что он участвовал в многочисленных столкновениях с сиу, чиенами, рикариями и ассиннибойнами. Ниже приводится суть его приключений. Его брат был убит известным храбрецом-рикари, чье копье было найдено в его теле, он вытащил копье и хранил его четыре года с засохшей кровью на лезвии. Затем он, согласно данной им клятве, приготовился отомстить за смерть своего брата копьем, от которого тот пал. Выйдя вперед, он размахивал оружием по деревне, произнося такие слова: “Пусть каждый мандан замолчит! Пусть никто не произносит имени Ма-то-тох-па; пусть никто не спрашивает ни о нем, ни о том, куда он ушел, пока вы не услышите, как он издаст боевой клич перед всей деревней; тогда он войдет в нее и покажет вам кровь Вон-га-тапа. Лезвие этого копья выпьет кровь из сердца Вон-га-тапа, или Ма-то-тох-па смешает свою тень с тенью своего брата!”

Затем он взял курс на деревню Рикари. Приблизившись к нему, он задержался около вигвама своей обреченной жертвы и, заглядывая в щели, увидел, как тот курил свою последнюю трубку. Он видел, как тот отправился спать. Деревня была безмолвна и окутана тьмой. Теперь он тихо прокрался в хижину и сел у огня, где утолил свой аппетит содержимым висевшего над ним горшка; затем он раскурил свою трубку, после чего, помешивая угли до тех пор, пока не стал ясно видеть дорогу, с копьем в руке он поднялся и вонзил его в тело своего врага. Сорвав с головы скальп, он выскочил из хижины и поспешил через прерию. Вся деревня была взбудоражена, но никто не знал, кто нанес удар. Он бежал всю ночь, а днем лежал рядом. На шестое утро, на восходе солнца, он вошел в свою деревню, показывая кровь своей жертвы, засохшую на его копье, поверх крови его брата, а скальп был подвешен к рукояти оружия.

Однажды на рассвете отряд из ста пятидесяти воинов цзянь напал на деревню мандан, угнал несколько лошадей и снял с одной скальп. Ма-то-то-па, хотя и был молодым человеком, все же, как один из самых доблестных в своем племени, преследовал его с отрядом из пятидесяти человек. Около полудня второго дня они оказались в поле зрения противника. Обнаружив, что их больше, чем можно было себе представить, манданы собирались возвращаться, когда их молодой предводитель галопом выехал вперед и, описав круг, вонзил свое копье в землю. Лезвие вошло по самую рукоять. Затем он сделал еще один круг, сорвал с груди свой красный пояс и повесил его на копье как флаг. Теперь Он крикнул отступающим манданам: “Что? неужели мы дошли до этого? Неужели мы преследовали врага три дня и нашли его, а теперь отступаем, как трусы? Копье Ма-то-тох-па, красное от крови храбрецов, привело вас к виду вашего врага; теперь оно прочно воткнуто в землю, и земля выпьет кровь своего владельца; вы все можете возвращаться, и Ма-то-тох-па сразится с этими воинами в одиночку”.

Чиены повернули назад, чтобы дать сражение манданам, и их предводитель, восхищенный доблестным поведением Ма-ло-тохпа, поскакал вперед на расстоянии оклика и спросил, кто это был, опустивший свое копье и в одиночку бросивший вызов своим врагам? Ответ был таков: “Я Ма-то-тох-па, второй в команде храбрых манданов!” Вождь Цзянь тогда сказал: “Я часто слышал о Ма-то-то-па; он великий воин. Осмелится ли он выйти вперед и сразиться со мной один на

один, на глазах у наших воинов?” “Это вождь, который разговаривает с Ма-то-тох-па?” - последовал ответ. Цзянь ответил: “Мои скальпы, которые ты видишь, висят на удилах моего коня; а вот мое копье с горностаевыми шкурами и хвостом боевого орла”. “Этого достаточно”, - сказал Ма-то-то-па.

Вождь цзянь верхом на свирепом белом коне теперь сделал круг на полном скаку и воткнул свое копье в землю, оставив его стоять рядом с копьем Ма-то-то-па, на котором также развевался красный флаг. Теперь они приблизились друг к другу и разрядили свои ружья. Затем они обогнали друг друга, и, когда они поворачивались, Ма-то-то-па поднял свой пороховничий рожок и показал своему противнику, что пуля разнесла его вдребезги. Затем он отбросил в сторону ружье, вытащил лук и стрелу и повесил щит на левую руку. Цзянь сделал то же самое, и оба бросились вперед, быстро посылая друг в друга свистящие стрелы. Лошадь Ма-то-то-па получила стрелу в сердце и упала наземь. Всадник вскочил на ноги и мгновенно приготовился к схватке со своим противником. Цзянь спешил, отогнал своего коня и протянул свой щит, приглашая мандана подойти. Сделав несколько выстрелов из лука, Цзянь поднял свой пустой колчан и, швырнув его вместе с луком и щитом на землю, выхватил нож и взмахнул им в воздухе. “Да!” ликующе воскликнул Ма-то-то-па, отбрасывая также свой колчан и щит; но, нащупав свой клинок, он обнаружил, что его нет — он не заткнул его за пояс! В руке у него был только лук, но им он парировал удары нападавшего и, наконец, повалил его на землю. После отчаянной борьбы за нож, в ходе которой лезвие несколько раз пронзило правую руку Ма-то-то-па, он завладел им и вонзил в сердце Цзяня. Подняв его, мандан объявил его своим и, сняв скальп со своего доблестного врага, с триумфом удалился.

Таковы некоторые из подвигов Четырех Медведей. Но его и его племени больше нет. Летом 1838 года торговцы мехом заразили их оспой, этим проклятием красной расы. Затем манданы были окружены несколькими военными отрядами сиу, так что они не могли рассеяться по равнинам, а были ограничены своей деревней. Болезнь стала настолько злокачественной, что после того, как человек подвергся нападению, смерть наступала через несколько часов. Отчаяние и безумие, казалось, овладели людьми, и многие покончили с собой с помощью ножей и ружей или вышибли себе мозги, прыгнув очертя голову со скалы перед своей деревней. Никто и не подумал хоронить своих мертвых, и целые семьи были оставлены в ужасных кучах в вигвамах.

Мистер Кэтлиן приводит следующий отчет о печальной судьбе Ма-то-то-па. “Он сидел в своем вигваме и видел, как все члены его семьи умирали рядом с ним, — его жены и маленькие дети. На него самого напала болезнь, но он выздоровел. Затем он вышел и, обходя деревню, оплакивал гибель своего племени. Его храбрецы и воины, чьи жилистые руки, когда-то, казалось, бросали вызов опасности, теперь были всего лишь кучами глины. Он вернулся в свой вигвам и накрыл тела своей семьи, сложенные в кучу, несколькими одеждами; еще одну накинул на себя, вышел на холм неподалеку и сел. Несмотря на мольбы некоторых случайно оказавшихся там торговцев, он наотрез отказался от еды. Он оставался на земле до шестого дня, когда, ослабевший и измученный, он, пошатываясь, вернулся в деревню и вошел в ужасный мрак своего собственного вигвама. Положив свое тело рядом со спящими женой и детьми, он закрыл лицо халатом и, промедлив три дня, наконец умер”.

Таким образом, в течение двух месяцев погибло все племя манданов, за исключением примерно тридцати или сорока человек, которые были взяты в рабство рикарийцами, которые покинули свои собственные жилища и завладели деревней манданов. Этот остаток доблестных

манданов не смог вынести состояния рабства. Через несколько месяцев после того, как они попали в плен, когда на рикариев напали их враги, сиу, они вместе выбежали в прерию, призывая сиу убить их. “Мы - собаки Рикари!” - сказали они. “Наши друзья мертвы, наших воинов больше нет, наши деревни в руках чужаков. Мы не будем, мы не можем жить!” Затем, размахивая своим оружием таким образом, чтобы спровоцировать врага, все они были изрублены на куски. Ни один не спасся, и манданов больше нет. Где есть более печальная страница истории, чем эта?

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗАПАДНЫХ ИНДЕЙЦЕВ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ.

Из наших предыдущих страниц будет видно, что многочисленные причины способствовали сокращению численности коренных жителей этой страны, так что в настоящее время в Штатах и на территориях этой республики их осталось совсем немного. Согласно последнему докладу Комиссара по делам индейцев Конгрессу, ниже приводится приблизительная численность индейцев в Соединенных Штатах. Из племен, населяющих страну к западу от реки Миссисипи, 168 909; из переселенных - 82 594; нынешнее западное население племен, полностью или частично переселенных, - 89 288; оставшихся к востоку от Миссисипи - 22 846.

Из этого следует, что из различных указанных племен осталось всего около 300 000. Но это включает лишь небольшую часть некоторых из самых многочисленных местных племен, таких, например, как черноногие и другие.

Беды, связанные с близостью белых к индейцам, в то время как последние оставались в пределах Штатов, побудили правительство штата принять политику их переселения в обширную страну к западу от Миссисипи. Эта мера была той, которая, действительно, сопровождалась большими нынешними неудобствами и несправедливостью по отношению к тем племенам, которые стали в какой-то степени несколько цивилизованными, поскольку они были насильно оторваны от своих любимых домов и вынуждены отправиться в свое путешествие в неизведанную страну, где они должны были, так сказать, начать жизнь заново. Многие погибли во время их похода от усталости и болезней. Но сопротивление было безнадежным, и единственный шанс, который оставался у них на сохранение как отдельных племен, заключался в их согласии уйти; и поэтому они подчинились приказу и ушли подальше от своих древних мест власти и мест захоронения своих отцов. Во многих случаях они оставили после себя хорошие дома, хорошо возделанные поля и различные улучшения, которые были плодом многолетнего труда; и, к великому позору белых, в некоторых случаях они подвергались насилию и грабежам, их лишали их собственности и даже ранили или казнили, защищая ее.

Индейская территория, как ее еще называют, представляет собой участок местности, ограниченный на юге рекой Ред-Ривер, на востоке штатами Арканзас и Миссури, на севере и северо-востоке реками Миссури и Панч, а на западе западной границей пригодной для жизни местности по эту сторону Скалистых гор. Это было приобретено по разным ценам у местных племен. Говорят, что почва здесь превосходнейшая, изобилующая прекрасной водой,

древесиной, угольными шахтами, железом и свинцом; в то же время это место обитания многочисленных буйволов, так что оно кажется вполне приспособленным для тех целей, которым предназначено.

План, принятый правительством, заключался в том, чтобы путем покупки аннулировать права индейцев на те земли, которые они покидают, предоставить им другие на новой территории, перевезти их туда и возвести часть их жилищ, вспахать и огородить часть их полей, предоставить им учителей сельского хозяйства, инструменты, лошадей, крупный рогатый скот и т.д., построить школы и предоставить инструкторов, а также принять меры для поддержки тех, у кого на начальном этапе нет под рукой средств для этой цели.

По договору им постоянно гарантируются земли, и были заключены соглашения, по которым они ежегодно получают денежные суммы, а другие суммы также должны расходоваться на полезные предметы и на цели образования. Среди них размещены агенты, которые, а также предоставленные для них учителя, составляют ежегодные отчеты Комиссару по делам индейцев, который включает эти документы в свой собственный ежегодный отчет Конгрессу. Правительства, должным образом сформированные ими самими, также гарантированы им, и понимается, что это замысел привести их к созданию выборных правительств в каждом племени, подобных правительствам наших собственных штатов; все они будут объединены в своего рода федеративную республику. Некоторые племена приняли предварительную меру и уже добились важных успехов на пути к цивилизации.

Относительное положение различных племен таково. Непосредственно у Ред-Ривер, начиная с юга, находятся чикасо; затем следуют по порядку к северу чокто, семинолы, крики, чероки, шаванцы, сенеки, куапо, онейды и тускарора, Пианкешоу и Веах, пеории и каскаския-шаванцы, Канзас, делавары, кикапу; затем, к северу от них, омахау и Отос, миссури, панка и пауни; к северу от Миссури, саксы и Фоксы; а к западу от Пеорий и Онейд находятся Осейджи.

Чикасо в значительной степени слились с чокто. Свой район, называемый округ Чикасо, они приобрели у племени чокто за 530 000 долларов. Договором от 24 мая 1834 года предусмотрено, что 3000 долларов ежегодно в течение пятнадцати лет будут расходоваться под руководством военного министра на образование Чикасо. Это богатые люди, вложившие почти 2 000 000 долларов, с которых они вскоре получают проценты; у них также есть большой фонд для различных объектов, 10 000 долларов из которых в настоящее время используются на цели цивилизации.

Территория страны Чокто занимает 19 200 000 акров хорошей почвы и еще около 6 000 000 акров более низкого качества. Говорят, что сейчас этот народ совершенствуется в цивилизации и комфорте. У них много крупных ферм и много живности, три мельницы для производства муки, десять или двенадцать хлопкоочистительных машин, восемьдесят восемь ткацких станков и двести двадцать прялок.

Народ Чокто принял письменную конституцию, аналогичную конституции Соединенных Штатов. Говорят, что их законодательный орган ведет свои дела с большим благопристойностью. Их журналы ведутся на английском языке, но по ходу дела зачитываются и в штате Чокто. У них четыре судебных округа и обычные судебные исполнители. Они также, говорит агент среди них, быстро приближаются к разделу земель и тщательно изымают и уничтожают виски, незаконно ввозимое среди них. Согласно договору 1830 года, сорок молодых людей племени чокто

должны учиться в школе под руководством президента Соединенных Штатов сроком на двадцать лет. Кроме того, сумма в размере 2500 долларов должна быть применена для поддержки трех учителей школ из их числа в течение такого же количества лет. У них также есть остаток в размере 25 000 долларов неизрасходованной ренты, который должен быть направлен на поддержку школ в двенадцати разных местах; и, согласно договору 1825 года, у них есть еще рента в размере 6000 долларов на поддержку школ.

Среди них, как явствует из последнего доклада Комиссара по делам Индии, пятнадцать учителей и четыреста пять ученых. Тамошние миссии находятся под руководством Американского совета уполномоченных в Бостоне, и в своем последнем отчете они заявляют, что все церкви были увеличены, а общее количество увеличилось чуть более чем на сотню. Общее число, связанное сейчас с пятью церквями, составляет четыреста семьдесят одну. Число чокто, умеющих читать, неуклонно растет, и спрос на книги растет с каждым годом.

Крики не так хорошо организованы в отношении своего правительства, как чокто или чероки. Есть две группы, или пати, одна под управлением Макинтоша, другая - Маленького Доктора. Первая из них принесла из своего бывшего дома свои старые законы; вторые сформулировали свои с момента своего ухода. У обоих из них есть свои генеральные советы, которые объединяют законодательный, исполнительный и судебный департаменты в одном. Они владеют соляными источниками, возделывают землю и занимаются другими благами цивилизации. Говорят также, что у многих из них есть большие поголовья крупного рогатого скота. Утверждается, что до сбора урожая 1837 года они продали кукурузы на сумму свыше 39 000 долларов, и что тогда огромное количество осталось непроданным; и даже эмигранты, прибывшие в страну зимой и весной, предшествовавшими сбору урожая того года, расчистили дерн, огородили свои поля, впервые вырастили урожай и продали излишки кукурузы за 10 000 долларов. Договором от 6 марта 1832 года предусмотрено, что Соединенные Штаты под руководством президента в течение двадцати лет будут расходовать ежегодное пособие в размере 3000 долларов на образование своих детей. Кроме того, 1000 долларов, согласно договору от 14 февраля 1833 года, должны ежегодно расходоваться во время работы Конгресса на ту же цель. Огромное количество криков и семинолов, которые сейчас объединились в это племя, погибло по пути или вскоре после их переселения на индейскую территорию.

Чероки, вероятно, достигли величайших успехов в цивилизации среди всех индейских народов на нашей западной границе. Они владеют многочисленными соляными источниками, которые разрабатываются ими самими и в которых, как говорят, добывается сто бушелей соли ежедневно. Они также владеют двумя свинцовыми рудниками. Восточная часть их страны, которая охватывает поселения, занимает около 2 500 000 акров. У них большое стадо крупного рогатого скота, повозки, плуги, ткацкие станки и прялки; их земли хорошо огорожены заборами из жердей; и у них есть удобные бревенчатые дома с каменными трубами и дощатыми полами, которые хорошо обставлены. У них также есть семь местных торговцев и один постоянный врач.

Их оседлая страна разделена на четыре округа, в каждом из которых каждые два года избираются по два члена национального совета, который называется "Генеральный совет нации чероки". У них есть три главы, одобрение которых необходимо для принятия закона; хотя акт, несмотря на их вето, может быть принят двумя третями голосов совета. У них также есть судебные и другие соответствующие должностные лица. Договором от 6 мая 1823 года

предусмотрено, что Соединенные Штаты должны ежегодно выплачивать 2000 долларов в течение десяти лет, которые будут расходоваться под руководством президента на образование своих детей в их собственной стране в области литературы и механических искусств; также 1000 долларов на покупку печатного станка и шрифтов. По договору от 29 декабря 1835 года сумма в 150 000 долларов выделена на поддержку обычных школ и такого литературного учреждения высшего порядка, которое может быть создано в стране Индия. К этому также добавляется образовательный фонд в размере 50 000 долларов, что составляет в общей сложности постоянный школьный фонд в размере 200 000 долларов, из которого используются только проценты.

Из последнего доклада Комиссара по делам индейцев следует, что чероки неуклонно продвигаются в знаниях и цивилизации. Говорят, что многие из них - люди несомненных талантов и образованности. Конституция и законы страны печатаются и распространяются среди людей. Образование среди них популярно, и вполне вероятно, что они примут предложение агента на своей территории и разделят свои земли на фермы в качестве индивидуальной собственности. Некоторые несчастливцы распри существовали и, в определенной степени, все еще существуют среди них, которые привели к смерти двух или трех их выдающихся людей, особенно Джона Риджа и Элиаса Будино. Их главный начальник - Джон Росс, человек приятной внешности, значительных способностей и джентльмен.

Согласно последнему отчету Американского совета уполномоченных, миссия среди чероки состоит из восемнадцати человек. Есть пять церквей, насчитывающих двести тридцать членов, двадцать шесть из которых были добавлены в течение нескольких месяцев. Организованное там общество трезвости насчитывает среди своих членов по меньшей мере 1560 чероки.

Одним из самых замечательных событий в истории этого народа является изобретение алфавита племени чероки Джорджем Гессом, коренным жителем племени чероки. В отчете о миссии говорится, что этот алфавит обеспечивает, вероятно, самую совершенную орфографию в мире. В народе чероки была опубликована статья, частично на английском, частично на родном языке, отредактированная со значительным мастерством. Миссия использует три станка для печатания книг, в основном для этого племени, хотя некоторые из них переведены на другие языки. С 1835 года, помимо Евангелий от Иоанна и Матфея и Посланий Иоанна, в одной типографии было напечатано не менее тридцати двух различных произведений, почти все из которых были объемом более двадцати страниц каждое, что в совокупности составляет более 2 000 000 страниц. Общее количество страниц, напечатанных среди чероки с 1828 года, как следует из последнего отчета Американского совета, составляет 4 725 000.

В пяти школах, находящихся под опекой миссии, обучается около ста шестидесяти детей-чероки.

Среди этой нации произошло несколько интересных случаев улучшения, на которых, если бы для этого было место, было бы приятно остановиться подробнее. Чероки делают честные ставки, чтобы, если не произойдет никаких неблагоприятных событий, оправдать самые оптимистичные ожидания своих друзей. В разные периоды в течение последних тридцати лет к ним проявлялось много сочувствия, и особенно когда они были изгнаны из своих любимых домов и территории, гарантированной им столькими договорами; и некоторые из самых

красноречивых ораторов в залах Конгресса произносили слова жгучего красноречия, описывая несправедливость и жестокость, с которыми с ними обращались. Остается надеяться, что эксперименту, который они сейчас проводят, будет позволено довести его до конца без каких-либо дальнейших посягательств на их права и счастье.

Помимо этих основных племен, которые получают пользу от миссионеров и школ среди них, есть миссионерские станции среди пауни, сиу, шаванцев, оттава, потаватоми и других племен. По договору большие участки земли или ежегодные суммы были выделены для целей образования, сельского хозяйства и таких других вспомогательных средств для их цивилизации, которые представляются наиболее желательными. Говорят, что отвращение к труду среди некоторых из этих народов постепенно проходит, а идолопоклонство и суеверия искореняются. Они все еще сохраняют свои древние формы правления вождями.

Индейцы Стокбриджа в пределах штата Висконсин недавно получили права гражданства, а прошлой зимой (1843-44 гг.) оттава в штате Мичиган обратились с петицией к законодательному собранию этого штата с просьбой о такой же привилегии. Много интересных подробностей о состоянии школ и миссий среди нескольких индейских племен и их нынешних перспективах можно найти в отчетах различных миссионеров и представителей правительства, некоторые из которых также прилагаются к отчету Комиссара по делам индейцев, ежегодно представляемому Конгрессу.

Из всех этих источников мы черпаем надежду, что в отношении аборигенов нашей страны будет проведен более успешный эксперимент, чем когда-либо прежде, и что вскоре может наступить время, когда им будет разрешено сформировать Государство в этой огромной республике. Причиненные им обиды требуют наилучшего возмещения, какое только может сделать христианская нация; и ежедневно раздается молитва многих благочестивых и сочувствующих сердец о том, чтобы отныне им было позволено без всякого принуждения изучать и применять на практике добродетели мира, ободряя их в каждом честном стремлении творить добро.

Итак, такова, в том виде, в каком мы попытались ее обрисовать, история аборигенов Америки. Грустно размышлять о том, что так много страниц этой книги было написано, так сказать, кровью, и что такое множество людей погибло в тщетной попытке противостоять возмущению и угнетению.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАПАДНЫХ ПЛЕМЕН.

Колумб, говоря об американских индейцах, сказал: “Клянусь вашим Величеством, что в мире нет лучшего народа; они любят своих соседей, как самих себя; их язык самый приятный, мягкий и жизнерадостный, потому что они всегда говорят с улыбкой; и, хотя они ходячатобнаженными, пусть ваши Величества поверят мне, их обычаи очень подобают; и у их короля, которому служат с большим величием, такие привлекательные манеры, что видеть его доставляет огромное удовольствие; а также учитывать большую способность этого народа к запоминанию и их

стремление к знаниям". , что побуждает их задаваться вопросами о причинах и следствиях происходящего".

После приведенного нами мрачного и кровавого описания истории индейцев, особенно тех, что находятся в пределах нашей собственной страны, мы можем улыбнуться лестной картине, представленной первооткрывателем Нового Света. Но мы должны учитывать, что уроженцы Вест-Индии, о которых говорит Колумб, были самой кроткой частью великой индийской семьи; и, кроме того, в то время, о котором он упоминает, они не приходили в ярость от повторяющихся и жестоких обид европейцев.

Оценивая врожденные способности аборигенов, и особенно их пригодность к цивилизации, мы должны принимать во внимание длинный ряд влияний, которые веками приводили их к их нынешнему состоянию. История Перу, так же как и Мексики, убедительно доказывает, что часть из них обладала склонностью к совершенствованию, о чем свидетельствуют успехи, которых они достигли в различных искусствах; и можно добавить, что под руководством Элиота и Мэйхью даже племена Новой Англии, считавшиеся одними из самых диких и неисправимых, добились быстрых успехов в христианстве и мирных искусствах цивилизованной жизни.

Следовательно, если в нашем описании этих северных народов мы были призваны описать их главным образом как воинов, упивающихся кровью и получающих удовольствие от ужасающих сцен резни, грабежа и пожаров, то не следует делать вывод, что таков их внутренний и необходимый характер. В настоящее время действительно проводится эксперимент в больших масштабах и под благоприятной эгидой, цель которого - ввести их в семью цивилизованных людей; и с нашей точки зрения нынешнего положения индейцев в Соединенных Штатах, мы продемонстрировали обнадеживающие успехи, уже достигнутые некоторыми племенами в утонченности и христианских добродетелях.

Таким образом, вопрос о возможности цивилизовать индейцев в пределах наших границ, на первый взгляд, кажется решенным благоприятно. Эта тема представляет глубокий интерес и требует внимания просвещенных умов по всей нашей республике. Наши предки причинили этой расе ужасные страдания; на протяжении веков их кровь взывала к небесам об отмщении. Наше собственное поколение также не свободно от подобной вины или подобной ответственности. Но помимо глубокого долга, который мы таким образом понесли и который в наш светлый век мы должны искренне отдать в пользу оставшихся в живых этих людей, их число все еще значительно, и, исходя из их собственной значимости с этой точки зрения, они вполне могут претендовать на внимание филантропа.

И есть еще один аспект, в котором эта тема приобретает глубокий интерес. Племена на территории Индии теперь могут выставить пятьдесят тысяч воинов. У них прекрасная страна, и, в совокупности, они обладают значительным количеством собственности. Растянувшись вдоль нашей незащищенной западной границы, они могут стать действительно грозными, когда захотят объединиться против нас. У них в изобилии есть лошади, и они могут с быстротой араба перемещаться из одного пункта в другой. У них есть огнестрельное оружие, в дополнение к копью, луку со стрелами и томагавку. С ними соседствуют каманчи на юге и множество других племен на севере и западе. В случае необходимости их легко можно сделать своими союзниками.

Следовательно, положение этих племен очень прочное. Давайте теперь подумаем, что их умы, должно быть, полны горьких воспоминаний о нашем народе. История Филиппа, Сассака и Логана, возможно, не дошла в их традициях до наших дней, но общая история их расы знакома им всем. Когда Кеокук отвечал губернатору Эверетту в здании правительства в Бостоне в 1837 году, он сказал, что старики его племени рассказали ему, что предки индейцев когда-то владели землями до берегов Атлантики и занимали их. Индейцам, от Миссисипи до границ Тихого океана, должно быть знаком тот факт, что они были хозяевами этого континента и что белый человек лишил их наследства. Они должны не только знать эту общую истину, но они также должны знать и глубоко чувствовать насилие и несправедливость того процесса, в результате которого их нации были опустошены, а наследие, которое Бог, природа и их предки завещали им, было вырвано из их рук.

Особый опыт многих из них, должно быть, также способствует увеличению запаса горьких воспоминаний. Судьба Текумсе знакома многим из них, ибо еще живы те, кто сражался на его стороне. История Эверглейдс и гибель Оцеолы, должно быть, часто повторяются теми, кто участвовал в сценах последней войны во Флориде. Будут представлены ищейки, привезенные с Кубы для охоты на них в зарослях, которые придадут эффектную окраску картине страданий, обострят чувство негодования и, если потребуется, побудят душу к актам возмездия.

Таким образом, хотя племена в настоящее время по договору размещены на территории Индии и постепенно перенимают искусства цивилизации под эгидой Соединенных Штатов, следует помнить, что они находятся там не по своей воле и что они унесли с собой давно накопленные воспоминания о своей болезненной истории.

“Я сдаюсь,” сказал Уэзерфорд генералу Джексону, “ по необходимости, а не по выбору. Мои воины мертвы; мой народ убит; сопротивление бесполезно; но если бы у меня была армия, я все еще был бы в поле против вас ”. Именно с таким чувством многие племена вернулись в свои нынешние жилища; и можем ли мы сомневаться, что среди них найдется много смелых и независимых душ, которые обрадовались бы возможности уравновесить тяжелый счет, который в их умах сводится против нас?

Часто случалось, что гнев человеческий был направлен на исполнение воли Провидения. Кто может сказать, что еще не пришло время, когда эти индейские племена обрушат на нас страшную месть и преподнесут миру еще один урок, подтверждающий тот факт, что в истории народов за великими преступлениями обычно рано или поздно следует соответствующее возмездие? Кажется очевидным, что эта концентрация индейских племен на Западе должна вылиться в великие события — либо в их цивилизации, либо в их окончательном присоединении в качестве граждан к нашей республике, либо в будущей борьбе, в которой их власть станет инструментом наказания нашей страны за ее прежний курс несправедливости.

В данном случае у нас есть только одна линия поведения, и она в равной степени продиктована политикой и чувством справедливости. Давайте сделаем все, что в наших силах, чтобы даровать этим трем сотням тысяч индийцев блага нашей собственной религии и цивилизации и подготовить их, как можно скорее, к вступлению в лоно нашего собственного правительства в качестве членов Союза. Давайте сделаем это во искупление прошлой агрессии, как мера будущей безопасности и как очевидный диктат общей филантропии.

Давайте не допустим, чтобы распространенное предположение о том, что индеец неспособен пользоваться благами цивилизации, помешало нам избрать этот курс. На чем основано это представление об индийском характере? Мы понимаем, что нет лучшего основания, чем предубеждение, — и предубеждение тоже, привитое, если не порожденное, желанием найти извинения за суровую и опустошающую политику, которая проводилась по отношению к расе. Индейцы неисправимы, поэтому пусть они будут сметены с лица земли. Такова логика тех, кто желает завладеть своими землями или кто желает оправдать акты грабежа и агрессии.

Давайте не будем делать слишком поспешных выводов в этом важном вопросе. Если до сих пор многие попытки цивилизовать индейцев терпели неудачу, мы не должны отсюда делать вывод, что их природа навсегда исключает их из рамок цивилизации. Не может ли быть какого-то дефекта в средствах, какой-то ошибки в способе, принятом для их инструктажа? и не можем ли мы лучше объяснить неудачу таким образом, чем прибегнув к предположению, которое, кажется, ставит под сомнение мудрость и благожелательность Создателя?

Рассматривая возможность цивилизования индейцев, автор великолепного труда “История индейских племен Северной Америки” и др. делает следующие справедливые и уместные замечания: “Мы считаем, что вопрос заключается не в том, наделен ли интеллект индейца способностью воспринимать цивилизацию, а в том, можно ли настолько смирить его дикую натуру, чтобы сделать его достойным объектом благотворительных усилий. Вопрос заключается не в возможности искоренить его свирепость или придать устойчивость его непостоянным привычкам, а в практической возможности применить к нему те влияния, с помощью которых должны быть подавлены его дурные наклонности и своенравие. Дикого осла можно приручить и превратить в самого послушного слугу человека; трудность заключается в том, чтобы поймать его, поставить под влияние процесса дрессировки. Всякий раз, когда ему надевают уздечку на голову, дело сделано; все остальное следует с определенностью причины и следствия; в борьбе между человеком и животным, между интеллектом и инстинктом последнее должно подчиниться. Так обстоит дело между цивилизованным и диким человеком. Трудности, которые необходимо преодолеть, — это расстояние, на которое разделены расы, и отталкивание, препятствующее их сближению. Нет никакой симпатии между утонченностью цивилизованного человека и привычками дикаря; нет и какой-либо нейтральной почвы, на которой они могли бы встретиться и устранить свои разногласия. Они настолько разделены по шкале бытия, что не имеют общих вкусов, привычек или мнений; они встречаются в ревности и недоверии; отвращение и презрение сопровождают все их общение, и результатом их соприкосновения являются угнетение и война. И почему? Отталкивающий принцип никогда не преодолевается; притяжение симпатии никогда не устанавливается. Стороны не смотрят друг на друга терпеливо и достаточно долго, чтобы примириться со своими общими особенностями и мирно сидеть вместе до тех пор, пока не познакомятся поближе. Привычка терпеть манеры друг друга не укоренилась, как и дружеские отношения, которые являются результатом мирного общения, даже между теми, кто сильно разделен характерами и положением”.

Здесь ясно указано большое препятствие на пути обучения индейских племен; стоит устранить это, и у нас почти не останется сомнений в том, что вскоре нам придется считать сложившееся мнение об их упрямстве ошибочным. Обстоятельства, в которых сейчас находятся эти люди, — многие из них добились значительных успехов во многих искусствах цивилизованной жизни, создали регулярные правительства, поддерживают мирные отношения с Соединенными Штатами и пользуются помощью ревностных и верных миссионеров среди них, —

благоприятствуют проведению еще одного эксперимента для их искупления, и это тоже с важным преимуществом хорошего взаимопонимания между ними и их учителями.

Что касается способности аборигенов к цивилизации, то мы почти не сомневаемся. Мы уже упоминали об успехах Элиота, Мэйхью и моравов в обращении в христианство некоторых из самых диких племен; и было бы легко добавить другие факты того же характера, подталкивающие к тому же. Мы могли бы также представить читателю многочисленные случаи, которые показывают, что индийский характер ни в коем случае не лишен лучших элементов, присущих человеческой природе.

Трогательная история Тоталии, матери из племени чокто, известной белым под именем Дженни, рассказанная преподобным доктором Морсом в его отчете, представляет собой трогательный пример силы и чувствительности материнской привязанности к индианке, которая у римской или греческой матроны была бы обессмертена поэтом и историком. Она была вдовой чокто, который, убив одного из своих соплеменников, был преследуем родственниками покойного и предан смерти, согласно индейским законам. После смерти своего мужа она поселилась недалеко от Сент-Фрэнсисвилля, в Луизиане, где жила rispetably, с четырьмя или пятью детьми, из которых Хоктанлабби, или Соу, ее сын, был старшим.

В возрасте двадцати пяти лет ее сын убил старого индейца, за что, согласно непреложному закону страны, у него отняли жизнь, и он был приговорен к смертной казни. День его казни был назначен и уже наступил, и родственники и друзья убитого, а также другие люди, представлявшие собой смешанную толпу, собрались в своем обычном порядке, и все было готово для вынесения приговора по закону. В этот момент сильных и смешанных чувств Дженни, мать, протиснулась сквозь толпу к тому месту, где ее сын стоял у инструментов, готовых отнять у него жизнь. Затем она обратилась к вождям и компании, требуя сохранить жизнь своему сыну и предлагая взамен свою собственную. Ее просьба была такова: “Он молод; у него есть жена, дети, братья и сестры, и все они обращаются к нему за советом и поддержкой. Я стар; жить мне осталось самое большее несколько дней; я немногим больше могу сделать для своей семьи. И это не совсем справедливо, скорее стыдно *заменять старого вождя новым*.”

Великодушное предложение преданной матери было принято, и ей было предоставлено несколько часов на подготовку к смерти. Она немедленно отправилась в дом леди, миссис Т., которая была ее доброй и щедрой подругой, и, не разглашая, что произошло, сказала, что пришла попросить покрывало и гроб для своего сына. Не подозревая о намерениях Тоталии сохранить своего сына, дама согласилась на ее просьбу. Когда его спросили о длине гроба и погребальных одеждах, мать чокто ответила: “Сшейте их по моему размеру, и они подойдут моему сыну”.

Вскоре после того, как Дженни покинула миссис Т. и отправилась в лагерь, где все было готово к ее казни, поспешно прибыл посыльный и сообщил миссис Т. о том, что происходит в лагере, и о том, что Дженни должна немедленно умереть. Она поспешила на место происшествия с намерением спасти ее; но Дженни, как только увидела приближающийся к ней экипаж, несомненно, вообразив, какова была ее цель, стоя в могиле, схватила дуло пистолета, приготовленного орудия ее смерти, и, приставив его к своему сердцу, умоляла палача исполнить свой долг. Он повиновался, и она упала замертво!

Нам не рассказывают, как случилось, что сын позволил своей матери умереть за него, и мог ли он предотвратить это. Однако, похоже, что его презирали за то, что он позволил это, и что его собственная совесть подстрекала его. Друзья старика, которого он убил, насмеялись над ним: “Ты трус, ты позволил своей матери умереть за тебя; ты боишься умереть”. Не в силах вынести всего этого, он зарезал сына своей бывшей жертвы, но только по прошествии пяти лет после смерти его матери.

Он вернулся домой с видом триумфатора, размахивая окровавленным ножом, и, не дожидаясь расспросов, признался в содеянном. Он сказал своим индийским друзьям, что не доживет до того, чтобы его называли трусом. “Мне сказали, - сказал он, - что я боюсь умереть. Теперь ты увидишь, что я могу умереть как мужчина”. Богатый плантатор, мимо дома которого он проходил, пригласил его посмотреть, как он может умереть. Это было в воскресенье. Понедельник, в двенадцать часов, был днем, который он назначил для своего самосожжения. Здесь была представлена сцена, которая не поддается никакому описанию. Суэ снова прошелся вперед и назад, все еще держа в руке окровавленный нож. Несмотря на все свои попытки скрыть это, он обнаружил признаки возбужденного ума. Присутствовавшая печальная группа состояла примерно из десяти мужчин и столько же женщин; последние с печальными лицами были заняты шитьем верхней рубашки для похорон Суэ. Мужчины, все, кроме двух его братьев, курили свои трубки с видимым безразличием. Соу несколько раз проверял свое ружье и хранил молчание. Его могила была вырыта накануне, и он лег в нее, чтобы посмотреть, подходит ли она по длине и ширине.

Никто не требовал его смерти, ибо все, кто был заинтересован в этом и чувствовал, что это касается их чести, жили на расстоянии тридцати или сорока миль. Песня смерти повторилась, как и рукопожатие. И то, и другое повторилось в третий и последний раз. Сразу же после этого Соу подошел к своей жене, молодой женщине восемнадцати лет, с младенцем на руках и еще одним маленьким ребенком, двух или трех лет, стоявшим рядом с ней, и протянул ей окровавленный нож, который до сих пор держал в руке. Она отвернула лицо, чтобы скрыть скатившуюся слезу, но, придя в себя, с вымученной улыбкой смахнула ее. Его сестра сидела рядом с его женой, полностью погруженная в горе, очевидно, нечувствительная к происходящему, ее глаза были пусты и устремлены на какой-то далекий предмет. Свою трубку он отдал младшему брату, который изо всех сил старался скрыть свои эмоции. Затем он выпил немного виски с водой, швырнул бутылку на землю, пропел несколько слов на языке чокто и, подпрыгивая, пританцовывая, поспешил к своей могиле. Его ружье было прикреплено сбоку к молодому деревцу таким образом, что позволяло ему покончить с собой. Он заявил, что никто не должен отнимать его у него.

Когда эти приготовления и церемонии были завершены, он прикоснулся к аппарату, пистолет был разряжен, и его содержимое прошло через его сердце. Он мгновенно упал мертвым на землю. Женщины подскочили к безжизненному телу. Одни держали его за голову, другие за руки и ноги, третьи опустили на колени рядом с ним. Он велел им не выказывать никаких признаков горя, пока он жив, чтобы это не поколебало его решимости; насколько это было возможно, они повиновались. Их горе сдерживалось до тех пор, пока он не умер; затем оно вырвалось наружу бурным потоком, и их крики и причитания были громкими и нестройными.

Среди бесчисленных обид, которые мы причинили южным индейцам, нам доставляет удовольствие запечатлеть акт справедливости по отношению к интересной девушке из племени

чокто; в то же время инцидент, приведший к этому, имеет отношение к нашей нынешней цели, которая заключается в том, чтобы показать дружелюбные качества, присущие дикарям даже в необразованном состоянии.

“Комитет по делам индейцев покойной Палаты представителей сообщил о законопроекте, разрешающем пожизненную пенсию Милли, индианке из племени Крик, дочери знаменитого пророка и вождя Фрэнсиса, который был казнен по приказу генерала Джексона во время Семинольской войны 1817-18 годов. Этот вопрос был доведен до сведения Комитета военным министром по просьбе подполковника Хичкока, который сообщил подробности инцидента, на котором была основана рекомендация в пользу правительства.

“Милли в возрасте шестнадцати лет, когда ее нация находилась в состоянии войны с Соединенными Штатами, а ее отец был одним из самых решительных и неутомимых врагов белых людей, спасла жизнь американскому гражданину, который был взят в плен ее племенем. Пленник был привязан к дереву, и дикие воины с ружьями танцевали вокруг него, готовясь предать его смерти. Молодая индианка, преисполнившись жалости к преданному пленнику, умоляла своего отца пощадить его; но вождь отказался вмешиваться, сказав, что жизнь пленника находится в руках его похитителей, чье право - предать его смерти. Затем она повернулась к воинам и умоляла их воздержаться от их смертоносного замысла; но она получила отпор, и один из них, сильно разгневанный, сказал ей, что он потерял на войне двух сестер и что пленница должна умереть. Однако ее заступничество продолжалось; она упорствовала в мольбах и использовала все искусство убеждения, которое подсказывала ей женская натура; и в конце концов ей удалось спасти ему жизнь при условии, что молодой белый мужчина наденет индейскую одежду и станет членом племени.

Из информации, переданной полковником Хичкоком, следует, что через некоторое время после этого события белый человек искал на своей благотельнице руки и сердца, но она отказалась и впоследствии вышла замуж за одного из своих соплеменников. Ее муж сейчас мертв. Ее отец был убит на войне 1817-18 годов, а ее мать и сестра с тех пор умерли. Теперь у нее нет друзей и она бедна, живет среди своего народа в их новой стране, недалеко от реки Вердигрис. У нее трое детей, мальчик и две девочки, все они слишком молоды, чтобы обеспечивать себя сами, и, следовательно, зависят от поддержки своей матери.

“Комитет счел, что случай, представившийся в связи с этим делом, был подходящим не только для того, чтобы вознаградить за достойный поступок, но и для того, чтобы показать индейским племенам, как правительство ценит милосердие и человечность. Считалось, что назначение пенсии с четким изложением оснований для ее назначения окажет благотворное влияние на дикие нравы в будущем. Соответственно, был представлен законопроект, позволяющий Милли пожизненно получать пенсию в размере девятиста шести долларов в год, или восьми долларов в месяц”.

В связи с этой деталью мы можем напомнить читателю о Покахонтас, которая, получив надлежащее образование, несомненно, стала украшением самого высокого положения; и мы также можем подробно рассказать историю Аттакуллакуллы и капитана Стюарта, к которой мы обращались на предыдущих страницах.

Форт Лаудон на реке Теннесси располагался в пятистах милях от Чарльстона, и между ними было несколько городков. Он был построен в 1756 году с целью предотвращения вторжений

французов, которые обычно пробирались из Канады и досаждали белым англичанам, которые создавали поселения в этой части страны. В то же время это была защита от индейцев, многочисленные племена которых жили поблизости. Эти индейцы, во все времена дикие и жестокие, были особенно враждебны к белым, тем более что они считали, что те создают по соседству свои поселения.

В вышеупомянутом форте в то время, когда начинается наш рассказ, было совсем немного солдат. Индейцы каким-то образом обнаружили этот факт и решили напасть на него и, если возможно, перебить гарнизон.

План был осуществлен, как обычно, с большой секретностью и хитростью, и, прежде чем солдаты опомнились, форт был окружен большим количеством дикарей, жаждущих их крови. Форт, однако, был силен, ворота были закрыты, и индейцы не могли войти. Но они могли наблюдать за этим. Возможно, со временем они смогли бы заставить гарнизон сдаться, потому что их провизии не могло хватить на все время. Поэтому вокруг постоянно дежурила охрана, и они были настолько бдительны, что ни один белый человек не осмеливался выходить за границу и никто не мог прийти им на помощь.

Какое-то время провизии в форте хватало, но в конце концов солдатам пришлось прибегнуть к мясу своих лошадей и собак, которые из-за скудости пищи превратились почти в скелеты. В течение двух долгих месяцев они терпели давление заточения и скудную пищу. Они хорошо знали, что враг, который их окружал, всегда был свиреп; но теперь они стали бы свирепее вдвойне, придя в ярость от столь долгого наблюдения.

У солдат были отважные сердца; но, в конце концов, они сказали офицерам, что больше не могут держаться. После этого последние собрались вместе, и, после должных консультаций, было решено сдаться и добиться от индейцев наилучших условий капитуляции, на которые они были способны.

Среди них был один человек, которого индейцы уважали, — капитан Стюарт. Соответственно, он был выбран для того, чтобы сообщить врагу, что они продержались достаточно долго и готовы сдаться при условии, что смогут выдвинуть подходящие условия. Индейцы ответили, что они могут выступить со своими ружьями и небольшим количеством пороха и дроби, но что форт должен быть сдан в тот же день; добавив, что они последуют за ними в форт Джордж, где живут их белые братья.

Поскольку это были лучшие условия, чем они ожидали, английские офицеры без колебаний приняли их. Они выступили соответствующим маршем и быстро отправились в путь к Форт-Джорджу. Был полдень, когда они покинули форт, и ночь, прежде чем они остановились.

Утомленные своим тяжелым переходом, они вскоре прилегли отдохнуть. Как раз в тот момент, когда они это делали, они заметили, что все индейцы покидают их. Цель этого движения они не могли объяснить, но, хорошо зная хитрость и коварство диких воинов, они больше не могли спать. Некоторые, возможно, более уставшие, чем остальные, время от времени дремали на несколько минут; но болезненное состояние тревоги, в котором они находились, делало их сон коротким и не освежающим. В таком напряжении прошло несколько часов; но, поскольку ни один индеец не приблизился к ним, они начали тешить себя надеждой, что враг оставил их и больше не вернется. Поэтому они, как правило, ложились и один за другим погружались в крепкий сон.

На рассвете один из мужчин, приставленных в качестве охраны, прибежал в большой спешке, чтобы сообщить им, что к ним тайно приближается большой отряд индейцев. Немедленно была поднята тревога, и мужчинам было приказано взяться за оружие. Призыв, однако, был таким внезапным, а ужас таким всеобщим, что ни у одного солдата не было заряженного ружья, когда над ними раздался оглушительный боевой клич. Нападение дикарей на этот сравнительно слабый и неподготовленный отряд было настолько яростным, что сопротивление оказалось тщетным. Некоторые были убиты, а остальные взяты в плен. Капитану Стюарту связали руки за спиной, и его во главе остальных отвели обратно в форт.

По их прибытии индейский вождь, взяв капитана Стюарта за руку, отвел его в его собственную хижину, развязал ему руки и накормил из его собственной миски. Это был Аттакуллакулла. Несколько дней спустя индейцы провели большой совет по поводу того, как распорядиться пленными. Присутствовали все вожди, и, хотя некоторые на какое-то время отличались от других, они в конце концов согласились послать за капитаном Стюартом и сообщить ему, что они собираются атаковать форт Джордж. “Ты и твои люди, ” сказали они ему, “ пойдете с нами. Ты будешь сражаться вместе с нами. Это результат нашего разговора. Ты должен сделать больше”, - добавили они. “Напиши капитану форта Джордж; скажи ему о нашем прибытии; скажи ему, что, если он сдаст форт мирно, это хорошо; если нет, мы разденем его друга капитана Стюарта и сожжем его на его глазах!”

Капитан Стюарт, не находя другого выхода, сел и в присутствии дикарей написал требуемое письмо; но про себя он подумал, что, прежде чем сражаться против своих собратьев, он должен подвергнуться мукам, даже жестоким пыткам. Вернувшись домой, он сказал Аттакуллакулле: “Ты мой друг; ты показал свою дружбу в час опасности и испытания. Теперь ты можешь показать это снова? Я не могу сражаться со своими братьями. Я должен сбежать, или я умру”.

Аттакуллакулла ответил: “Я был твоим другом однажды; я буду им снова. Ты не должен сражаться со своими братьями. Красные люди не должны убивать тебя. Пойдем со мной, и я уведу тебя подальше от досягаемости кровавого томагавка.

Еще до следующего утра Аттакуллакулла и капитан Стюарт были далеко в своем путешествии по дикой местности. Днем они путешествовали с большой скоростью, а ночью спали на открытой земле. Солнце и луна служили проводниками мудрому индейскому вождю; и пока они шли дальше, по холмам и возвышенностям, долинам и рекам, капитан Стюарт гадал, где закончится их путешествие. На четырнадцатый день они увидели вдали костры и поняли, что поблизости находятся люди. Вскоре они встретили отряд солдат, которые сообщили им, что находятся в Вирджинии и что это лагерь полковника Берда. Они сказали им идти дальше, где они увидят самого полковника. Когда они подошли к этому офицеру, капитан Стюарт представился ему сам и его друг-индеец. Он был рад услышать о побеге капитана и был очень доволен дружбой, которую индеец проявил к белому человеку. “Это, - сказал он, - настоящая дружба, которая проявляется в действиях, а не в словах”.

Когда Аттакуллакулла сказал, что должен уехать этой ночью, два офицера умоляли его остаться с ними на несколько дней. Но старик сказал: “Нет”. Поняв, что его невозможно переубедить, они осыпали его всевозможными подарками и, попрощавшись с ним, проводили его до дома. Вернувшись к своему племени, он встретил нескольких солдат, которые сказали ему, что их

послали из форта Джордж, места, на которое индейцы собирались напасть. Они сказали, что капитан форта Джордж получил их письмо и услышал, что они идут сражаться с ним. Но он попросил Атакуллакуллу сообщить своим братьям, что они не должны подходить к Форт-Джорджу, потому что в ямах вокруг форта было зарыто много пороха и ядер, чтобы взорвать любого врага, который осмелится приблизиться; и что, если они осмелятся приблизиться, их наверняка разнесет на куски.

Атакуллакулла пообещал солдатам, что расскажет об этом индейцам, и снова продолжил свой путь. Добравшись до форта Лаудон, он созвал вождей и рассказал им о послании, которое прислал им белый человек. Они были очень напуганы, когда услышали о порохе и дробе, и благословили Доброго Духа за то, что он не позволил им напасть на форт, поскольку все они, должно быть, были убиты.

Но вернемся к капитану Стюарту. Теперь, когда он сам сбежал, он начал думать о бедных солдатах, которых оставил в плену. Какое-то время он ничего не мог слышать об их судьбе и сомневался, не привело ли его бегство к расправе над ними всеми. Но, наконец, он имел удовольствие узнать от того, кто сбежал, как и он сам, что они живы, хотя все еще находятся в плену. Узнав об этом, он собрал такие предметы, которые, по его мнению, были бы приемлемы для индейцев, - бусы, пуговицы, красные пояса и т. Д., И попросил его разделить их между вождями и попросить, чтобы взамен ему прислали их белых пленников. Подарки оказались приемлемыми для индейцев, и от полноты своей радости они сказали, что должны послать что-нибудь взамен своему другу, капитану Стюарту; но подходящего подарка они не нашли. Атакуллакулла сказал им, что может помочь им выйти из затруднительного положения, и теперь сообщил им о просьбе капитана Стюарта. С этим они единодушно согласились и немедленно сообщили своим пленникам, что те на свободе.

О радости заключенных рассказывать не нужно. Под руководством человека, которого капитан Стюарт отправил с подарками, они были в безопасности доставлены в форт Джордж, где имели удовольствие еще раз встретиться со своим другом и благодетелем, самим капитаном Стюартом, и лично поблагодарить его за добрую память о них в стране их заточения.

Эти и многочисленные другие примеры, которые можно было бы привести, показывают, что смелость и хитрость - не единственные качества индейца, но что, обладая более благородными качествами доброты, великодушия и дружбы, он часто может бросить вызов нашему уважению и восхищению. В способности западных племен к цивилизации, по-видимому, действительно не может быть никаких разумных сомнений.

Что же тогда нужно сделать, чтобы помочь им воспользоваться своим нынешним состоянием для улучшения? Пусть наше правительство проводит по отношению к ним политику примирения; и, сохраняя их нынешние отношения, сделают все, что в их силах, чтобы заручиться доверием и доброй волей этих племен.

Одна из величайших трудностей заключается в преодолении любви к войне и погоне, страсти, которая, если ей однажды дать волю, способна поглотить всю душу. Обычные занятия сельским хозяйством кажутся безвкусными, если не отвратительными, тем, кто привык участвовать в бурных волнениях дикой жизни. Но эту трудность еще можно преодолеть. Пусть главные духи племени будут научены тому, что тропа войны больше не является дорогой к отличию, и вскоре они будут искать его каким-нибудь другим способом. Используя слова автора,

процитированные ранее по этому поводу, - “Поскольку сезон политического соперничества еще не наступил, единственным средством отличия было бы богатство; и слава о накоплении кровавых трофеев на полях сражений была бы обменена на хвастовство широкими полями и многочисленными стадами. Те немногие, кто обладал благоразумием дальновидностью или стремился к возвышению, сразу увидели бы преимущества земледелия и стали бы фермерами. Этот пример был бы спасительным, и один за другим люди захотели бы обладать удобствами и независимостью, которые венчают труд земледельца. Лучшие и наиболее влиятельные люди были бы первыми, кто проложил бы путь в этой реформации; и каждый человек, ставший фермером, был бы мощным защитником этого дела, потому что в его интересах было бы уменьшить число праздных и непроизводительных людей, которые должны зависеть от общества в плане средств к существованию или нарушать мир преступлениями и насилием.

Чтобы ускорить этот результат, обеспечить вознаграждение за трудолюбие и обеспечить более развитую цивилизацию, чем та, которую мы рассматривали, следует предусмотреть, что всякий раз, когда индеец действительно становился фермером и в течение определенного количества лет обрабатывал землю, ему должен быть предоставлен участок земли, право собственности на который должно быть пожизненным для него самого и простой платой для его потомков. Согласно этому положению, части земли будут переданы в частную собственность, а остальная часть может принадлежать нации, когда у нее будет правительство, способное должным образом распоряжаться ею.

Таким образом, индеец мог бы быть привлечен его интересом и подтолкнут к самовозвышению. Мы лишили бы его естественной свободы лишь на тот срок, который был бы необходим для достижения того периода просветления, в течение которого он осознал бы свое истинное положение и был бы осведомлен о средствах, уготованных для его искупления; и мы предоставили бы ему самому искать свое дальнейшее продвижение своим собственным путем. В этом мы должны следовать плану Природы. Первобытные народы не были заблаговременно обучены своим Создателем всему кругу человеческих знаний; но им и их потомкам было предоставлено постепенно открывать для себя богатства и ресурсы мира, благотворно данные им, и повышать уровень знаний путем легкой и полезной для здоровья постепенности.

“Попытки цивилизовать бродячие группы с помощью разума, простой силы истины или какого-либо абстрактного чувства долга всегда были и останутся безуспешными. Сначала должны быть устранены физические препятствия. Среди белых людей христианство, литература и искусство никогда не процветали в период анархии или гражданской войны. В тех странах, где крестьянство угнетено и не имеет ни прав, ни собственности, ни образования, оно деградировало и ожесточилось; и если страсти их дикой натуры не развиваются в мужественных поступках, то это потому, что они обузданы сильной рукой власти. Если мы проследим за народами Европы от их прежнего состояния варварства до их нынешнего морального подъема, мы обнаружим, что всегда действовали одни и те же причины. Первым шагом всегда было приобретение постоянного жилья и, как следствие, любовь к родине и дому. Домашний уют привнес в жизнь социальные добродетели. Последовало обладание собственностью, а затем были задуманы личные и гражданские права, одно за другим. Затем последовала эмансипация от своих вождей, и начали требовать политических прав. Военное положение стало неудобным. Теперь интерес честных и трудолюбивых людей заключался в том, чтобы защитить себя от грабежа и насилия; и подвиги убийства и разбоя перестали быть героическими. Торговля между нациями смягчала предрассудки, производила обмен товарами,

поощряла искусство и расширяла запас знаний. И, наконец, рука об руку шли образование и религия.

“Служители Евангелия и школьный учитель были могущественными проводниками этих изменений, но они никогда не шли в авангарде. Они образуют боеспособный корпус в составе основного корпуса; но их задача состоит в том, чтобы закреплять и улучшать приобретения, которые приобрели кости и мускулы, а также мастерство и храбрость. Как ружье и топор должны сначала покорить лес, прежде чем земледелец сможет обрабатывать землю, так и сильная рука правительства должна установить мир, обеспечить послушание и организовать систему гражданских прав и ограничений, прежде чем мягкие заповеди Евангелия и плодотворные потоки знаний смогут проникнуть в дикую местность и научить пустыню цвести, как роза”.

Этими предложениями мы отклоняем эту тему в надежде, что она привлечет серьезное внимание не только правительства, но и народа Соединенных Штатов; и что в отношении этих остатков американских племен будет избран курс, продиктованный благоразумием, справедливостью и общей доброжелательностью.

СНОСКИ

[1] Подробнее об этом читайте в разделе “Манеры и обычаи индейцев” в “Библиотеке Кабинета министров”.

[2] В “Жизнеописаниях знаменитых индейцев” мы предложили несколько предложений по этому поводу. Если читатель заметит некоторое повторение фактов в этой статье, которые можно найти в только что упомянутой, он сочтет, что это часть нашего замысла - сделать каждый том “Кабинетной библиотеки” завершенным сам по себе.

[3] Отчет о деятельности миссионеров в Парагвае см. в “Огнях и тенях американской истории”.

[4] Смотрите “Жизни знаменитых индейцев”.

[5] Рассказ о Кофачики см. в разделе “Жизни знаменитых индейцев”.

[6] Смотрите “Жизни знаменитых индейцев”.

[7] Подробности жизни Смита см. в “Курьезах человеческой природы” и “Жизнях знаменитых американских индейцев”, статья “Покахонтас”.

- [8] О жизни Филиппа и рассказе о войне см. “Жизни знаменитых индейцев”.
- [9] Рассказ о Бранте см. в “Жизнеописаниях знаменитых американских индейцев”.
- [10] Смотрите Жизнь Бранта в “Жизнеописаниях знаменитых американских индейцев”.
- [11] Смотрите “Жизни знаменитых индейцев”.
- [12] Подробности жизни Понтиака см. в разделе “Жизни знаменитых американских индейцев”.
- [13] Смотрите “Жизнеописания знаменитых американских индейцев”.
- [14] Смотрите “Жизнеописания знаменитых американских индейцев”.
- [15] Смотрите “Жизнеописания знаменитых американских индейцев”.

Примечание переписчика

Оригинальное написание, включая любые варианты (например, умелое), сохранено, за исключением случаев следующих типографских ошибок.

Страница 23, “незыблемый” заменено на “небесный свод”. (уплыл с хрустального небосвода)

Страница 25, “специи” заменены на “виды”. (изобилует породами пахучих деревьев)

Страница 92, “нет” заменено на “нет”. (не входило в план Писарро)

Страница 98, “подразделения” заменено на “подразделения”. (Каждое из этих больших подразделений)

Страница 105, “влажность” заменено на “moisture”. (его люди спаслись от сильной влажности)

Страница 145, “заработки” заменены на “бойню”. (страшная сцена крови и резни)

Страница 162, “Апалачи” заменено на “Аппалачи”. (Чероки, Аппалачи, Катоба)

Страница 163, “южный” заменено на “южный”. (опустошение южных границ)

Страница 210, “шокирующий” заменен на “шокирующий”. (слишком шокирующие подробности)

Страница 238, “эверглейдс” заменено на “Эверглейдс”. (Здесь, в Эверглейдс)

Страница 259, “уве” заменено на “повержен”. (и одерживают победу над своими врагами)

Страница 259, “трон” заменено на “через”. (бросается сквозь толпу)

Страница 289, “инструкторы” заменены на “инструкторы”. (строить учебные корпуса и предоставлять инструкторов)

Страница 298, “мечь” заменено на “возмездие”. (взывал к небесам о мести)